

[Polaris]

ПЕЩЕРА

ЧУДОВИЩ

Забывтая палеонтологическая фантастика
Том II

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

VI

Salamandra P.V.V.

ПЕЩЕРА ЧУДОВИЩ

**Забытая
палеонтологическая
фантастика**

Том II

Составление и комментарии
М. Фоменко

Salamandra P.V.V.

Пещера чудовищ: Забытая палеонтологическая фантастика. Том II. Сост. и комм. М. Фоменко. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2013. – 245 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. VI).

Палеонтологическая фантастика – это затерянные миры, населенные динозаврами и далекими предками современного человека. Это – захватывающие путешествия сквозь бездны времени и встречи с допотопными чудовищами, чудом дожившими до наших времен. Это – повествования о первобытных людях и жизни созданий, миллионы лет назад превратившихся в ископаемые...

Антология «Пещера чудовищ» продолжает в серии «Polaris» ряд публикаций забытой палеонтологической фантастики. В книгу включены произведения русских и зарубежных авторов, впервые изданные в 1900-1920-х гг. и извлеченные из редких ныне журналов. В издании сохранены оригинальные иллюстрации, составляющие неотъемлемую часть первых публикаций.

© Авторы

© Salamandra P.V.V., комментарии, состав, оформление, 2013

ПЕЩЕРА ЧУДОВИЩ

Чарльз Робертс

НА РАССВЕТЕ ВРЕМЕН

Мир до человека

На стоячей воде точно плавала спокойная голова с лошадиной мордой, с широким носом, с бугорками, вместо ушных раковин, и громадными круглыми глазами, кроткими, но немного тревожными.

И немудрено, что животное беспокоилось. Оно недавно попало в этот затон, и в нем появились незнакомые ему, страшные создания. Но мели поросли здесь так густо, а стоячая вода так нравилась ему, что пришельцу не хотелось уходить.

Время от времени, когда в виду появлялось новое чудовище, неуклюжая голова с удивлением поднималась на десять или пятнадцать футов, покачиваясь на длинной шее, похожей на столб, чтобы лучше рассмотреть новоявившегося, потом медленно опускалась на воду.

Вода была почти свежа, потому что этот залив наполнялся большой медленной рекой, которая текла из сердцевины континента. На противоположном плоском берегу виднелся только бесконечный бледно-зеленый лес исполинских тростников, ближайший же берег окаймляла стена отвесных утесов. Отмель между берегом и этими утесами одевали громадные древесные папоротники, тростники и пальмы. Там и сям на скалах сидели большие странные существа с удивительными зубчатыми спинами, похожие на тех птиц, которые снятся в кошмарах. Одно из этих созданий медленно летело со стороны моря; его крылья в восемнадцать футов в размахе не были крыльями птицы; скорее они походили на крылья летучей мыши. На сгибах сидели страшные когти; его ноги были ногами ящерицы.

Голова поднялась из воды и с любопытством посмотрела на ящерицу-птицу, впрочем, без большого страха.

А между тем это летучее создание было страшно: оно махало крыльями судорожно и резко. На высоте футов двадцати над стоячей водой летучая ящерица остановилась. Ее громадные, круглые глаза, казалось, не заметили странной

головы, наблюдавшей за ней с поверхности воды; вдруг с хриплым отрывистым криком она покачнулась в воздухе и бросилась на гигантскую голову, лежавшую на воде.

Как ни было быстро это неожиданное нападение, но нападающий ударил только вспененную воду. Голова исчезла с быстротою молнии. Громадная птица-ящерица или была слишком рассержена, или недостаточно умна, чтобы объяснить это явление. Она снова взлетела на воздух, скрипя своими, похожими на клюв, челюстями, и стала кружить над поверхностью, ожидая нового появления, по-видимому, безобидной головы.

И действительно, голова не только снова поднялась на большой высокой шее цвета кожи, но и взвилась высоко в воздухе. Теперь ее большие спокойные глаза сверкали злобой. Плоские лопатообразные челюсти широко раскрывались. Голова ухватила врага за начало хвоста и, несмотря на его крики и быстрое биение крыльями, потащила вниз. На поверхности воды началась судорожная борьба, широкие крылья ушли под воду.

Несколько минут вода кипела и пенилась, маленькие волночки набегали на отмель, а владелец, по-видимому, безобидной головы, тащил своего врага и давил его среди водяных трав, там, на дне. Мало-помалу пена слегка окрасилась в багровый цвет и измятое изуродованное тело большой птицы-ящерицы всплыло. Владелец странной головы ее не съел: он питался только нежными травами. Тело все еще содрогалось; громадные, темные сломанные крылья в легких судорогах распростерлись на поверхности.

Но недолго они оставались здесь. Кругом закипела вода, и множество внимательных зрителей борьбы, кипевших кругом, толпой накинулось на добычу. Жадные рыбообразные чудовища, полу-дельфины, полу-аллигаторы раздирали жертву, дрались, поедали друг друга.

Как только началась эта борьба, мрачные фигуры, сидевшие на красных скалах, заволновались: они поднимали высокие плечи, наполовину распуская жесткие драпировки своих крыльев. Увидев, что их товарищ обессилен, летучие ящерицы с резкими криками закружились над зелеными

вершинами пальм и перистых каламарий. Кружась, они собрались над местом страшной последней борьбы, и то одна, то другая из них падала и кусала череп или морду озабоченных рыб-хищников своим режущим клювом. Многие из водяных хищников, обессиленных этими ударами, были разорваны своими же товарищами.

А на расстоянии футов пятидесяти ближе к берегу лежала на поверхности безобидная голова, вызвавшая кровавую расправу, смотря недовольными, удивленными глазами. Медленно поднялась она снова футов на десять над водой, точно желая лучше рассмотреть бой, потом опять опустилась и исчезла в воде.

И вот сильно возмущенная вода на протяжении сотни футов начала двигаться к берегу; скоро поднялась целая гора — спина цвета кожи; наконец, колоссальная фигура, перед которой слон показался бы крошкой, вылезла на отмель.

Тело этого изумительного создания было раза в четыре больше тела самого большого слона. Оно опиралось на громадные ноги, похожие на колонны, и наклонялось к передним лапам. Его шея походила на шею жирафы, но длиной была более двадцати футов и сливалась с маленькой головой; хвост, чудовищно толстый в основании, мало-помалу сужался и кончался тоненькой веревочкой. Он тянулся футов на пятьдесят.

Выйдя на берег, животное подобрало этот колоссальный хвост, свернуло его полукругом на боку, может быть, для того, чтобы его нежный конец не сделался добычей какого-нибудь незначительного, но ловкого мародера.

Несколько времени колосс (это был один из динозавров, или страшных ящериц, известных под названием диплодоков) стоял на всех четырех лапах, вытягивая извилистую шею во все стороны. То тут, то там он срывал охапки нежной травы, покрывавшей пространство между стволами папоротников и пальм. Место нравилось ему; оно было удобно. Правда, целые рои свирепых насекомых-москитов невероятно большого размера и чудовищно больших жалящих мух, стремившихся положить яйца в его мягкую кожу, беспокоили великана. Но своей длинной, жирафообразной шеей он за-

щищался от них и легким движением хвоста беспрестанно сгонял насекомых с любого места своего громадного тела.

Между тем на воде все затихло. Птицы-ящерицы улетели. В тишине раздался страшный треск ветвей, который смешивался с криками. Изумленный диплодок сел на задние лапы, как кенгуру, опираясь на корень своего хвоста. В таком положении его голова, поднятая на сорок футов над уровнем земли, смотрела сверху на все, за исключением самых высоких деревьев. Он смотрел, увидел нечто — и в его круглых глазах, похожих на блядечки, мелькнула тревога.

Пролагая себе дорогу между деревьями, ломая древовидные папоротники, мчалось животное, похожее на него самого, но вполовину меньше и с более короткими шеей и хвостом. Оно было в ужасе; его преследовал, прыгая как исполинский кенгуру, динозавр, с хвостом, как у ящериц, с такими же задними ногами, с четырехугольной сильной головой, с челюстями, усаженными клыками, со страшными, раздирающими когтями на передних коротких лапах.

Это было существо другого вида, чем травоядный диплодок. Животное принадлежало к страшной семье динозавров, плотоядных. Массивный игуанодон, несшийся перед ним и бывший в три раза больше его, имел основание бояться хищника, как корова боится волка.

Через мгновение преследователь и намеченная жертва выбежали на открытое пространство недалеко от диплодока. Страшным скачком, с свирепым криком, преследователь кинулся на шею игуанодона, повалил его на землю, где он распростерся с хриплым воплем, нелепо размахивая своими кожистыми отростками на неуклюжих лапах. Победитель перегрыз ему горло.

Диплодок смотрел сверху на эту сцену. Правда, животные были незначительны по размеру, но в меньшем из них чувствовалась такая лютость, которая ужаснула его тупое сердце. Внезапно слепая злоба охватила маленький, неразвитой мозг диплодока. По-прежнему с полу-свернутым хвостом он наклонился; его тело задрожало; и потом, как пущенная стрела, кинулось вперед. Хвост (а он весил, по край-

ней мере, тонну) ударил и победителя и жертву уничтожающим ударом, подтянул к ногам колосса.

Исполин наступил на них, с яростью начал давить лапами и скоро превратил оба тела в бесформенную массу. Потом стал медленно пятиться к воде, ушел туда, где росли самые густые водоросли, и опять весь спрятался под поверхность, оставив наружу только свою маленькую голову.

Но недолго картина оставалась мирной. Ужасная раздавленная масса, вся кровавая, привлекла живых существ. В разных местах послышался треск, появилось множество прыгающих кенгуруобразных плотоядных. Тут были и побольше, и поменьше — футов от десяти до восемнадцати-двадцати; все динозавры переглядывались враждебно, с завистью. Однако при виде достаточного количества пищи, они с хриплыми криками накинулись на добычу.

Над этой кишачей толпой появились две большие тени, постояли с мгновение вверху, потом две ящерицы-птицы упали в самую середину груди; с дикими криками, с полуприподнятыми крыльями они раздавали удары страшными клювами и, наконец, завладели пиршеством. Другие непрошеные гости выскочили из чащи — и скоро от угощения осталось только два скелета, отчасти разбитые и уничтоженные. Во время окончательной свалки погиб и был уничтожен один из меньших застольных товарищей.

По окончании пира все разбежались. На месте остались только две летучие ящерицы. Они молчаливо били по костям скелетов своими железными клювами, пожирая остатки пира.

Когда все стихло, диплодок пошел снова пасть. Нужно было много пищи, чтобы наполнить этот большой желудок. Когда же исполин наелся, он спокойно пошел спать, совершенно скрывшись под водой и положив голову на маленький островок из истлевших камышей.

Когда колосс проснулся от своей дремоты, солнце уже было на половине пути к закату, и отмель ярко горела в послеполуденном свете. Все погрузилось в тяжелое молчание. В сонном мозгу диплодока мелькнула мысль, что ему нужно пойти и покушаться в восхитительной теплоте. Но едва

он двинулся, как его бдительный взгляд снова уловил движение в лесу; он опять поспешил спрятаться под воду.

На берегу показалось животное еще необыкновеннее его самого. Новый пришлец был тридцати пяти футов в длину, и его тяжелое тело опиралось на такие короткие и согнутые ноги, что он полз, почти касаясь животом почвы. Его маленькая голова, опущенная к земле, походила на голову ящерицы с плоским черепом; его рот заходил дальше глухих глаз. От затылка начиналась оборонительная броня. По всей громадной арке спины до задних ляжек и до половины толстого хвоста бежал ряд громадных стоячих плоских роговых пластин с остроконечными концами и заостренными краями. Самые большие из этих пластин прикрывали центр спины, поднимались каждая на три фута и были почти такой же ширины. Там, где меньшие пластины кончались — на середине хвоста, они заменялись восемью громадными, заостренными в иголки шипами, сидевшими попарно; главная пара имела около двух футов длины. Кожа чудовища была покрыта чешуей и роговыми выпуклостями, ярко окрашенными в черный, желтый и зеленый цвет; благодаря этому, его странное тело было мало заметно среди резких теней и пятен света в зарослях папоротников, служивших его жилищем.

Исполин диплодок нервно задвигался и попятился от него, когда новый пришлец, казалось, решил подойти к воде.

Но и новый посетитель не был спокоен... Его тревога скоро объяснилась. Огромными прыжками за ним неслись два динозавра, которые не нравились наблюдателю, лежавшему среди тростников. Они появились по обеим сторонам пятнистого стегозавра, который остановился, напряг все мышцы и так втянул голову в широкие складки кожи на шее, что только из-под первой чешуйки брони выставился его острый кусающий клюв. Один из двух нападающих грозил ему с фронта, другой поспешно и ловко кинулся на его заднюю дугообразную ногу, стараясь выдернуть ее наружу и уронить врага на бок.

В то же мгновение застучала кожа, покрытая пластинами, и вооруженный хвост взмахнулся с изумительной быстротой... Один из нападающих взвизгнул: три из гигантских шипов стегозабра вонзились в него.

Он царапался, извивался, стараясь освободиться, а его товарищ смело кинулся ему на выручку, ударив на незащищенный бок стегозабра. С ужасным ворчанием великан упал на бок. В то же время его толстые передние лапы сжали нападающего и до такой степени давили и разрывали его, что он был рад, когда вырвался.

С отрывистым звуком, вроде кашля, он отскочил подальше, а его товарищ, сошедший с зубцов, уныло потащился по берегу к лесу, оставляя позади себя длинную кровавую полосу. Второй динозавр мрачно последовал его примеру. Торжествующий стегозавр тяжело перекачнулся, снова стал на ноги, сердито хрюкнул, потряс своими бронями, помахал страшным хвостом, точно желая убедиться, что все в

порядке, и пошел в другую сторону леса, очевидно забыв о воде.

Между тем колосс-диплодок, наблюдавший за битвой, вылез на берег, подвернув под себя бесконечный хвост и лег погреться на знойном солнце. Он начинал осваиваться с новым местом, в котором поселился, начинал верить в свою силу. Его глаза прикрылись пленчатыми веками, и еле глядели на колышущиеся заросли на поверхность воды, которая время от времени вскипала от быстрого движения какого-нибудь невидимого исполина — акулы или ихтиозавра.

В тяжелой жаре полуденного зноя, юный мир затих. Летучие ящерицы закутались в свои крылья и, немые, неподвижные сидели на стенах из красных скал.

Слышался только легкий шелест тростников, да внезапное жужжание больших насекомых, случайно проносившихся вверх.

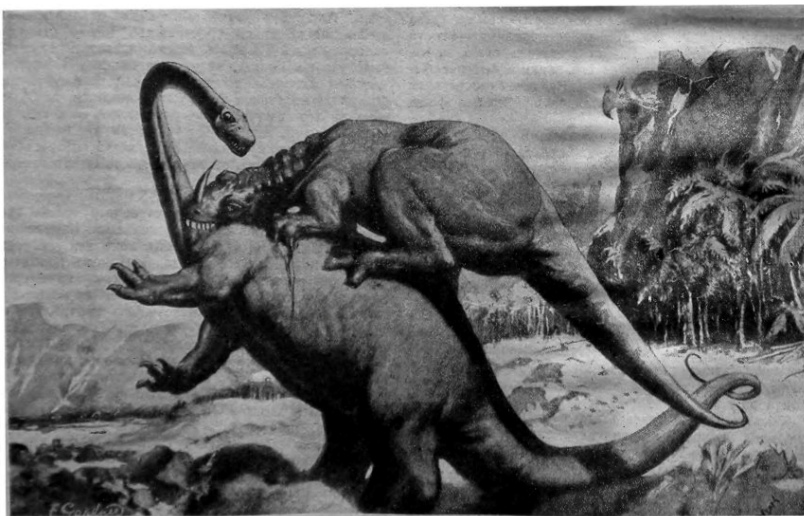
За отмелью там, где древесные папоротники и каламари росли особенно густо, листва бесшумно раздвинулась на высоте двадцати футов от почвы, и оттуда выглянула страшная голова. Ее челюсти были длинны, массивны и вооружены громадными зубами, изогнутыми, как турецкие сабли. Над пылающими глазами свешивались костистые пластинки, и на морде поднимался один длинный и острый рог. В течение нескольких минут страшное существо смотрело на спящего колосса; потом прокралось бесшумно к отмели.

В общем, это чудовище походило на других кровожадных динозавров, отличие составляли только рог на храпе да броня над глазами. Зато он был гораздо больше, достигал длины тридцати пяти футов, и его сложение казалось крепче. Бесшумно, но, по-видимому, неуклюже покачиваясь, подняв хвост кверху, чтобы он не тянулся и не двигал камнями, хищник подкрадывался к дремавшему диплодоку...

В уме мирно спящего колосса зашевелилось смутное предчувствие опасности. Он боязливо поднял голову. Рогатый гигант весь сжался и двумя громадными прыжками подскочил к нему. Хвост колосса страшно бичевал воздух, но

нападающий миновал его, вскочил на плечи жертвы и запустил свои страшные клыки в основание ее колоннообразной шеи.

В первый раз колосс потерялся от ужаса. Из его пасти вырвалось пронзительное, тонкое мычание, до нелепости тонкое при такой гороподобной фигуре. Он изогнул шею в змеиные складки и стал судорожно бить кольцами хвоста. Но челюсти врага не ослабевали, и железные когти по-прежнему не выпускали его тела.

Несмотря на многопудовую тяжесть, давившую плечи диплодока, он поднялся на задние лапы и постарался перекинуться на тело врага. Но мародер ловко избежал ушиба и при этом не отпустил жертвы. Весь окровавленный, диплодок опять закричал, разбудив дремавших летучих ящериц, быстро кинулся в воду и унес с собой своего страшного противника, который вместе с ним скрылся под окровавленной пеной.

Рогатый гигант, сам отличный пловец, в воде был как дома; однако, в этом отношении он не мог состязаться со своей добычей. Отказавшись разжать лапы, он был унесен

в глубину: там колосс стал быстрым, ловким и сумел умно опрокинуться на врага. Принужденный разжать когти, динозавр нанес диплодоку удар рогом, погрузил его в бок исполина, потом выскользнул из-под него.

Динозавру пришлось подняться на поверхность воды, чтобы дохнуть воздухом. Он колебался, не желая бросить борьбы, но и не желая подвергаться новой боли в глубине. И вот, на расстоянии футов сотни от себя, он увидел кроткую маленькую голову колосса, по-видимому, плывшую по течению, устремив на него тревожный взгляд. Но она мгновенно исчезла и внезапное страшное волнение, а потом водяной след, уходивший с необыкновенной быстротой, показали ему всю бесплодность преследования. Он отправился к берегу.

Жестоко раненый диплодок плыл, оставляя за собою кровавый след. Наконец, на середине залива, далеко от обоих берегов, далеко от ужасов, ютившихся в лесах папоротника, тянулось несколько акров залитой низины, поросшей высокими зелеными тростниками.

Диплодок торопливо двигался по болоту то вплавь, то по колени в воде, считая, что это удобный для него приют и отличное пастбище. Но раны его жестоко болели. Вот он завидел продолговатый, узкий островок и вылез на него. Его ноги вязли в мокром песке; когда же он остановился, то почувствовал, что предательская мель медленно засасывает его.

В ужасе диплодок стал биться, чтобы вернуться к воде, но его усилия еще глубже заставляли погружаться бедного колосса. Он поднялся на задние ноги — и немедленно провалился в песок до бедер. Он упал вперед, — передние лапы его погрузились до лопаток.

Судорожно колотя песок хвостом, гигант поднял голову и жалобно закричал.

Его усилия привлекли страшных мрачных птиц; они спустились и скоро покончили с ним. Песок медленно поглощал изумительно громадный скелет погибшего диплодока, заключая его в свои недра на полмиллиона лет.

А. Романовский

СЛОНОВИЙ «ДЕДУШКА»

Рассказ-быль

Рисунки В. Щеглова

I.

Первые следы

Пароход словно в прятки играл с дальним городом, скрываясь в речных излучинах и забегаая за дубовые рощицы. Сож, как и все малые реки, вертляв и поэтичен: то над самым омутом свиснет сочно зеленая шапка леса, то в реку врежется желтый нож косы, и на ней, сонно нежась, застынут цапли и аисты, то широким фартуком округлится песчаная отмель с паутиной просушивающихся сетей и рыбацкими биваками. И оттого, что берега были близко и на палубу доносилось мычание коров и голоса береговой жизни, на пароходе казалось уютнее. Да и сам пароход вел себя немного по-домашнему: возьмет, да и ткнется кормой прямо к обсыпающей береговине. Капитан кричит: «Живо!», и неизвестно кому: причальщикам ли, матросам или пассажирам, суетливо пробегающим по перекинутой доске. А на берегу — пестрые толпы встречающих и любопытствующих. Мальчишки-шутники после отвала подхватят конец причальной веревки и потянут ее вперед, на толпу, подрезая и сваливая людей. Гомон, взвизги, смех...

Мы со спутником сидели наверху, на открытой палубе. Рядом с нами, на скамье примостился смоленский бородач с мешком и плотничьими инструментами, лезвия которых были закручены соломой и тряпками. Он ехал очевидно на заработки. Уж несколько раз, жмурясь от воды и солнца, он порывался заговорить с нами. На его озабоченном лице без

слов был написан вопрос: «А что слышно про заработки?» Наконец, поправляя мешок, он как бы вскользя спросил:

— Далече едете, товарищи?

— Да вот куда охота заведет, — говорю я.

— По бекасу али по утям ходите? — допытывается он.

— Нет, мы за мамонтом, — улыбаюсь ему. Он недоуменно глядит.

— Это где же он — спод Киевом али на низу?

— Нет, дядя, он в земле. Тысячи лет в земле лежал, — объясняю я.

Бородач смотрит на меня долгим испытующим взглядом, потом надвигает картуз, отворачивается и недоверчиво косит глазами, словно хочет сказать: «Чудные люди! То ли в глаза смеются, то ли взаправду чудят. А толку от них пожалуй ни на грош». — И он отодвинул от нас свой мешок.

К вечеру пароход добежал до Днепра. Впереди, на полыхающем фоне заката четко обозначилась линия высокого правого берега. Горным гнездом наверху сгрудилась кучка домиков. Это Лоев. Пароход словно обрадовался большой воде: загудел, задымил, встрепенулся и весело нырнул в вечерние речные дали, навстречу кое-где мерцающим сигнальным огонькам.

Спустилась ночь, и берега утонули во мраке. Мир упростился: над головой была бездонная чернь с бисером звезд, под ногами — площадка, уходящая вперед, а в теле — одно чувство мягкого движения. После разнообразия дня не хотелось расставаться с этим полудремотным ускользящим ощущением. Неожиданно справа, из темноты донеслись слова, которые вмиг расшевелили потухавшие мысли. Как на охоте, внимание сразу обострилось, и слух не проронил ни одного звука.

— Мы и отвозили эти самые кости в Киев, — слышалось оттуда. — В шестнадцатом году было. Я тогда в матросах служил. Почитай, ящиков с десять погрузили, а были из них такие, что длиной с телегу. Вот это зверь был! И как только мать сыра-земля носила таких? Мало-мало не с пароход. Уж и шуму он тогда понаделал! Каждым пароходом подвозили мы к Табурицу десятка по четыре-по пять пассажи-

ров: тут и профессора, и студенты, и военные. Только и разговору на палубе: «Мамон, мамон!» А в народе слушок пошел, будто там клад нашли, потому от приезжих и отбою нет. Люди тоже пустились копать. Начали с запорожских могил. Один солдат нашел золотого оленя. Офицер узнал, отнял у него оленя, а самого послал на фронт. Много тогда кое-чего болтали в народе. Еще вот сказывали, что мамон тот в Днепре застрял и отвел реку почитай километров на пять вбок...

Неторопливо и размеренно лился из темноты негромкий сказательский говорок. Мы притаились, напав на след зверя. По сторонам в потемках неясно вставали сутулые очертания холмов и обрывов, будто неслышно проходили по берегам древние ожившие чудовища. И долго еще в тот вечер мы «охотились» за невиданным зверем.

II.

В гостях у «дедушки»

«Дедушка» живет теперь в Киеве, в одном из зданий современного кубически-бетонного стиля. Когда мы вошли в вестибюль, нас встретил маститый старец с белоснежной бородой — сторож, достойный своего тысячелетнего жильца. Он показал нам на стеклянную запертую дверь. Позволили. Где-то во внутренних покоях продребезжал звонок. К нам вышел человек с землистым и будто пропыленным цветом лица и повел нас широким светлым коридором. По сторонам выстроились застекленные этажерки и столики с минералами. Кругом стояло безмолвие кладбища. Наконец слева перед нами открылась дверь. Мы перешагнули порог и остановились...

— Вот он, — сказал человек с серым лицом. — Обыкновенный мамонт является предшественником современного слона, а этот — предшественник позднейшего мамонта. Его условно можно назвать дедом современного слона. Это един-

ственный в мире полный экземпляр, и над которым мы тут и работаем*.

Вся комната была тесно уложена костями. Они лежали прямо на полу. Могучий костяк! Вот берцовые кости, как обрубки жердей, бивни по два с половиной метра длиной, громадная челюсть с зубами, ребра, лопатки...

Подумать только — десятки, а может быть и сотни тысяч лет назад эти разъятые кости были живым существом! Земляной музей отлично сохранил эту древнюю тайну, а вот человеческие музеи едва не погубили ее. Впрочем людям в эти годы было не до мамонтов, а больше до Мамонтовых и Деникиных. Увидевший свет в 1916 году костяк этот начал скитания из учреждения в учреждение, из музея в музей, со склада на склад. Его спа-

сла только хорошая упаковка. Теперь он нашел свою резиденцию — геологический музей — и заботливые руки. Нежнее чем няня из консультации к ребенку, наклонился серый человек к метровой костице и поднял ее на руку. С улыбкой, смахнувшей пыль с его лица, он сказал:

— Вы видите?

Мы ответили утвердительно. И он так же заботливо опустил кость на пол. Потом, обведя глазами комнату, набитую костями, и будто угадывая наши мысли, он продолжал:

* Латинское название более близкого к нашей эпохе мамонта — *elephas primigenius*, а более древнего, о котором здесь говорится, — *elephas trogontherii* (Здесь и далее постраничные прим. авт.).

— Наука, граждане, великая очистительница умов. Даже при помощи этого мусора она восстанавливает истину. Известно например, что в средние века кости мамонта считались остатками титанов, когда-то якобы населявших землю. Греки одну кость мамонта приняли за кость своего древнего героя Аякса. А позднее преклонялись перед скелетом другого мифологического героя — Ореста, который оказался четырехметровым ископаемым верзилой. Этим невежеством как всегда воспользовалась церковь. В храме Христофора в Валенции зуб доисторического животного с человеческий кулак долго выдавался за зуб святого. А в Вене еще недавно остатки мамонта переданы из церкви Стефана в музей Венского университета.

Человек с серым лицом преобразился: его глаза засверкали, речь убыстрилась, и даже пергамент лица слегка заалел.

— Находки необычайных костей на Западе почти всегда сопровождались шарлатанством, а на Востоке — курьезнейшими легендами. Если угодно, я познакомлю вас с парой документов. — И ученый повернулся к шкафу, отыскивая какую-то книгу.

— Вот... — продолжал он через минуту, — вот как говорится о мамонте в одном китайском сочинении: «Животное, называемое тиен-чу, называется также фин-чу, что значит: «мышь, которая прячется». Это животное, обитающее в подземных пещерах, походит на мышь, но величиной с буйвола или быка... Фин-чу посещает темные и уединенные места. Он умирает, как только его коснется луч солнца или луны... Животное это глупо и лениво». А вот что рассказывает русский путешественник конца семнадцатого столетия: «Об этом звере говорят разное. Язычники в Якутске, тунгусы и остяки, сказывают, будто мамонты* постоянно или только в суровые морозы живут в земле и ходят там взад и вперед. Сказывали также, будто часто видели, как земля

* Предполагают, что название «мамонт» произошло от татарского слова «мамма», что значит «земля».

приподнимается, когда зверь этот ходит в болоте. Видели также, что когда он пройдет, земля на том месте опускается, и остается глубокая яма. Еще говорили те язычники — если мамонт подойдет столь близко к поверхности мерзлой земли, что почует воздух, он немедленно умирает. Вот почему так много этих зверей попадает мертвыми в высоких обрывах рек, куда они нечаянно вышли из-под земли». Вы понимаете: огромный зверь, блуждающий под землей? Что может быть наивнее этого образа? — И ученый, улыбаясь, взглянул на нас. Он вправе был гордиться победой науки, которую она одержала лет сто назад, когда на смену мамонтовым легендам пришли строго научные факты.

Из комнаты с костями нас провели в маленькую лабораторию. Здесь стояли корыто и ведро с клеем. Чтобы закрепить трухлявые кости, их опускали в клей, а потом высушивали. На полу был разложен могучий позвоночник. Тысячелетние кости отогрелись в клее и обдавали тошнотворной затхлостью. Глотая густой зловонный воздух, мы внимательно осмотрели музейную «кухню».

Когда костяк будет проклеен, его скрепят пластинками и поставят в одном из вестибюлей здания. Нам показали то место. Это будет достойное стойло для гиганта. Четыре белых колонны возвышаются по сторонам. У одной из них уже стоит старший брат мамонта — окаменелый кряж третьего дерева.

III.

Мамонтоискатели

Однажды великий Кювье* обрадовался как ребенок: ему прислали из России грубый рисунок скелета мамонта, который полностью подтвердил его гипотезу. Этот научный праздник имел перед собою длинную вереницу будней. Ученые того времени не знали мамонта и считали его кости слоновыми. В подтверждение своей догадки они ссылались на римские легионы, которые-де заводили своих слонов не только в Германию и Францию, но случалось и в Англию. Кювье, имевший в своем распоряжении отдельные кости мамонта, утверждал, что это древнее животное никак нельзя отождествлять с современным слоном. Шли годы.

Тем временем на крайнем севере далекой Сибири медленно готовились события. Однажды летом скромный тунгус-охотник Шумахов после неудачной охоты в устье Лены переехал на Тамутский полуостров. Бродя по берегам озера Онкуля, он заметил в глыбах льда какую-то бесформенную массу. Охотник заинтересовался и ежегодно заглядывал в эти места. Прошло два года и из обтаявшей глыбы стали выступать бок зверя и клык, а еще через два года вся туша свалилась на прибрежный песок. Это был мерзлый мамонт. Шумахов впоследствии взял из него самое ценное — бивни, а тушу бросил на месте. Между тем мамонт продолжал обтаивать. Доисторическое мясо так хорошо сохранилось в сибирском леднике, что было даже съедобно: охотники-тунгусы в глухие голодные месяцы не раз кормили мамонтом своих собак. Не брезговали им и белые медведи, волки, лисицы. Вся туша была разворочена, кругом валя-

* Ж. Кювье (1769-1832) — знаменитый естествоиспытатель, основоположник сравнительной анатомии, палеонтологии и естественной системы животных.

лись клочья шерсти, и во все стороны расходились тысячи звериных следов.

И только в 1806 году, через семь лет после первого прихода Шумахова, в эти места приехал сотрудник Академии Наук Адамс. Он нашел вместо туши вонючие следы многолетнего пиршества. Тем не менее трофеи Адамса были ценны: он увез почти целый скелет животного и кожу, покрытую густой шерстью и настолько тяжелую, что десять человек едва дотащили ее до места погрузки.

Слух о находке прокатился по всей Европе, а через некоторое время в музей Академии Наук встал трехметровый гигант. Кювье торжествовал, а мамонт, как особь, получил полное признание...

* * *

Перед вечером мы сидели с приятелем на вековых киевских горах. Внизу дымили заводы Подола. За ними струился голубой конвейер Днепра. И дальше — курчавые сгустки зелени, огромные посуды и поля, поля... Находясь под впечатлениями дня, мы старались вообразить себе то время, когда в этих местах бродили мамонты. Это почти не удавалось. Мы только что вспоминали историю онкульского мамонта. Внезапно меня осенила соблазнительная мысль. Я начал осторожно:

— Послушайте. У каждого мамонта есть своя история...

— Пожалуй, — согласился приятель. — Но что вы хотите сказать?

— Ничего особенного... — отступил я на шаг, а помедлив немного, спросил: — Вас удовлетворил музей и эти кости?

Мой спутник замаялся. Тогда я пошел в атаку.

— А вероятно и табурищенский мамонт при втором рождении на свет имел свою историю.

Приятель сделал вопросительное лицо. Я пошел напрямик:

— А не махнуть ли нам на его могилу?

— В Табурище?

— Да, в Табурище.

Мы недолго размышляли. И не успели на Подоле загореться цепочки огней, как решено было продолжить длинный ряд мамонтоискателей еще двумя фигурами. Предстояло спуститься вниз по Днепру километров на триста.

И вот на другой же день мы снова сидели на палубе. На этот раз она в несколько рядов уставлена корзиночками с клубникой. В воздухе носится сладко-пряный аромат слегка закисающей ягоды. Днепр солнечно ясен. У берегов, медлительные и трудолюбивые, скрипят колеса-самокаты. Это кустарные мельницы и сукновалки. Обгоняем плоты. Их мокро-убогий обиход весь как на ладони. Вот двое повисли на загребном весле, третий сидит около соломенного шалаша и внимательно ищет в снятой рубаше. Пучок подмокшего сена, какая-то рванина, разбухшие лапти, скучающий пес... Суровый быт тяжелого труда! Но нередко на плотах красуются кокетливые фанерные домики. Это — забота Украинлеса. Целыми караванами тянутся плоты вниз, на Днепрострой. Там, за порогами — лихорадка, борьба и напряжение. А здесь — мирные речные картины. И кажется, будто около этих плотов и колес-самокатов даже время идет по-иному: медлительнее, с развалкой и ленцой.

Километрах в пятнадцати от Кременчуга из Днепра вылезают первые каменные клыки — предвестники порогов. Здесь-то, против острова Пеньщикова, на правом берегу и раскинулось село Табурище. Около него, как цыплята около клуши, сгруппировались поселки: Городеи, Черноморивка и Скубиивка.

Пароход остановился в полукилометре от села. Надо было пройти каменистый пустырь. Какой-то «дядько» с мешком за плечами и связкой железных труб спереди оказался нашим попутчиком. Он «чичеронил»:

— Оце наша скала! У Днепропетровски будет первый гранит, а у нас — второй.

И в самом деле, на пустыре из-под верхнего покрова тут и там выпирали замшелые граниты. В одном месте подземная скала была разворочена и вынута по кускам, полу-

чилась огромная каменная яма. А кругом по полю были разбросаны гранитные бруски, одни из них были еще бесформенны, другие наполовину уже приняли изящные геометрические очертания. В строгих серых тонах и простых линиях угадывались составные части будущего городского ландшафта: обтесанные плиты лягут в мосты, фундаменты, облицуют дома, бордюром обведут дороги. На каменоломне было тихо — праздновали.

«Дядько» повернул влево, а нам показал вперед, на бугор:
— Оце сельрада!

У сельрады был суматошный день. Весь пригорок за хатами заставлен был подводами. Шел ветеринарный осмотр. Мы едва протиснулись в комнатуху председателя. Он глянул на нас пристальными ярко-голубыми глазами. Но серьезный, с морщинкой на лбу, взгляд никак не вязался с белокурым молодцеватым вихром, который задорно выпрыгивал из-под фуражки. Мы сказали, что ищем могилу мамонта, и просили у председателя содействия и указаний. Его лицо постепенно расплывалось в улыбку, которая откровенно говорила: «Ах, вот что! А я думал, что у вас что-нибудь серьезное». И он крикнул:

— Семен, коли у нас було це... с мамутом?

— А як дорогу строили—послышалось из толпы.

— Хто бачив його?

— Та дядька ж Прокопий знае, вин був там.

— Слышь, Семен. Кажи ему, щоб пришев сюда.

После этого вся толпа начала деятельно обсуждать вопрос о мамонте, строя догадки и давая советы. А вскоре к нашему общему удовольствию явился Прокопий Конько, и мы отправились. Прокопий был подвижной и болтливый мужичонка. Несмотря на жару, он был одет в поддевку и огромные сапоги. То обгоняя нас, то оборачиваясь, то заходя с одной стороны, то с другой, он, не переставая, болтал.

— Мамут! — восклицал он. — Ох, як же тогда було: и на конях и з пароплаву сила народу понаихало. Мы ж вси тогда робили на дорози. О-о, за цим горбуком вина. Степан и копав його. Вин знае усе.

Прокопий егозил, и мы не знали, куда он нас ведет: к Степану или к мамонтовой могиле. Село растянулось километра на два. Мы шли из улицы в улицу. По сторонам уткнулись в зелень хатки-белянки. Около некоторых красовались вместо плетня гранитные пояски и скамейки. У оград томились белена и дурман. За хатами и плетнями переплетались вишенники и шелковицы. Каждый уголок выглядел игрушечным, опрятным и уютным. Иногда широкая улица от края и до края преграждалась необъятной лужей, и тогда нам приходилось, цепляясь за плетень, виснуть над разводьем.

Наконец мы остановились около одной хаты. Прокопий скрылся за углом. А через минуту он привел к нам Степана. Это был молодой крестьянин, красавец, гоголевский Левко. Горячие глаза, щеки как спелые персики, и тонкие, будто шелковые шнурки, усы. Но в разговоре он был скуп на слова, холодноват и серьезен. Мы быстро сговорились. Перед отходом он зазвал нас выпить чаю. Приветливо встретила нас молодайка. Горница была прибрана рушниками и шитьем. Пахло вялыми травами, которыми был усыпан пол. Неожиданно мы услышали московскую песню — зашумел примус.

— Та у нас в каждой хати примус, — отозвалась хозяйка на наше удивление. — Приидесть из степу — не до пичи, а його загорнуешь — скоришенько зваришь.

Начались разговоры про крестьянство, про труды и думы. И словно пепел сдуло с угольков — загорелся Степан.

— Ще циим литом ладили, як лучше. Хлеб на степу сием, за пьятнадцат километрив.

— Что же вы думаете сделать? — спросил я.

— В гурток* треба, в культурно дело! — убежденно отозвался Степан. — Взять ба и горку пид сад...

И он начал развивать перед нами свой план. А когда мы все вместе выходили из хаты, Степан коротко, как бы про себя, закончил:

— К тому литу уйду в обще дело.

* Гурток — колхоз.

Он сказал это негромко, но так решительно, что трудно было не поверить.

IV.

По древнему дну

Мы вышли из села на широкую низменную луговину. Сначала тянулись проплешины обнаженных песков, а дальше пошли более темные наносы, затянутые мелким дерном и промокшие от недавней грозы. Луговина упиралась в крутые склоны высокой террасы, которая тянулась параллельно Днепру, километрах в трех от него. Было очевидно, что эта терраса и представляет собой древний, матерой берег Днепра. С веками река уклонилась вправо, но возможно, что она просто усохла. Мощные ледники, отступая к северу, давали начало величайшим рекам дилuviальной (ледниковой) эпохи, и кто знает, быть может и эта низменность, и село Табурище, и нынешний Днепр, и за ним правый берег вплоть до такого же уступа — все это представляло собой единое русло грандиозной реки! По этим береговым возвышенностям разгуливали тогда гигантские бескрылые птицы, подходили к воде мегатерии — исполинские млекопитающие-тихоходы — и семиметровые мамонты... По мере того как мы вникали в окружающий ландшафт, старушка-Земля рассказывала нам увлекательнейшие были из своих тысячелетий.

Мой спутник просто и умело говорил о прошлом Земли, путешествниках, мамонтах и расшевелил у наших проводников жилку интереса.

— В Сибири, товарищи, есть места, где находят огромное количество мамонтовых костей. Целые мертвые стада! Например — на островах Новой Сибири и Ляховых. Там даже мамонтовый промысел завелся. И плохой год, если не соберут по всей Сибири сотен трех бивней. Раньше в Туркестане продавали их прямо на базарах. А вот недавно

во Франции была выставка — так там были наши изделия из мамонтовой кости. Чтобы мамонты так сохранялись, нужен суровый климат с вековой мерзлотой в почве. Часто людям даже не верится, что зверь пролежал в земле десятки тысяч лет. А это несомненно так. Был например такой случай с одним путешественником...

Рассказчик приостановился, будто припоминая что-то. Наши проводники превратились в слух. Прокопий даже споткнулся, потому что неотрывно глядел в рот моему приятелю. А тот неторопливо продолжал:

— Лет восемьдесят пять назад некий Бенкендорф занимался исследованиями в устьях Лены и Индигирки, недалеко от моря. Лето было жаркое. Солнце пекло почти круглые сутки. И реки вздулись небывало. Индигирка хлынула в тундру и разлилась целым морем. Она, видимо, так увлеклась весенней беготней, что забыла даже, где ее русло. Поэтому, когда вода стала спадать, Индигирка очутилась совсем в другом месте, далеко от прежнего пути. Бенкендорф и его спутники, заинтересованные этим явлением, отправились на новые берега. Воды еще klokотали. Река рвала целину, углубляя и расширяя свое ложе. Размокшая тундра не сопротивлялась: громадными глыбами она отваливалась в реку и раскрывала свои тысячелетние недра. Вдруг один из команды Бенкендорфа вскрикнул. Все повернулись к нему и увидели недалеко от берега чудовищную массу, похожую на грудку деревьев. Грудка хлюпала в воде, производя какие-то движения, но вперед не подвигалась. И каково же, товарищи, было удивление людей, когда они увидели в воде огромную слоновью голову с хоботом и бивнями. Животное, когда-то выбиваясь из сил, закатило глаза и делало хоботом судорожные движения, будто искало выхода из бурной воды. Один из охотников, присмотревшись, крикнул: «Мамонт! Сюда! Скорее цепь!»

А животное все сильнее раскачивалось вверх и вниз. Всем стало ясно, что мамонт держался только на задних ногах. Люди быстро опутали его цепями и веревками и закрепили их на берегу. Река не заставила себя долго ждать: вскоре она окончательно подмыла мамонта, и его вытащили на

берег. Это было чудовище метров пяти длиной. Его дикий вид, открытые глаза и длинная шерсть произвели на людей жуткое впечатление. Когда-то, в незапамятные времена мамонт очевидно вышел из лесной полосы в тундру. Случайно он попал на зыбкое место. Верхний покров не выдержал огромной тяжести и раздался. Мамонта засосало в тор-

фяное болото, а вскоре и сковало льдом. Быть может первое же половодье принесло на это место слой песку, который не дал оттаять болоту, и оно погрузилось в вечную мерзлоту. Вы знаете, сохранился даже последний завтрак этого мамонта. Когда у животного вскрыли желудок, то в нем оказались молодые побеги ели и сосны и пережеванные еловые шишки. Вы понимаете? От тех времен, когда люди были еще похожи на обезьян!

Но Индигирка очевидно спохватилась, что выдала людям слишком много тайн. Она незаметно подмыла берег, и мамонт вместе с глыбой земли ухнул в воду. Люди едва успели отскочить на несколько шагов. У них в руках остались только бивни, которые они незадолго перед тем отрубили. Вы видите, товарищи, сколько интересного находится у нас под ногами, в земле!— И мой приятель повел глазами на своих слушателей.

Степан по натуре был молчалив, его выдавали только глаза, которые говорили об упругих мыслях и внутреннем горении. Прокопий же не сводил глаз с рассказчика. Из его рта непроизвольно вылетали отрывочные слова:

— Та як же вин?.. Мабуть це... Ой же який!..

Вообще Прокопий, несмотря на свою болтливость и хаотичность, оказался тоже незаурядным мужиком. Обо всем-то он подумал, многое взвесил, осмыслил по-своему окружающий мир и составил на все свои оригинальные суждения. Поэтому, когда разговор перекинулся на вопрос о начале Земли и всего живого, он развил свою теорию.

— По-моему Адамив було не один, а много, — размахивал руками Прокопий. — Исть на земли арапи, исть китайцы, японцы... Як же так? Значить був и черный и желтый Адам? Исть ласточки, а то щурки. Породи разные! И у каждой породе свой Адам був.

У Прокопия выходило как-то так, что вся живая природа — и ласточки и китайцы — представляли собой одну большую семью, происшедшую от родных братьев — Адамов. В этом любовном отношении ко всему живому было много наивного, трогательного и человеческого.

За разговорами мы незаметно подошли к откосу. Нам не сразу пришлось подниматься на крутой склон: дорога пролегала по дну широкого оврага, буйно заросшего зеленью. При входе стояли две хатенки, рядом желтело пшеничное поле; такие засеянные площадки встречались и выше по оврагу. Человек хотел построить здесь свое благополучие на водяном стоке, но овраг жестоко мстил ему. Через все посева шла широкая полоса смятой и размытой пшеницы, будто по ней проехал вал дорожной трамбовки и вмял колосья в глину. Это были следы недавней грозы. Вода с высокой береговины ринулась в овраг, сметая все на своем пути. Говорят, бывали случаи, когда после ливней находили в низине кавуны и копны хлеба.

Дорога медленно шла вверх. Бузина, калина, дубки и липы теснились по сторонам, словно радуясь укромному местечку. Овраг был полон ароматами цветов и трав: тут и лобода выкидывала свои желтые свечи и красноголовый будяк стоял словно сторож, медово благоухали синяки, мерцали чернобривки и красавки. У Прокопия ни одна травка не была забыта: каждой — имя, каждой — внимание. Он шел впереди, немного закинув голову, так что клочки его

сивой бороденки отлепились от шеи. Видимо ему приятно было подставить лицо встречным струям ветра. Время от времени он взмахивал руками, будто хотел обнять душистую зелень. И шаг его был легкий, несмотря на его огромные сапоги. В Прокопии чувствовался большой природолюб. И природа очевидно платила ему тем же: она наделила его веселым нравом и острыми чувствами.

Между тем овраг мелел и наконец совсем сгладился: мы поднялись на матерой берег. Прямо перед нами виднелась низинка, которую пересекала железнодорожная насыпь со сквозной гранитной трубой для проточной воды. Мы повернули влево, к тому месту, где линия дороги упиралась в холмистую грядку.

V.

К мамонтовой могиле

Железная дорога прокладывалась здесь во время европейской войны. Она была почти закончена: оставалось только положить шпалы и рельсы, но постройка была почему-то заброшена. И странно было видеть железнодорожную насыпь, по которой пролегалла колесная дорога и росли цветы. Возвышенность, пересекавшая путь дороге, была прорезана выемкой, похожей на овраг. Мы вошли в эту расщелину. По мере нашего продвижения стены по бокам росли. По более отлогим местам пополз кустарник. На обрывах обнажились породы, среди которых четко выделялся дилювиальный пояс — желтовато-бурая железистая полоса, которую оставила органическая жизнь эпохи. На самом дне этих отложений, в шести метрах от теперешней поверхности гряды и найден был скелет мамонта. Мы сели у его могилы и слушали рассказ Степана. Восемнадцатилетним парнем он работал на дороге и первый наткнулся на костяк. Дело происходило приблизительно так.

Однажды к вечеру, перед самым окончанием работ Степан устало накладывал последнюю тачку земли. Вдруг заступ уперся во что-то твердое. Степан сначала не обратил на это внимания — камни часто попадались в земле. Он только поглубже вогнал ногой лезвие и, нажав на заступ, хотел приподнять камень. Но заступ скребнул обо что-то неподвижное. Степан начал окапывать место. И вот из земли постепенно вылезла кость, похожая на заточенную жердь. Это окончательно озадачило Степана. Он окликнул соседей и показал им на диковинку, торчавшую из земли. Подошедшие тоже недоумевали и строили догадки. Одни говорили:

— Это, Степа, отметка на кладу — ты запорожскую могилу откопал.

Другие предлагали еще более легендарное объяснение:

— Нет! В земле, в середине живет козерог, он давно хочет пробиться на белый свет — душно ему там и жарко. Вот он и пробивает землю рогом. Самому бы ему еще долго трудиться, а Степан ему и помог.

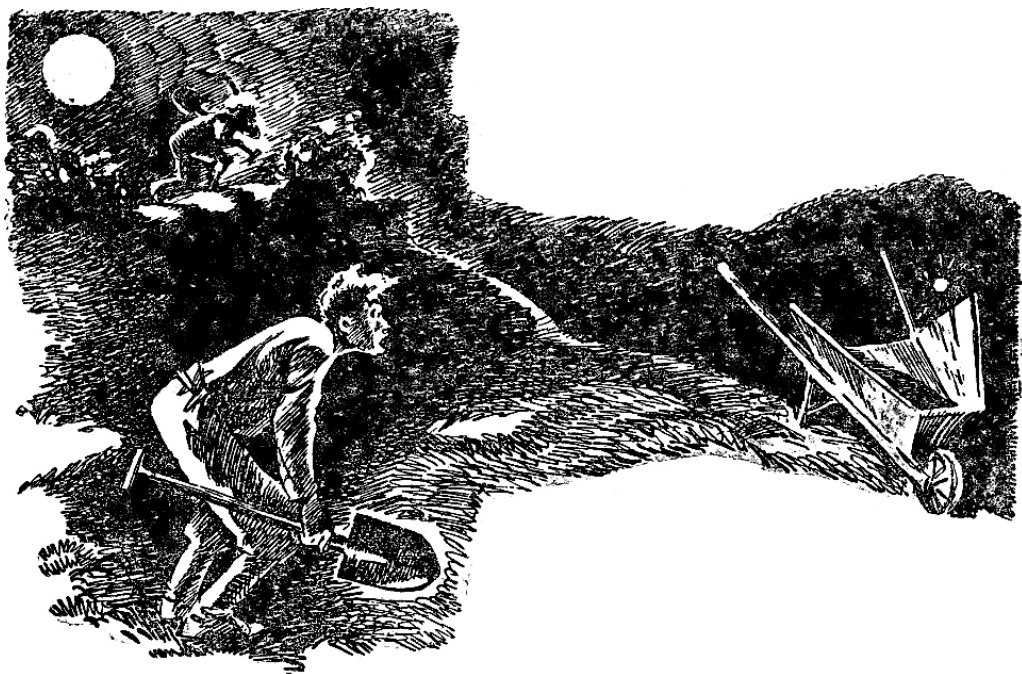
Старики решили сразу:

— Люципирь! — и, чураясь этого места, отошли поскорее прочь.

Пришли техники, инженер. Они осмотрели находку и на два дня велели прекратить работу около этого места.

Тем временем сумерки наполнили выемку до краев. Надо было идти домой, а Степана словно цепью приковало к находке. Вздоражила его догадка товарищей: «А вдруг это указка на кладу?» Молод был, быстрого счастья хотелось. Вышел Степан из выемки, боком-боком — и в кусты. Пополз на бугор и смотрит с откоса. Внизу пусто — последние расходятся. Только дед Стуконож что-то захромал, трет ногу, отстаёт от других. Вот присел, перематывать лапти начал на ночь глядя. Да в дальнем углу выемки какой-то усердный продолжает копать — напала охота не ко времени. Но Степан думает: «Все равно пережду».

Стемнело. Из-за дальних бугров луна выглянула огненным лицом. «Это хорошо, — думает парень, — светлее будет копать». Подождал еще немного и поднялся. Идет вниз, пригибается. Сердце колотится воробьем. Нашарил заступ в кус-

тах, окинул взглядом окрестность... да так и замер на месте. На противоположной стороне выемки тоже кто-то шел, крадучись по-за кустами. Мелькает в бледном свете лохматая голова... «А ведь это дид Стуконож! — всполошился Степан. — Ах старый бис! И не хромает». А дед тоже пригнулся за кусты. Взглянул Степан вправо и... что за наваждение! — внизу, прячась за тачку, мелькает красный глазок папироски. «Это тот ретивый копарь», — негодует Степан и в отчаянии смотрит налево. И кажется ему в неверном свете, что из-за насыпи перед бугром лезет еще чья-то голова.

А луна уже заглянула в яму. Вот сейчас и место с кладом осветится. «Теперь бы только копать да копать», — скрипит зубами Степан. Но только он поднимет голову — зашевелится в кустах напротив дед Стуконож, вспыхнет папироска справа и голова лезет из-за насыпи. Все, мол, тут — видим... «Ах ты, нечистая сила!» — ругается Степан.

Так и просидели до свету, глаз не смыкая. Когда стали собираться копары, Степан окольными путями пробрался к себе домой, завалился спать, на работу не вышел.

К вечеру надвинулись ленивые тучи, заморосил дождь. Степан радуется — в такую ночь только и копать! Поднимается оврагом — зги не видать. Решил подойти к месту не по насыпи, а сверху, с бугра: были там на срезе ступеньки понаделаны. Прислушался — тихо. Только дождик легонько шепчет в кустах. Нащупал Степан первую ступеньку, потянулся ногой, да не рассчитал. А ступеньки — глинистые, оплыли от дождя. Поскользнулся Степан да со всего откоса кубарем вниз и отмерил. А на дне во что-то ткнулся, кто-то крикнул около него. Закружилась голова у Степана, ничего не соображает. Вскочил как полоумный и ринулся куда-то в темноту. А по сторонам — топот, стук, одышка... Сорвался Степан в какую-то яму и что-то потянул за собою. Над ним загрохотало и навалилось на него всей тяжестью. Лежит он ни жив, ни мертв, проклятый клад ругает.

Прошло полчаса, потом час. Утро уже сереть начало. Опомнился Степан, ощупал вокруг себя, видит — тачкой накрылся. Выглянул из ямы — обомлел. Под самыми ступеньками у откоса дед Стуконож сидит и по-настоящему

ногу растирает. Из-за тачек и из канав еще две-три головы показались. Вылез Степан и, не глядя ни на кого, отправился восвояси.

А в обед того же дня приехали сведущие люди. Понаехало много и любопытных из Кременчуга и Новогеоргиевска, кольцом стояли они около находки. Сгрудились вокруг и рабочие. Степану с товарищами велели окопать это место и осторожно углублять канаву. Он работал усердно и молча, не отрывая глаз от заступа. Получилась огромная глыба земли, вся насыщенная костями неожиданного пришельца из отдаленных эпох. Смерть гиганта очевидно была мучительна, потому что его костяк был скрючен и бивни торчали кверху.

* * *

...Давно, еще за много тысячелетий до исторического рассвета, из Скандинавии поползли ледники и закрыли пол-Европы. На льду жить нельзя, все живое сгрудилось в южной половине: и носороги, и пещерные медведи, и мамонты, и человек-гориллоид. Стало тесно, стал обезьяноподобный враг донимать. И потянулось зверье на восток. Пошел и наш «дедушка». Был он стар. Кожа на его голове будто просмолилась и походила на кору старого дуба. Шуба была изношена: почти до земли свисала редкая черная шерсть, из-под нее виднелся свалявшийся и пролысевший красновато-бурый подшерсток. Шел он через горы и леса, гонимый судьбой. Летом питался травами и дикими бобами, а зимой наклонял могучими бивнями деревья и общипывал мелкие побеги и кору. Леса стояли под небо — можно было укрыться. Но вот старик вышел на высокую береговину. Перед ним бушевала река и скалила навстречу зверю подводные каменные клыки. Понял «дедушка», что не те годы, что не сладить ему с бурным течением, не дотянуть до другого берега, который стлался впереди синей лентой. И стал он одиноко бродяжить у берега. А обезьяноподоб-

ный враг уже выслеживал его, строил козни, но встречи избегал и прятался от зверя в свои пещеры.

И вот однажды на заре обычной своей тропой старик понуро плелся на водопой. Север дышал холодными струями. Суровым, мрачным строем остановились на берегу дубы и ясени. От века они глядели на речные просторы. Уж мелькнул впереди просвет, сейчас тропа пойдет вниз, к воде. И вдруг совершилось непонятное. Земля расступилась под «дедушкой», и передние ноги ухнули вниз. Но он успел зацепиться бивнями за корни у противоположного края и, вытянувшись, начал карабкаться передними ногами. Но в этот момент сорвались задние, и старик рухнул вниз. Яма была глубокая и тесная. «Дедушка» сидел на задку, а хоботом делал отчаянные движения. Он попробовал упереться в стенку, но земля была плотна. А сверху виднелись далекие просветы в лесном шатре. Почуял старик свой конец и, вытянув хобот, взревел трубой.

Но не пришли люди на этот зов, не осыпали злосчастного пленника градом камней и кремневыми копьями, — видно и их звериную судьбу настигла какая-нибудь беда. Через несколько дней «дедушка» весь, скрючился и затих. А вскоре прошла жестокая буря и натворила много беспорядков в девственных пущах. Огромный дуб, который стоял около ямы, вывернуло с корнем и глыбой земли навсегда закрыло мамонтову могилу...

* * *

После осмотра люди начали постепенно разбирать мамонта и складывать его кости по соседству с ямой. Потом их запаковали в ящики и увезли на трех подводах.

Старики не верили, что это зверь, и впоследствии доказывали:

— Хиба ж це не люципирь? Лег поперек дорози — так усю и загородив. С циих пор ее и забросили...

Прокопий со своей жилкой натуралиста конечно не мог пройти мимо такого исключительного явления, не объяснив его.

— Это вин потому оказался тут... — размахивал он руками. — Як Ной пистроив коучег, посадив туда всякой твари по пари, а мамут не вместився. Так вин и остався и погиб от потопу. Его и скрючило...

Мы поднялись. Закат обвел края оврага кровавым бордюром. Дилювиальный пояс потух, посерел. По низу поползла сырость. Я на минуту оглянулся и подумал: «Вот тут, в двух шагах от нас, в тяжелом смертном одиночестве когда-то умирал мамонт...» Но ни умом, ни чувством почти невозможно было преодолеть тысячелетия, которые отделили от нас глубокую древность земли.

Б. Сотник

ХА ИЗ СТАИ ХОУ

Научно-фантастический рассказ

Иллюстрации С. Лузанова

Стая Хоу бедствовала.

Целую неделю дожди мешали ей зажечь охотничий степной пожар, а вчера был залит ливнем ее последний единственный костер. Напрасно стая рылась целые сутки в сыром сером пепелище, стараясь найти хотя бы искорку пламени, хотя бы одну чуть тлеющую головешку. Напрасно самки наносили груды самого отборного сухого сена и тонкого мха на скорчившихся кусочках древесной коры. Напрасно старый Хоу и самцы стаи с пучками этого сена и мха ползали на четвереньках по влажному пеплу, раздувая его так, что целые головешки перепрыгивали через их согнутые спины. Костер потух безнадежно.

Вымазанный мокрою сажей, мудрый Хоу казался еще страшнее, чем всегда. Седовато-бурая шерсть, покрывающая его голову, плечи, спину и грудь, слиплась от пота и грязи в клочья, которые казались колючками, торчащими отовсюду из его тела. Злой поднялся он с земли, выпрямился, зарычал сердито на остальных, дал здорового тумака подвернувшемуся ему под ноги Гам-Хи и медленно пошел к ближайшему дереву леса. Отряхнувши с себя остатки пепла и грязи, тщательно прочистивши свой широкий холодный нос, он забрался по сучьям на дерево, как можно выше, пока ветви не стали гнуться в дугу и трещать под его тяжестью.

Долго протяжными-протяжными глотками втягивал он в себя через широкие ноздри приносимый оттуда ветром воздух. Ничего!

Нигде не видно дымящейся, бросающей огонь, вершины вулкана, такой знакомой и родной, такой успокаивающей и надежной в обычное время; нигде не заметно тонкой струйки дыма, поднимающейся от костра степных охотников обезьян, так ясно говорящей, где может быть зажжен охотничий степной пожар. Ни откуда не доносится сладкий запах гари, обещающий всегда обильную и вкусную пищу изголодавшемуся желудку.

Ничего! Лишь далеко на западе видны в траве темные пятна пасущегося стада быстроногих лошадей, о которых теперь, без огня, и мечтать нечего, да с сырого пепелища иногда доносится унылый запах погасшего костра, неприятный, тоскливый, тревожный запах.

Он видел, как медленно на запад подвигался по своим голубым степям, там, наверху, этот удивительный Ха (так обезьяны звали огонь), зажигающийся утром и погасающий вечером где то в горах, в лесах, в степи. Туда же на запад, за ним, верхним Ха, бежали серые и белые стан лохматых облаков. Туда же, на запад, медленно передвигалось пасущееся вдалеке стадо лошадей.

Куда идти? Обезьяны внизу внимательно следили за Хоу. Это не мешало им однако же постоянно шарить в траве и в кустах, выискивал все, чем можно было бы заглушить терзающий их голод. Слизняк, улитка, суетящийся в граве кузнечик, выползший из-под коры жук, а то и просто молодые побеги ближайшего куста или свалившийся с дуба желудь становились добычей цепкой руки, раздроблялись и разжевывались сильными, крепкими челюстями.

Хоу слез с дерева. Набив обе щеки, насколько они могли выдержать, желудями, он что-то хмуро буркнул и двинулся вдоль опушки леса на запад. Стая гуськом заскользила за ним.

Они шли несколько часов. Тени сделались длиннее и отсветы солнца на листьях и стволах деревьев уже перестали быть такими блестящими, что на них больно смотреть. Уж

напоенный запахом цветов и болотной прели воздух не колебал в своих струях очертаний противоположных опушек лесной прогалины и далеко стоящих отдельных деревьев. Стало не так жарко. Со степи подул ветерок.

Хоу вдруг остановился. Рыжеволосая Гиги, обладающая острым обонянием, заворчала и опасливо подалась к ближайшему дереву.

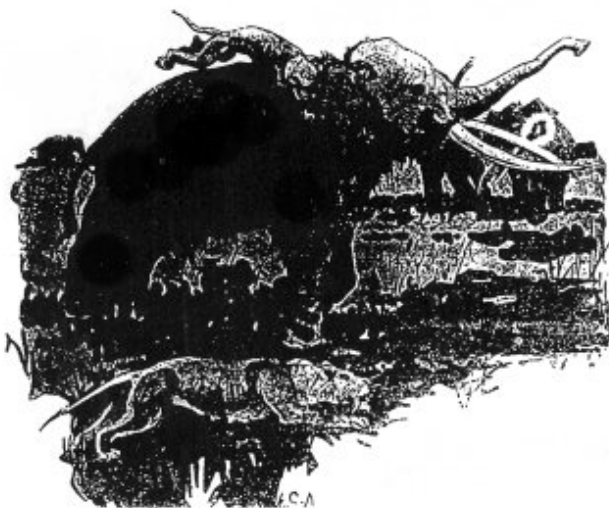
Старый вожак осторожно раздвинул ветви куста, отделяющего от него степь, и стал пристально во что-то вглядываться. Раздуваемые степным ветерком, клочья длинной шерсти на плечах и груди тихо колыхались, обнажая по временам то здесь, то там грязновато-белые полосы кожи. Лоб его наморщился и волосы на затылке и шее иногда поднимались дыбом, а правое ухо начинало шевелиться, напряженно к чему-то прислушиваясь. Прошло несколько мгновений. Хоу, крадучись, повернул к высокому дубу, глухо и грозно ворча, забрался в зеленый переплет ветвей и притаился. Один за другим, вся стая последовала его примеру.

За группой деревьев, зеленым мысом вдающихся далеко в степь и протянувших теперь по тихо шелестящей траве вечерние длинные тени, двигались какие-то темные силуэты. От них мигали и потухали просветы между блестящими на солнце стволами дубов, берез и вязов. По временам оттуда доносился треск и глухое рокотанье. Вот из-за дрожащей узорчатой сетки переднего дерева выдвинулась огромная, коричневатая масса, и на солнце сверкнули две белых полосы. От них взметнулся вверх гибкий отросток и змеей обвился вокруг пучка зеленых ветвей. Мгновенье — дерево встрепенулось, зеленый пучок оторвался с треском и исчез между двумя блестящими остриями.

Слоны! Стая Хоу следила за ними, притаив дыханье. Ах, если бы желтый и горячий Ха был с ними! Медленный, никому не уступающий дорогу, слон заботливо охраняет своего детеныша и не спешит уходить от степного пожара. Сколько раз он становился жертвой своей неторопливости и чадолюбия, сколько раз на много-много дней стая получала благодаря ему запасы вкусного, сочного мяса.

И теперь, при виде появившихся гигантов, обезьяны судорожно двигались, шевелились. Им хотелось кричать, бегать, размахивая тлеющими сучьями, бросаться сыплющими искры головешками. Но огня не было, и Хоу оставался неподвижным. Он лишь глухо ворчал, зорко переводя взоры со слонов на гущи кустарников, вздрагивая каждый раз от треска сломавшейся, ветви или от шороха заколебавшихся сучьев. Видя это, стихла и вся стая.

Надо было быть осторожным. Там, где пасется слон, там обыкновенно таится в кустах и кровожадный махайрод. Вот и сейчас, хоть и не колышется нигде, расступаясь под плавной походкой, трава, хоть и не змеится нигде гибкая полоска бурой спины хищника, острый нюх обезьяны улавливает терпкий запах опасного врага, изощренный ее слух отгадывает шелест сухого стебля, смятого когтистой лапой крадущегося тигра.

Стадо слонов неторопливым шагом продвигалось вперед, поворачивая от опушки леса глубже в степь.

Вдруг, около одного из них, несколько отбившегося в сторону, мелькнула тень. Великан покачнулся и затрубил. Его

рокотанье смешалось с громким рыканьем тигра, оказавшего у него на загорбке. Когтями и зубами махайрод рвал со спины добычи клочья кожи и краевого мяса.

Стадо остановилось. Вожак и несколько самцов грозно заурчали и двинулись на выручку пострадавшего товарища. Их хоботы воинственно поднялись вверх и угрожающе тянулись к врагу. Тигр соскочил со спины своей жертвы, ловко увернулся от ее тяжелых ног, пытавшихся его растоптать, и отступил. Сажеными, плавными скачками он понесся вдоль опушки леса. К нему присоединилась вынырнувшая откуда-то его подруга по охоте.

Отбежавши на безопасное расстояние, оба степные разбойника остановились. Им не хотелось покидать своей добычи, которая, казалось, билась уже у них в когтях. Разъяренные неудачей и запахом свежeproлившейся крови, еще капающей с челюстей и груди самца, они выразили свою досаду в таких мощных и гневных звуках, что повернувшие было за ними слоны остановились. Ответивши дружным и грозным рокотаньем, гиганты опять повернули в степь и двинулись, прикрывая собою раненого, в глубь зеленого моря травы.

Обезьяны сидели, не шелохнувшись. Уйдут они или не уйдут, эти две могучие зубастые кошки, заметят они или не заметят обезьян?

Махайрод, самец, продолжал следить сверкающими глазами за уходящим стадом слонов, слизывая с груди и лап остатки крови и раздражаясь время от времени гневным рыканьем. Самка повернула к лесу и, медленно покачивая концом хвоста, замерла, прислушиваясь к чему-то и внимательно осматривая лесную опушку.

Стая Хоу окаменела. Обезьяны почти слились со стволами деревьев, где они сидели.

Наклонивши голову вниз, почти к самой траве, самка фыркнула, сердито тряхнула седыми бакенбардами и скользящей походкой направилась к высокому дубу, где притаились обезьяны, шедшие в самом хвосте стаи.

Учуяла! Хоу злобно заворчал. Ах, если бы них был огонь! Разве осмелились бы эти два степных злодея напасть на го-

рячее яркое пламя костра? Разве бы трусливо они не побежали перед желтыми языками степного охотничьего пожара?

Махайрод, самец, насторожил уши, потянул носом и в несколько быстрых сильных прыжков перегнал свою подругу.

Хоу не видел, как он вспрыгнул на дерево. Он услышал только отчаянный визг, хруст ломавшихся ветвей и довольное урчанье тигра. Быстро шарахнувшись, почти свалившись с дерева, на котором он сидел, с громким криком «Хоу», старый вожак пустился бежать насколько позволяли его силы, бежать, ныряя под густыми сводами свисающих с деревьев ветвей, туда, на запад, куда глядели глаза. Стая

беспорядочно неслась за ним, злобно урча время от времени и испуганно перегоняя друг друга, когда сзади раздавался внезапный вопль настигнутой тигром новой жертвы.

Сделалось совсем темно, когда перепуганные обезьяны остановились. Если бы не река, водою которой они утолили жажду, может быть они бы еще долго не прекращали своего бега, еще долго неслись бы вперед, шарахаясь в сторону от топорщившегося в зарослях валежника или от взломоченной среди зеленых побегов горбины пня.

Обезьяны разместились по окраине молчаливой, подернутой дымкой тумана поляны. Среди густо переплетающихся друг с другой сучьев Хоу выбрал укромный уголок на толстой ветви дуба и задремал, чуткостораживая уши при каждом подозрительном шорохе, при каждом всплеске и хлопании, донесшемся со стороны недалекой реки.

Усталых обезьян мучил голод. Нет-нет то одна из них, то другая затевала возню в своем убежище, принимаясь ломать ближайшие веточки, обрывать желуди, каштаны, сдирать подвернувшиеся под руку кусочки свежей коры. Особенно голоден был Бам, сильный, крепкий юноша, младший сын Хоу и старой Гра.

Не переставая вглядываться в ночную мглу, Бам смутно мечтал охватить что-нибудь живое и теплое и чувствовать на губах капли горячего сока и свежего мяса. Руки его безостановочно скользили вдоль сучьев, ощупывая каждую выпуклость, каждую шероховатость. Жадными глазами он следил за мелькавшими время от времени тенями ночных птиц. Когда которая-нибудь из них пролетала от него особенно близко, заставляя вздрагивать от взмахов своего крыла листву скрывающих его ветвей, пальцы его судорожно сжимались, рот наполнялся слюной, а зубы стучали друг о друга.

При свете поднявшейся полной луны, почти на середине поляны, в траве он заметил что-то белое. Что это? Кролик, заяц, коза, опаленная степным пожаром, или раненая степной охотой коза, каких ему не раз удавалось приканчивать одним ударом тяжелого камня?

Бам бесшумно скользнул с дерева, поднял подвернувшийся под ноги валун и неподвижно замер, разглядывая загадочное бледное пятно. Тысячи смутных запахов тянулись к нему с поверхности лесной поляны, иногда знакомых и понятных, иногда незнакомых и тревожных. И от этого белого пятна тоже чем-то пахло, но чем?

Лунный свет и поднявшаяся от земли туманная дымка испарений закутывали все в дрожащие, колеблющиеся очертания. Все казалось шевелящимся, дышащим и двигающимся. Бам тихо стал подкрадываться к белому предмету.

Да, это лежит коза. Вон виден один рог, темный и кривой, чуть покачивающийся, потому что она лижет подогнутую иод себя ногу. Ближе! Бам еще раз понюхал воздух. Нет, это не коза. Это кролик и еще что-то. Вот он поднял уши и прислушивается, вот опять их опустил и исчез, должно быть, прижался к чему-то такому же белому, как он сам. Еще два шага! Ого, там кто-то шевелится темный, с сверкающими глазами. Сверкнул, посмотрел и повернулся куда-то. И пахнет... чем пахнет?

Теперь совсем близко. Бам не выдержал дольше и сильным взмахом руки бросил камнем в загадочное пятно. Что-то шарахнулось, захлопало крыльями, вылетело и скрылось в мгле тумана.

Стая обезьян зашевелилась и злобно зафыркала и заурчала. Разве можно поднимать такой шум на месте стоянки ночью? Разве можно, когда нет огня, привлекать на стаю внимание всего леса со всеми его страшными обитателями?

Но Бам ничего этого не замечал, ничего не слышал. Изумленный, он стоял неподвижно перед белым пятном. Он видел одно: от его удара по этому белому из него брызнули искры великого, желанного, желтого Ха.

Вопросительно проурчав «Хе», Бам наклонился к белому, щупая и обнюхивая его поверхность. Это был холодный, беловатый осколок скалы, каких много он видел раньше. Но около него чувствовался легкий запах гари. Великий Ха был где-то близко, но где — Бам не знал. Бам поскреб даже около этого странного камня песок и вырвал несколько кустиков сухой травы. Может быть, она загорится?

Нет, Ха пропал и даже запах гари куда-то исчез. Раздосадованный Бам схватил осколок валуна, разбившегося от его удара, и снова ударил им белый камень.

Стая опять злобно зафыркала, заурчала. Сердитый Хоу оставил свое уютное место, слез с дерева и с грозным видом направился к Баму, чтобы примерно наказать его за безрассудное нарушение ночной тишины.

Бам не обращал ни на что внимания. С криками «Ха! Ха! Ха!» он лег па белый камень, щупал его, нюхал, лизал, засыпал сухой травой и усиленно дул на него с разных сторон.

Когда Хоу подошел к Баму, он вскочил на ноги, схватил осколок валуна и в третий раз ударил им загадочный камень.

На этот раз сам Хоу не мог удержаться. Сам Хоу издал вопросительное «Хе», так как он ясно видел, сам видел брызги искр, посыпавшихся от удара по камню.

Хоу даже позабыл наказать Бама за его дерзкое поведение. Он присел к белому камню и с наслаждением, с тихим урчаньем нюхал, нюхал то место, куда пришелся удар Бама, так как там он ясно ощущал восхитительный, манящий, многообещающий запах гари.

Перебирая осколки валуна, разбившегося от удара, он ясно чувствовал пальцами, как постепенно исчезало из них откуда-то появившееся в них тепло. Заглянув за камень, обнюхавши и облизавши каждый возбуждающий сомнение выступ, перещупавши руками каждую впадину и выпуклость, каждый осколок, лежащий возле, попробовавши дуть на темные места и на клочья сухой травы, поцарапавши возле землю, Хоу забеспокоился: он чувствовал, как мелькнувший совсем близко великий, теплый Ха опять куда-то прятался, куда-то исчезал.

Поднявши осколок валуна, еще раз внимательно его осмотрев и обнюхав, Хоу подул на него и поднес к своему уху: не затрещит ли там запрятавшийся внутрь, в эту каменную головешку, Ха, не затрещит ли он там весело, как он трещит, когда подложивши хвороста и сухой травы на горя-

чие уголья, на них сильно подуть? Ничего не получилось. Камень оставался холодным и беззвучным.

Прижавши осколок валуна к груди, чтобы немножко его отогреть, Хоу поднял с земли осколок белого камня.

Может быть Ха перескочил сюда, в этот другой кусок каменной головешки? И этот кусок был такой же холодный, молчаливый и темный. Хоу покрутил им в воздухе, как покручивал тлеющим сучком, чтобы ярче разгорелись на нем искры великого Ха. Нет, не помогло.

Может быть, Ха так глубоко забрался под крепкую кожу этих головешек, что нужно сначала снять, стрясти с них эту кожу и тогда он, Ха, опять засверкает и ярко загорится? — Хоу сильно потрянул осколками и ударил одним по другому.

— «Хе»?

Он ясно увидел, как с крал одного сорвалась искра, мелькнула и погасла. Хоу ударил еще раз. Ничего. Еще раз. Ого, целый сноп искр.

— «Ха»!

И он принялся ударять куском железной руды по кремню, непрерывными, осторожными ударами, наслаждаясь видом скачущих от этого искр, втягивая в себя носом рождающийся от этого давно не испытываемый, желанный запах гари.

Он трепетал от удовольствия, когда вспыхивающие пылинки горячего Ха скакали ему на руки и грудь, вонзаясь в них слабыми уколами ожога. От радости и счастья ему становилось больно в груди, когда, дотрагиваясь пальцами до края камня, куда наносились удары, он чувствовал веющую от него теплоту.

Собравшаяся кругом стая видела это, шелестела и восторженно стрекотала. Самки рвали сухую траву и мох и совали его в руки Хоу. Самцы натаскивали сучьев и обломков ветвей. А Хоу?... Хоу понял. Он сидел на белом камне, чиркая друг о друга п е р в о е о г н и в о и п е р в ы й к р е м е н ь и бессвязно бормотал и скулил не печально, не тоскливо, как всегда, а грозно и торжественно.

Нюхая давно неслышанный запах гари, Хоу стремился передать отдельным обезьянам и всей стае рой смутных образов, теснившихся в его голове, для описания которых у него не хватало слов.

Он хотел рассказать, что великий светлый Ха был постоянным их помощником в опасностях и охоте; желтый и теплый Ха согревал их тело во время холодных ночей. Он, этот могучий Ха, вздымал стеной пламя, когда обезьяны подпаливали степь. Он, могучий Ха, желтыми, дымными кольцами гнал перед собой и окружал своими объятиями их врагов и добычу — махайродов и львов, слонов и носорогов, быстроногих лошадей и лохматых зубров. Этот великий Ха, такой же, как тот, который гуляет там, наверху, по голубым степям над головами, оказывается, прячется иногда глубоко, глубоко под черную скорлупу, в этот камень, как тот, верхний — в землю, в горы, в степь. Как с добычи, подпаленной степным пожаром, можно достать сочное вкусное мясо только тогда, когда отдерешь верхнюю твердую шкуру и снимешь ее большими лохмотьями; как у ореха, чтобы добраться до его ядра, нужно счистить сначала его скорлупу, так и для того, чтобы достать горячее желтое мясо Ха, спрятавшееся в этом камне, нужно легкими и искусными постукиваниями ударять камень о другой, нужно искусно счищать с Ха его скорлупу.

Это хотел сказать Хоу, но слов у обезьян тогда достаточно не было. И он только бессвязно, торжественно лепетал непонятные и странные звуки, прорывающиеся не то рыданием, не то смехом, урчал и ворчал на все лады, безостановочно выбивая искры из кремня, пока подносимые самками пучки сена и сухого мха, раздуваемые усердно дружными усилиями стаи, не затлелись и не вспыхнули яркими языками пламени.

Утром стая передвинула костер на опушку леса. Самки разожгли его так, как никогда еще он не пылал, и самцы с Хоу во главе подпалили густые заросли кустарника.

Зажигая охотничий степной пожар обезьян, Хоу не расставался с кусками найденных камней. Таская их с собой,

он бережно прижимал их к груди и нежно по временам поглаживал.

Вечером исследовали тлеющие еще заросли. Нашли в них обгорелый труп носорога. Раздувшийся живот лопнул от жары, и от вывалившихся кишек поднимался легкий пар. Обезьяны с помощью камней и сучьев пробили толстую кожу и отдирали от ее лохмотьев, от обнажившихся костей теплые куски сочащегося кровью мяса. Когда наелась стая и когда трудно стало добывать мясо из непробитых еще кусков толстой кожи, труп носорога обложили сучьями и разожгли здесь новый костер.

Как приятно было Хоу слушать треск огня, видеть столб дыма и чувствовать запах пожара и горелого мяса. Он грозно урчал на шумящих кругом костра обезьян. Он указывал им на трещавший и шипевший в огне остов носорога и что-то лепетал, а когда его не слушали, сердился и больно ударял не слушающих по лицу и груди. Испуганная его сердитым видом стая стихла.

Тогда Хоу вынул свои два камня, показал их обезьянам и с торжественностью, на какую только оказался способным, произнес: «Ха». Бормоча те немногие слова, которые к тому времени были понятны для всех членов стаи, он сумел выразить лишь приблизительно такую мысль:

— Ха стан Хоу, ешь, насыщайся! Бери твою долю.

И он взял большой сучок, отогнул им обрывок кожи носорога так, чтобы пламя костра могло лизать обнажившиеся внутренности и кости с кусками красного мяса, и долго держал его в таком положении.

Обугливающаяся кожа стала морщиться и трещать. От внутренностей повалил пар и с костей стал капать на пылающие угли жир. Чад смешался с дымом и густой белой пеленой окутал стихшую стаю.

А Хоу торжественно стоял, смотря на огонь, и опять заскулил странными, непонятными звуками, прерываемыми то хохотом, не то рыданиями. Может быть в этих странных звуках впервые рождалась песнь, и в лице Хоу впервые появлялся на земле поэт, актер и певец, объединяясь в

то же время с первым жрецом, изобретателем культа, совершающим первый ритуал первого жертвоприношения.

Обезьяны не знали и не думали об этом. Они с любопытством и страхом смотрели на необычайное поведение их вожака, смутно вспоминая происшествие ночи, пережитые раньше опасности и чувствуя приятную уверенность от близости теплого огня и вкусной пищи. Некоторые из них, заражаясь торжественностью вида Хоу, начинали подражать ему и, размахивая руками, то жалобно, то грозно ворчали и скулили.

А Хоу сурово смотрел кругом, творя свое первое жертвоприношение, бил сучком по рукам обезьян, в которых запах чада будил желание полакомиться еще кусочком мяса, и продолжал изобретать свою песнь, свои новые слова и новые движения. В его голове опять теснились ряды образов из пережитого за всю его не очень долгую, но суровую жизнь. Об этой жизни он и хотел говорить своему самому близкому другу, самому родному и любимому существу, теплomu, желтому, трещащему «Ха», таинственно прячущемуся под темную скорлупу камней, «Ха», которого он отыс-

кал ночью и которого он сейчас кормил мясом захваченной сообщая с ним добычи. И он говорил этому Ха:

— Ты — нашей стаи, теплый и желтый Ха! Поэтому ешь мясо нашей общей добычи. Когда ты с нами, нам тепло и радостно. Никакие свирепые жители степи нам не страшны. Когда ты с нами, мы знаем, что у нас будет мясо и наши детеныши будут весело кричать и бегать кругом. Когда ты с нами, исчезает темная ночь и мы видим так же хорошо, как тогда, когда по голубым полям идет высокий Ха, твой брат, такой же теплый и блестящий, как ты. Ешь мясо нашей добычи, Ха, скрывающийся в каменную скорлупу, ешь, потому что ты Ха нашей стаи.

Вот о чем пел, скулил и рыдал старый Хоу.

И только тогда, когда все внутренности носорога, все куски красного мяса его и бело-розовые острия костей, которые обнажились после первого обеда обезьян, были облизаны пламенем и потемнели, когда Хоу увидел, что нет такого места, к которому великий желтый Ха не прикоснулся бы и которого он, этот горячий Ха, не отведал бы, только тогда Хоу разрешил всем, кто этого хотел, доставать из костра горячие куски свежего мяса и утолять ими вновь просыпающийся голод. Он был уверен, что теплый Ха из стаи Хоу теперь наелся.

Хитрым и мудрым самцом был старый Хоу, так как много пришлось ему видеть и испытать во время своих скитаний по степи со стаями степных обезьян, охотящихся с помощью зажигаемых ими степных пожаров.

Ирвинг Крамп

ОСАЖДЕННЫЕ ЧЕРЕПАХАМИ

Из жизни доисторических людей

ОСАЖДЕННЫЕ ЧЕРЕПАХАМИ.

I.

Весь мир превратился в воду. И этот водяной мир стремился перевернуться. По крайней мере, так казалось Огу и Ру. Бревно, за которое они держались и цеплялись руками, колыхалось, вздымалось и переворачивалось, ежеминутно угрожая сбросить их в воду. Глаза волосатых мальчиков расширились от ужаса. Они насквозь промокли, продрогли и измучились. зуб на зуб не попадал от холода. Им нужно было собрать всю силу тела и души, чтобы справиться с новой опасностью, повстречавшейся на их пути.

Опасность надвинулась на них совсем неожиданно, — из недр ночи. Много раз закатилось солнце и снова вставало с тех пор, как они плыли вниз по широкой реке на бревне, от которого они обломали все ветви. Они пустились в путь из своего селения, чтобы поискать удобного места для переселения племени волосатых людей, которое со времени нападения на них стада горилл боялось вернуться в насиженное место среди скал.

И вот, все племя рассеялось по большим пещерам позади старого вулкана, где пряталось в ожидании, что Ог и Ру, отправившиеся на поиски, найдут новые утесы с удобными пещерами.

Юноши плыли вдоль болот и не могли найти твердого берега, к которому бы можно было пристать. Нигде по пути не встречалось высокого дерева, в ветвях которого можно было бы спрятаться на ночь. Повсюду берега покрыты колыхающейся травой, над которой выступала вода. И что хуже всего — река разделилась на много мелких рек.

Три раза заходило и всходило солнце, а им все не удавалось пристать к берегу и раздобыть себе пищу. В последний день на них обрушилась худшая из бед: Ог обнаружил, что в этой стране они лишены даже свежей воды для питья.

Томимый жаждой, Ог зачерпнул ладонью воду, но, глотнув, поспешно выплюнул и зарычал от отвращения. Вода была горькая и соленая. Так как Ог ничего не знал о свойствах морской воды, то очень встревожился и огорчился. Жуткая страна! Когда с наступлением ночи они с Ру, прижавшись друг к другу, пытались заснуть, их охватил невыразимый страх. Им казалось, что они идут навстречу верной смерти. А когда наступил рассвет, их пробудило от сна странное и неприятное движение бревна. Оно начало колыхаться, вздыматься, опускаться и поворачиваться так, что перепуганные юноши открыли глаза; они увидели вокруг себя огромную поверхность движущейся синей воды, уходящей в бесконечность... Ог ясно видел, что они приближаются к краю света. Он виднелся там, где небо сходилась с водой; и если бы они дошли до этой границы, они наверняка бы провалились в пропасть.

Позади расстилались огромные пространства саванн, через которые юноши пришли, но справа и слева врезались в водяное пространство низкие длинные отмели, песчаные и поросшие пальмовыми деревьями. Впереди — устрашающая и угрожающая поверхность воды. Волны катились, вздымались и разбивались. Море сердилось. Боязливо прижимаясь к бревну, Ог задавал себе вопрос: не на них ли сердилось море за то, что они отважились к нему приблизиться?

Когда из устья реки юноши выплыли в открытый океан, волны стали больше и злее; бревно заколыхалось и закачалось угрожающим образом. Несколько раз их сбрасывало в воду, и они с трудом всплывали.

Скоро волны стали выше и сильнее; нырять пришлось еще чаще. Они потеряли свои копья и весла. Раз Ог при резком движении бревна погрузился в темнозеленые бурлящие глубины. Инстинкт подсказал ему, что надо удерживать дыхание; отбиваясь руками и ногами, прокладывал

он себе путь к поверхности воды. Тем временем бревно успело отплыть на некоторое расстояние, а Ог, почти не отдавая себе отчета в том, что он делает, бил и рассекал воду изо всех сил, с безумными усилиями пробиваясь к бревну, И когда ему удалось снова забраться на бревно, он мог только дивиться своему неожиданному уменью. Обдумывая все случившееся, он не менее удивлялся, чем Ру. Его страх перед водой отчасти исчез, и он уже не так перепугался, когда захлестнувшая волна снова сбросила его с бревна. Он успокаивал Ру, рассказывая ему, как легко удержаться на поверхности воды. Когда, наконец, им стало не под силу справляться с бревном, оба решили соскользнуть в воду, придерживаясь одной рукой за бревно, и пустились вплавь. Ударяя одновременно и в одном и том же направлении, они могли приводить бревно в движение, несмотря на злобное сопротивление волн, подбрасывающих его с безумной силой.

Волны относили их в направлении одной из песчаных отмелей, и как ни ослабли, как ни устали изголодавшиеся мальчики, они чувствовали, что спасение возможно, и изо всех сил продвигали бревно вперед. Они подвигались к одной из длинных поросших пальмами отмелей, и вскоре почувствовали под ногами твердую почву. Тогда, выпустив бревно, они добрались до берега и упали навзничь изнеможенные, но радостные.

II.

Ог первый пришел в себя настолько, что присел и огляделся вокруг. Внимательно вглядевшись в деревья, окаймлявшие берег, он издал радостный крик и вскочил на ноги, приглашая Ру последовать его примеру. Они поднялись на берег; достигнув ближайшей высокой пальмы, Ог остановился и с вожделением устремил взор вверх. Среди листвы он обнаружил кисть зеленых плодов, которых он сразу признал за странные пустые внутри орехи, которые ему случа-

лось есть до того. Он вспомнил также, что плод этот был наполнен сладкой жидкостью, которая могла утолить томившую их жажду.

На земле под одним из деревьев он обнаружил несколько сорванных ветром плодов и, набросившись на них, живо разбил их оболочку при помощи каменного молотка, который висел у него за поясом. Затем, к удивлению Ру, он освободил от скорлупы орех и, приложив его к губам, стал сосать; томимый жаждою, Ру увидел, как он глотает жидкость, капающую из ореха. Ру последовал его примеру, и скоро оба принялись высасывать кокосовые орехи, пока не почувствовали, что жажда утолена. Тогда Ог разбил один из орехов и принялся жадно есть твердую белую массу.

Когда жажда и голод были утолены и когда солнышко их подсушило, они начали исследовать берег. Из всего вооружения них сохранились только каменные молотки, крепко засунутые за пояс. Но не успели они пройти нескольких сотен шагов, как им уже пришлось пожалеть о том, что у них осталось так мало оружия; на мягком песке повыше той черты, до которой достигла при приливе вода, они обнаружили следы лап.

Это были круглые следы страшного тигра. Но были еще и другие следы. Ог напал на след гиены и увидел знаки от плоской ступни чудовищного пещерного медведя. Были также следы более мелких зверей, и следы копыт целого табуна трехпалых лошадей, которые, по-видимому, совсем недавно промчались вдоль берега.

А затем на своем пути они повстречали следы, которые их особенно перепугали и удивили. Они ничего подобного не видали: это были следы от лап самой странной формы и далеко расставленные. Между ними обнаруживались знаки, оставленные, по-видимому, тяжелым телом, которое волокли по песку.

Ог и Ру внимательно разглядывали и наблюдали эти следы, так как их было много на берегу. Изучая их, они с удивлением обнаружили, что следы начинались и кончались у черты прилива, — это указывало на то, что странное

животное вышло из воды и в воду же вернулось. Неужели это какое-нибудь морское чудовище?

Одни следы привели их довольно далеко, и взглядевшись в них, они убедились, что животное вырыло в песке яму и снова ее прикрыло. Полные любопытства Ог и Ру стали раскапывать песок, чтобы посмотреть, не вышло ли странное существо на берег, чтобы зарыть там что-нибудь. Разрывая песок, они обнаружили массу яиц: непривычного вида. Находка заставила их на время забыть о существах, которые положили сюда свои яйца, — они радостно набросились на добычу и стали ее есть. Им было так хорошо на солнышке, что они растянулись на спине во всю длину и почти немедленно заснули.

III.

День близился к концу. Большой, красный диск солнца скрылся за краем леса. Опустился розовый полумрак вечера, а они все еще продолжали спать. Между тем, вокруг них стали твориться странные дела.

Над поверхностью моря, которое с наступлением вечера стало спокойным и тихим, показалась большая некрасивая голова. Из-под тихо колышущейся воды появилась широкая, покрытая щитом спина, и огромная черепаха начала медленно протаскивать на берег свое неуклюжее туловище. Показалась следующая голова, и еще одно покрытое щитом туловище всплыло над поверхностью воды. Еще и еще; весь берег покрылся сплошь вылезающими из воды черепахами. Они ползли бесконечными рядами, тысячами громоздясь друг на друга, чтобы достичь черты прилива. Были среди них большие, были и маленькие черепахи — некоторые втрое грузнее, чем Ог и Ру. Их щиты ударяли один о другой, они злобно толкали друг друга, быстрыми змеевидными движениями вытягивали свои длинные шеи и обнаруживали отвратительные крупные челюсти, в борьбе за место и песок, где бы они могли класть яйца.

Скоро шум от тысячи движущихся и сталкивающихся тел разбудил наших путников. Когда мальчики поняли, что они со всех сторон окружены отвратительными чудовищами, когда слышали скрип и стук их щитов и челюстей, они испытали невообразимый ужас.

Мальчики схватились за свои каменные молотки, — единственное их оружие, но оба почувствовали, что как бы мужественно ни сражались, исход борьбы был предрешен: мальчикам грозила ужасная смерть от беспощадных челюстей отвратительных чудовищ.

Когда черепахи выползли на берег, они избегали человеческих существ, растянувшихся на песке, и оставляли вокруг них свободное пространство. Но круг становился все уже, и когда черепахам пришлось вступить в яростную борьбу друг с другом за место для кладки яиц, они стали продвигаться все ближе и ближе к волосатым мальчикам. Ог и Ру заметили, как быстро стал сокращаться круг, в котором они стояли. Они ясно поняли, что скоро страшные существа сомнут их, сбросят на землю и раздавят под тяжестью своих тел или же разорвут на части своими ужасными челюстями. Вот одна черепаха почти задела Ога за ногу. Ог замахнулся своим каменным молотком, чтобы убить или по крайней мере отогнать ее.

Молот с глухим стуком ударился о покрытую щитом спину и, к великому удивлению и разочарованию Ога, отскочил от него, словно Ог ударил по камню. Он ударил снова с таким же результатом. В кисти руки и плече он почувствовал ноющую боль, которую не раз случалось ему испытывать, когда он бил молотом по твердому предмету. Когда Ог понял, как хорошо защищены эти чудовища, он пришел в отчаянье. Как спастись от этих ужасных исчадий океана? Убить их, по-видимому, не было никакой возможности. Маленькая черепаха, раздраженная ударами по ее щиту, толкнула Ога и ударила его по ноге. Ог вскочил в сторону и нанес ей удар по голове. Каменный молот со всего размаха ударил между глаз черепахи. С великой радостью Ог заметил, что у чудовища есть уязвимое место, так как молот разбил тонкую роговую оболочку черепа и пробил в ней

широкое отверстие. Черепаха сделала судорожное движение всеми членами и вытянулась неподвижно. Две другие подвигались к Огу. Он прыгнул к одной из них, крикнув в то же время Ру:

— В голову, Ру! Бей только по голове! Ее тело из камня, но голова слабая.

И Ру, набравшись смелости, вместе с Огом стали действовать молотом. Они убили несколько черепах, напиравших на них, но их успехи не произвели никакого впечатления на медлительных чудовищ. Они стали еще злее и мстительнее. Крупные черепахи здесь и там поднимали голову и пристально смотрели на мальчиков тяжелым мрачным взглядом змеи, высматривающей добычу. А одна огромная черепаха стала неуклюже, но воинственно подвигаться к Огу и Ру. Ее огромные лапы тянулись по песку, а тяжелое тело приподнималось и снова падало с глухим шумом. Огромная голова с мрачными желтыми глазами возвышалась над длинной чешуйчатой шеей, а мощные челюсти готовы были схватить руку или ногу врага.

Ру сделал шаг вперед и нанес удар. С быстротой молнии черепаха спрятала голову под щит, но в то же мгновение почти подпрыгнула вперед и нанесла Ру жестокий удар в живот, сбив его с ног. Мальчик оказался под черепахой, приподымавшей на лапах свое грузное туловище. Так он лежал, сознавая, что опасения нет.

Все же Ру из всех сил боролся, пытаясь стать на ноги, освободиться из-под придавившего его чудовища. Но прежде, чем ему удалось встать хотя бы на колени, тяжелое туловище черепахи придавило ему ноги, и Ру почувствовал себя бессильным под этой тяжестью. Не далее двух футов от его лица он видел высунувшуюся из-под щита голову с угрожающими челюстями.

Все это произошло настолько быстро, что Ог стоял, окаменев от ужаса, и молча смотрел, как черепаха стала выдвигать из-под щита голову и открыла безобразный рот. Внезапно, поняв всю опасность, угрожавшую его товарищу, он испустил свирепый крик негодования и, занеся над головой каменный молот, ударил по чудовищу из всех сил.

Молот засвистел в воздухе и, раздробив тонкую черепную крышку, погрузился в мозг чудовища.

Ог попытался освободить молот для второго удара, но черепаха в смертельной судороге подняла свою окровавленную голову с торчащим из нее молотом. Она подняла и свое грузное тело и освободила Ру. Не обращая внимание на страшные лапы, Ог почти подполз под чудовище и вытащил из-под него придавленного, почти лишившегося чувств товарища.

А затем, так как черепахи теснее сгруппировались вокруг них и почти не оставили для них места на земле, ловким прыжком Ог вскочил на спину раненой им черепахи и, втащив Ру на щит, сам начал наносить удары, пока судороги не сменились полной неподвижностью.

Но это было лишь временное убежище. Со всех сторон стали надвигаться черепахи, стараясь вскарабкаться на щит убитого чудовища и сбросить оттуда мальчиков. Ог, держа на руках Ру, поднялся на ноги. Отмель обратилась в море покрытых щитами спин и высовывающихся из-под них голов. Оставалось одно спасение, — добраться до пальмовых деревьев. Ог на это решился. Перекинув через плечо тело товарища, он перескочил со щита убитой черепахи на щит ближайшей, затем, прежде чем до его ног могли добраться злобные челюсти, успел прыгнуть дальше, еще дальше. Прыгая, спотыкаясь, а порою почти падая под тяжестью товарища, он пробирался по спинам взбешенных черепах.

Наконец, он достиг до кокосовых пальм. Не спуская Ру с плеч, он вскарабкался на дерево под защиту ветвей. Там в течение ночи Ог и Ру залечивали свои раны и при свете полной луны наблюдали за тем, как тысячи черепах ползли по отмели.

Но из-за шума передвигающихся черепах доносились более страшные звуки. В зарослях деревьев они слышали смеющийся крик гиены, злобное рычание большого пещерного леопарда, а время от времени джунгли оглашались ревом тигра. Прислушиваясь к этим звукам, Ог понимал, что все эти страшные звери следили за стадом черепах,

сlediли радостно, с нетерпением. Но никто из них не отваживался выйти на отмель. Все ждали и следили, спрятавшись в джунглях, пока не наступил рассвет, и черепахи ушли обратно в море.

Тогда они вышли на берег и принялись разрывать песок, куда черепахи зарыли миллионы яиц. Звери пожирали яйца, дрались из-за них, пока не настал день, загнавший их снова под прикрытие джунглей.

Ог и Ру решили слезть с дерева. Прежде всего они разыскали свои каменные молоты. Ру нашел свой молот там, где он его уронил, а Ог извлек свой из черепа убитой черепахи. Затем они устроили пиршество из вкусных черепашьих яиц.

Покинув отмель, они углубились в джунгли, чтобы там найти пристанище для ночлега.

Н. Павлов

ПТЕНЦЫ

Фантастический рассказ

Иллюстрации П. Староносова

ПТЕНЦЫ

Птицевод-любитель

— Иван Семенович, с новосельем!

— А, пожалуйста, пожалуйста, Петр Андреевич, — выскочил навстречу гостю пожилой мужчина. — А я вожусь с хозяйством. Вы пройдите пока в комнаты: я через пять минут освобожусь — и к вам.

— Что за церемонии! Я хочу посмотреть, как вы устроились, и поговорить. Вы чем заняты? Не секрет?

— Закладываю яйца в инкубатор. Но я уже кончил.

— Как, у вас инкубатор? Покажите. Я никогда не видел.

Хозяин повел гостя в низкий бревенчатый домик в глубине двора. Посреди большой комнаты стояли 3 закрытых ящика, возле которых была укреплена целая система термометров, регуляторов, реостатов.

— Батюшки, как у вас солидно! Целая электрическая станция. Я представлял это проще.

— Это мое изобретение. Но это все не так сложно. Вот, посмотрите.

Иван Семенович начал показывать.

— И что же, много цыплят вы выводите?

— Ну, я за количеством не гонюсь. Промышленное разведение цыплят меня не интересует. Я занимаюсь опытами. Сейчас, например, я изучаю влияние электрического света на зародыши яиц. Я провожу аналогию с растениями.

Известно, что электрическое освещение очень благоприятно действует на прорастание и развитие растений. Отчего не допустить такое же действие электричества и на зародыши яиц?

— Да вы стали настоящим ученым!

— Ну, до ученого мне далеко. Но я работаю и кое-чего достиг. Мне удалось воздействием электрического света вдвое сократить срок насиживания куриных яиц. При этом выведенные таким способом цыплята растут необыкновенно быстро. Да пойдемте, я вам покажу свой первый ускоренный выводок.

И он потащил гостя в пристроенный к домику сарай.

— Вот цыплята, выведенные в течение двенадцати дней. Они вылупились из яиц 3 дня назад и — посмотрите — уже оперяются.

Петр Андреевич с удивлением смотрел на рослых, как будто месячных цыплят.

— Это поразительно. И неужели это действие электричества?

— Найдите другое объяснение.

— А знаете, у меня есть интересный материал для ваших опытов. Я недавно на охоте выкопал в земле 6 штук каких-то больших яиц. Хотите, я привезу их? Может быть, вы из них что-нибудь и выведете. Они сохранились прекрасно. Я расскажу, как я их нашел. Мы шли лесом, по краю небольшого глубокого оврага. Под нами обвалилась земля, и вместе с собаками мы съехали сажени на 3, на лежавший на дне оврага снег. Когда мы поднялись, я увидел, что собаки лижут остатки каких-то яиц, раздавленных нашим падением. Тут же в обнажившемся благодаря обвалу песчаном пласту я и нашел яйца.

— Чем же вы объясняете, что они так хорошо сохранились?

— Я думал над этим и, кажется, нашел объяснение. Яйца лежали в сухом песчаном пласту. От зимних морозов их защищало положение пласта, лежавшего на такой глубине,

где земля не промерзает. От летнего жара их предохранял снег, который в лесных оврагах лежит круглый год. Таким образом в хранившем яйца пласте держалась постоянная и довольно низкая температура. Когда я выкапывал их, у меня, несмотря на жаркий день, зябли руки. Температура была что-нибудь около нуля.

— Г-м... Низкая и, главное, ровная температура... Условия хорошие. Что же, давайте сделаем опыт. Может, что-нибудь и выйдет. Принесите. Во всяком случае эти яйца интересно даже посмотреть.

Ископаемые яйца

Ровно через неделю Петр Андреевич явился с большой корзиной, в которой лежали 6 больших яиц с шероховатой скорлупой, необыкновенно толстой и слоистой.

— Ну, как вы думаете — можно рассчитывать на успех?

— Почему же нельзя? Семена растений сохраняют способность прорастания невероятно долго. Можно допустить такую же выживаемость и у зародышей животных. Консервированы яйца хорошо. И я вполне допускаю успех.

— А что может вывестись?

— Этого нельзя сказать. Несомненно, что яйца доисторического происхождения и принадлежат ящерам. Значит, мы можем вывести и кого-нибудь из многочисленных видов динозавров — гигантских ящеров, и телеозавров — предков наших крокодилов, и птерозавров — летающих ящеров... Но, — перебил себя Иван Семенович — вместо того, чтобы гадать, давайте заложим яйца. Когда придет срок, все узнаем.

Он осмотрел инкубатор, проверил все лампочки, термометры, регуляторы, реостаты. Затем, наполнив ящик сухим песком, приятели положили в него яйца. Иван Семенович включил ток и установил рефлекторы.

— Ну, все сделано. Будем ждать.

Необычайный выводок

Дней через 20, перекладывая утром яйца, Иван Семенович заметил в одном из них шорох. Как будто кто-то изнутри сверлил скорлупу.

Не веря себе, он положил яйцо обратно и минуты через две снова послушал. Поскребывание слышалось отчетливо.

Иван Семенович надколол толстую скорлупу снаружи.

Скорлупа раздалась, и из отверстия показался кончик толстого трехгранного клюва. У Ивана Семеновича замерло сердце...

Клюв задвигался, разламывая скорлупу во всех направлениях. Иван Семенович хотел помочь «птенцу», но побоялся вместо помощи повредить, и остался наблюдателем.

Около 5 минут энергичных усилий, и верхняя часть скорлупы была разбита. Новорожденный показался на свет.

Иван Семенович увидел длинную, заполнявшую все яйцо, серую голову с узкой, вытянутой, как у ящерицы, мордой, оканчивавшейся роговым клювовидным наростом. Громадный, растянутый до шеи рот был усажен в задней части крупными, острыми зубами. Большие выпуклые глаза, затянутые какой-то мутноватой пленкой, были окружены желтыми кольцевидными ободками. Из-под закрывавшей всего птенца головы снизу виднелись костистые ноги с длинными цепкими пальцами. А сверху выглядывали с обеих сторон еще по 3 крючковатых костистых пальца.

Птенец был так отвратителен, а его громадные немигающие глаза дышали такой злобой, что Иван Семенович едва не бросил яйцо на пол.

— Вот уж действительно — «гад», — проворчал он.

Новорожденный скоро совсем освободился от скорлупы, начал расправляться. Неожиданно птенец оказался очень большим, он как будто вырос за пять-восемь минут, прошедших с появления его на свет. За спиной у него протянулись темные перепончатые крылья. Между ног вытянулся длинный голый хвост с каким-то расширением на конце.

Ему стало тесно в ящике, вмещавшем около 40 штук цыплят, и было странно вспомнить, что он только что вышел из яйца, которое теперь было в несколько раз меньше его. Птенец, помогая себе крыльями, пытался подняться на слабых ногах, но тотчас же снова падал.

Иван Семенович пересадил его в большой ящик и побежал к телефону порадовать Петра Андреевича.

Тот бросил все дела и через час был у инкубатора. Ивана Семеновича он застал за возней уже с четвертым птенцом, которого освобождал от плена.

— Покажите, покажите, что у вас. Что за птички?

Но, увидев чудовищно безобразных «птичек», отшатнулся.

— Это чудовища какие-то... Но кто это? Как они называются?

Иван Семенович* принял торжественный вид.

— Позвольте представить — единственные в мире живые представители вымерших еще в доисторические времена летающих ящеров — птерозавры Мезозойской Эры.

— Ну, а могут такие древние животные жить в наших условиях?

— Кто знает! Ведь сумели же мы их посредством электричества вызвать к жизни. На долгое существование их, на размножение, конечно, рассчитывать нельзя. Но меня это особенно не огорчает. Я счастлив уже тем, что нам удалось увидеть своими глазами то, чего не видел ни один человек. Пусть они проживут только до завтра... Для науки будет большим торжеством уже одна возможность исследовать их трупы.

— Но вот вопрос: чем их кормить, где найти для них подходящую пищу?

— Это меня не затрудняет. Вы видите их клювы? Они великолепно приспособлены для отыскивания пищи в земле. А наш дождевой червь? Он ведет родословную дальше Юрской эпохи и, несомненно, был знакомой пищей и для предков наших птенчиков. Давайте сейчас накопаем им червей. Берите лопату.

Набрав большую банку червей, приятели взялись за кормление.

Как и предполагал Иван Семенович, дело пошло хорошо. Сначала ящеры сопротивлялись, но после 2-3 порций уже сами стали раскрывать рты.

* В тексте опечатка — «Семен Иванович» (Прим. ред.).

Новый вид

Окончив кормление, приятели вспомнили, что в инкубаторе осталось 2 невыведшихся яйца.

Петр Андреевич волновался.

— Отчего это? Неужели эти два яйца погибли?

— Подождите отчаиваться, — успокаивал его Иван Семенович. — Небольшая задержка, и только. Вероятно, оставшиеся яйца или другой носки, или принадлежат другим животным. А вот я сейчас их подгоню, и к вечеру у нас будут еще воспитанники.

Иван Семенович вырыл яйца из наполнявшего инкубатор песку и положил сверху, направив на них рефлекторы электрических ламп.

Весь день «ящероводы» провозились с птерозаврами. Неуклюжие, малоподвижные в первое время ящеры с каждым часом крепили и росли.

Теперь им было тесно и в большой коробке. К тому же они были совершенно не приспособлены для сидения на гладком полу. Пальцы на передних конечностях указывали, что их предки привыкли отдыхать, подвесившись к ветвям деревьев, за отсутствием которых пришлось сделать подвесные жерди под потолком.

Эта работа и беспрестанное кормление ненасытных ящеров заняли время до самого вечера.

Сколько раз они за это время смотрели насиживавшиеся яйца — трудно сосчитать.

Но только под вечер, когда они уже теряли надежду, Иван Семенович заметил на одном из яиц трещину и услышал поскребывание внутри яйца.

Он слегка расколупал яйцо, из которого вылезла голова такого же уродца, щелкая громадными широкими челюстями, усаженными до конца острыми трехгранными зубами.

— То же самое... — несколько разочарованно протянул Петр Андреевич.

— Нет, совсем не «то же самое», — возразил Иван Семенович. — Видите — нет клюва, челюсти более плоски, зу-

бы заполняют весь рот, нет хвоста. Дальше — посмотрите на кожу: она не гладкая, как у наших старших, а чешуйчатая. Все это говорит, что перед нами другой вид летающего ящера — птеродактиля.

Не успели как следует устроить птеродактиля, как уже стало наклеиваться последнее яйцо, из которого вылупился второй такой птенец.

Пересадив птеродактилей, оказавшихся и крупнее и крепче птерозавров, в ящик, выдержали их там часа 2, а потом подвесили на жердь, рядом с первым выводком.

Было уже за полночь, когда Иван Семенович со своим гостем могли пойти спать.

Доисторическая картинка

После суматохи дня приятели утром проснулись неожиданно поздно — около 8 часов.

Сейчас же, не умываясь, побежали в инкубаторную.

Еще не входя внутрь, они сквозь окна увидели там необычайную суматоху. Темные полотна крыльев реяли, носясь по комнате, во все стороны.

— Что там такое? Что за переполох? — сказал Петр Андреевич.

— Вероятно проголодались. Пойдемте посмотрим, как они выглядят, и потом покормим.

В домике, действительно, был переполох. Хлопая крыльями, с хриплым шипением, ящеры носились по комнате, то и дело задевая за что-нибудь. Они, как будто что-то отыскивая, метались взад и вперед по комнате, вытянув вперед громадную голову, распустив необъятные крылья и маневрируя напряженным хвостом, как рулем. Но все время они возвращались к одному углу. Присмотревшись, вошедшие немного разобрались в обстановке. Шел бой.

Два птеродактиля, прижавшись к углу, висели на жерди, а птерозавры нападали на них. С раскрытой пастью и горящими глазами, вытянув хвост с растянутой на конце пе-

репонкой, они, хрипло шипя, как змеи, с размаху налетали на птеродактилей. Те не отступали и, освободив одну руку, с ответным шипением встречали нападающих двумя рядами оскаленных зубов и ударами сильного крыла, часто сбивавшего противника на пол. Тесный угол не давал птерозаврам возможности использовать численное превосходство. Они должны были нападать по очереди, а птеродактили неизменно отбивали нападение.

Несмотря на то, что бойцы не издавали кроме шипения никаких звуков, в комнате «стон стоял» от свиста и хлопанья крыльев, падения задеваемых предметов, щелканья зубов и шума схватывавшихся и падавших ящеров.

Сегодня ящеры имели не тот вид, что вчера.

Из слабых птенцов они за одну ночь превратились в больших страшных драконов.

Темные кожистые крылья, горящие страшной злобой, как будто огненные глаза, скелетообразные ноги и руки, голые крысиные хвосты, оскал бесчисленных зубов... Все это, при громадных размерах ящеров, производило сильное впечатление и вызывало уже не отвращение, а страх.

Чем-то фантастическим веяло от разъяренных в азарте боя птерозавров. Как будто призраки давно погибших доисторических эпох встали в этой комнате, и казалось, что вот-вот, раздвигая стены, поднимется могучий игуанодон или бронтозавр...

Охваченные этим чувством, Иван Семенович и Петр Андреевич остановились, с опаской поглядывая на своих питомцев.

— Как они выросли за ночь! — прошептал Петр Андреевич. — Ведь эти птеродактили будут по развернутым крыльям больше сажени. Что с ними делать, если они и дальше будут так расти?

— Но поглядите, какой бой! — сказал Иван Семенович. — Мы неосторожно сделали, поместив рядом два различных вида...

— Кто мог думать? Ведь им нет суток.

— Я должен был принять во внимание действие освещения.

— Надо сейчас же их разогнать, — сказал Петр Андреевич.

— Ни в каком случае, — остановил его Иван Семенович. — Не трогайте их. Будьте осторожнее. Раздражать их опасно.

— Но старшие убьют молодых — их два против четырех.

— Ну, трудно сказать кто кого. Птерозавры и меньше и слабее. Птеродактили держатся гораздо лучше. Но бой надо как-нибудь прекратить. Попробуем принести им корму, они вероятно голодны.

Опасные питомцы

Они уже подошли к двери, как шум у ящеров вдруг усилился и послышался какой-то хрип.

Иван Семенович оглянулся и не выдержал. Один из птеродактилей зубастой пастью захватил, стараясь перегрызть, клюв птерозавра. Тот хрипел, отбиваясь крыльями и ногами, с клюва капала кровь.

— Да они действительно перебьют друг друга! — закричал он и с лопатой бросился к дерущимся ящерам.

Ударами лопаты он заставил птеродактиля выпустить противника. Выпустив противника, ящер раскрыл окровавленную пасть, секунды две горящими глазами смотрел кругом и вдруг, сорвавшись с жерди, камнем бросился на Ивана Семеновича. За ним соскочил другой птеродактиль.

Прежде, чем Иван Семенович успел сообразить в чем дело, на него посыпались удары жестких крыльев, и острые зубы рвали в клочья пиджак.

— Петр Андреевич, дверь, дверь! — закричал он, отбиваясь лопатой.

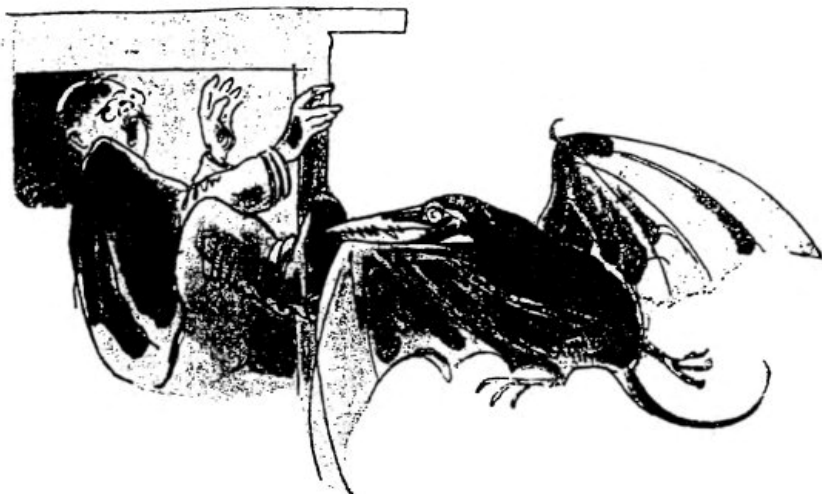
Но Петру Андреевичу некогда было слушать: на него напали птерозавры.

Отыскивая, чем защититься от ободравших его в кровь ящеров, Иван Семенович набросил на себя крышку стоявшего рядом инкубатора и попытался пробраться к двери. Но

ящеры, словно понимая его намерения, перенесли фронт в другую сторону и заставили его отступить.

— Под стол, Иван Семенович. Под стол!

Он взглянул: Петр Андреевич, забившись под стол, защищался лопатой и советовал ему то же. Но другого стола рядом не было.

«Убьют, — мелькнуло в голове. — Выбьешься из сил и загрызут, как вампиры. Что делать? Кричать — не услышат».

И только теперь пришло в голову:

— Огонь — одно спасенье.

Прекратив на секунду защиту, он вытащил из кармана спички.

На полу были разбросаны обрывки газет. Сдвинув свой щит назад, чтобы закрыть спину, Иван Семенович бросился на пол и, подобрав несколько кусков бумаги, зажег.

Пылающая бумага заставила ящеров отступить. Увеличив свой факел, Иван Семенович кинулся на помощь к Петру Андреевичу.

Размахивая импровизированным факелом, друзья добрались до двери и выскочили вон.

Гибель птенцов

— Сказать правду, я перепугался, Петр Андреевич. У этих чертенят был такой вид, что я думал — они нас не выпустят. Если бы вы не догадались зажечь бумагу, могло кончиться очень плохо.

— Ну, и сейчас кончилось не очень хорошо.

— Но что мы будем делать с ними дальше? Как их кормить и где держать? Их необходимо разделить.

— Придется от них избавиться. Как ни интересно иметь допотопных животных, но делать у себя из дома зверинец и постоянно рисковать быть искалеченным... На это я не пойду.

— Но что же делать? Не убивать же их?

— Кто про это говорит! Их нужно сдать в Зоопарк.

— Ну, если передавать — давайте скорее, а то они или перегрызутся, или подохнут с голоду.

Не успели друзья дойти до решетки, как со двора донесся неистовый крик.

— Пожар... Горим...

Иван Семенович схватился за голову-

— Это я поджег... Что же с птерозаврами...

Он бросился во двор.

Инкубаторная была вся в дыму. С одной только мыслью о ящерах, Иван Семенович подскочил к двери, но навстречу ему выбросило такой сноп пламени, что он должен был отступить.

Сухое строение запылало сразу со всех сторон. Ничего нельзя было сделать.

Прискакавшие пожарные нашли только догоравшие головешки.

Все было кончено.

С. Красновский

КАТАСТРОФА ПРОСТРАНСТВА

Фантастический рассказ

Иллюстрации Н. Кочергина

Конец XIX и начало XX века ознаменовались целым рядом новых открытий, произведших так называемую «революцию в науке». Успели астрономы, расширившие мир до множества гигантских скоплений, галактических систем, с радиусом, вычисляемым от 14 000 - 60 000 световых лет, содержащими каждая 100 000 000 солнц, разбросанных на сотни тысяч и миллионы световых лет друг от друга каждая, успехи химии, открывшей в атоме микро-космос, мир электронов и протонов; радиоактивный распад вещества, опрокинувший прочность и постоянство химических элементов, и дополнивший эволюционную теорию развития вселенной; наконец, теория относительности Эйнштейна, с ее выводами о кривизне пространства и его замкнутости; «неевклидова геометрия» величайших математиков Лобачевского и Римана, поставившая вопрос о многомерности пространства, и расширившая горизонты в бесконечные дали новых возможностей и грядущих открытий.

Во вселенной совершаются великие перемены. Геология знает величайшие изменения нашей планеты в прошлом и, надо полагать, в будущем. Астрономы наблюдали гибель целых миров при возгорании новых звезд и образование новых.

Фабула настоящего рассказа затрагивает совершившуюся грандиозную катастрофу самого пространства, в результате которой временная протяженность прошлого пересекает протяженность настоящего, вследствие чего живые существа четверичной формации Земли появляются в наши дни.

АВТОР

1.

Причина плохого настроения профессора Брукса.

Мисс Джеральдс, высокая, сухопарая дева лет 36, ведущая хозяйство мистера Брукса, профессора физико-математического отделения О-го университета, подавая ему, по обыкновению, ровно в 9 часов вечера стакан крепкого, черного кофе и свежий помер вечерней газеты, могла заметить, что мистер Брукс находится в весьма плохом настроении. Профессор нервно ходил взад и вперед по своему кабинету, бурча себе что-то под нос. Листки чистой бумаги лежали неисписанными на письменном столе. Заметив ее с подносом в руках, резко сказал: «поставьте», и когда мисс Джеральдс, пожелав «спокойной ночи», немного задержалась, чтобы перемолвиться парой-другой фраз, профессор совсем грубо указал ей рукой на дверь, пробормотав что-то вроде: «идите вы ко всем чертям», на что мисс Джеральдс, как благовоспитанной девице и уважающей себя особе, оставалось лишь молча повернуться и уйти.

В глазах мисс Джеральдс мистер Брукс всегда был грубым, невоспитанным человеком, но в последнее время он совсем по ее мнению «спятил с ума». Впрочем шедший непрерывно уже вторую неделю дождь и холодный северный ветер также могли играть в этом некоторую роль.

Мнение же самого профессора было на этот счет совершенно иное. Дело в том, что мистер Брукс был уязвлен, уще-

млен, оскорблен. То, что происходило теперь в университете, могло бы быть названо скандалом, шокирующим как университет, так и его неотъемлемую часть, самого профессора Брукса.

Но еще хуже было то, что его коллеги, собраты по науке, вместо того, чтобы вынести суровый приговор и исключить виновника всего случившегося — немца профессора Шнейдерса, — вместо того увлеклись его теориями, гипотезами, т. е. вернее глупыми фантазиями, как на это смотрел сам мистер Брукс.

35 лет он мог гордиться тем, что, занимая кафедру математики и физики, вел преподавание так, что вечные, неизблемые постулаты, непоколебимые, установленные раз навсегда фундаменты науки оставались неизменными. Вместо этого какой-то молокосос, выскочка из молодых ученых, даже не англичанин, имел смелость дерзгать кощунственно посягать на святое святых всего здания науки. Теория Эйнштейна следовала за математикой Лобачевского, Римана и Минковского, в явления физики, химии, электричества и магнетизма вторгалось 4-х мерное пространство, 4-е измерение*.

Вместо неизменяемой материи, лежащей в мире трех измерении, т. е. в пространстве, и течения ее по времени или «становления», проповедовалось о «бытии» вещей во времени и пространстве. Какая чепуха!.. И профессор нервным глотком выпил кофе, взял газету, перешел в спальню, разделся и лег в постель.

Профессор всегда перед сном читал. Развернув печатный лист и ознакомившись с новостями дня, мистер Брукс хотел уже выключить свет, как вдруг его внимание привлекла следующая, напечатанная жирным курсивом —

* Л о б а ч е в с к и й Николай Иванович, великий математик, один из творцов неевклидовой геометрии (1792-1856). — М и н к о в с к и й (Minkovsky) Герман (1864-1909) дал смелую математическую формулировку принципу относительности (работа Raum und Zeit). Был профессором в Бонне, Кенигсберге, Цюрихе и Геттингене (*Здесь и далее прим. авт.*).

Заметка в вечернем выпуске «Нашей Газеты». —
Необычайные происшествия на ферме мистрис Хоу.

«Наш собственный корреспондент из округа графства В. сообщает о следующих необычайных событиях, происшедших с 13-го по 29-ое с/м и имевших место на ферме мистрис Хоу. Мистрис Хоу, — вдова небезызвестного подполковника Хоу, служившего в колониальных войсках в Африке, участвовавшего в войне с бурами и убитого в стычке с туземцами при местечке Т. По смерти мужа мистрис Хоу помимо пенсии получила, согласно оставленному и заверенному в нотариальном порядке завещанию, около тысячи фунтов стерлингов. На эти деньги она приобрела у отъезжающих в Австралию бывших владельцев Г. ферму, на которой и поселилась, занявшись разведением домашней птицы и свиньи. Дела ее шли хорошо, как вдруг необычайное событие, происходящее на ее ферме, всполошило весь округ, лишив ее духовного спокойствия. В воскресенье 13-го числа, мистрис Хоу возвращалась из церкви в некотором раздумье, вполне понятном после проповеди пастора Л., известного своим красноречием, и приближалась к своему дому, устремив свой взгляд на небо. Сначала она ничего не видела, кроме неземного, навеянного словами Л., но постепенно ее внимание начали привлекать какие-то точки, линии, очертания, появляющиеся на голубом небе. Мистрис Хоу протерла неоднократно свои глаза, — как она потом рассказывала, — но явление не пропадало. В религиозном экстазе не видит ли она перед собою предвозвещенных пастором ангелов? Она в умилении хотела опуститься на колени, как внезапно сверху посыпался целый град птиц. Порода птиц мистрис Хоу назвать затрудняется, но говорит, что это были весьма крупные, большие экземпляры. Птицы имели вид откормленный и сильный, но вместе с тем казались как бы чем-то чрезвычайно испуганными и ошеломленными, так что без труда дали собрать себя. Вместе с

работником мистрис Хоу притащила их на ферму; всего оказалось девятнадцать штук, но водворить их вместе с другой птицей не удалось потому, что, опомнившись, они оказались весьма злобными и чуть было не причинили убытка ферме, перебив часть индюшек и гусей.

В следующие дни ничего особенного не происходило, за исключением, как мистрис Хоу казалось, появляющихся на небе весьма странных очертаний. Впрочем, небо было не совсем ясно и рассмотреть что-либо было невозможно. Никому о происшедшем мистрис Хоу ничего не рассказала, боясь недоверия, а с другой стороны, — вздорных слухов; к тому же новоявленной птице пришлось все-таки свернуть шею за ее чрезвычайно дикий и злобный нрав и, следовательно, доказательств никаких не было. О падении же птицы с неба мистрис Хоу читала неоднократно в отделе «Смесь» воскресных журналов, как о действии особых смерчей и ураганов, захватывающих ее из других мест. Но в следующее воскресение явление повторилось опять, причем выпало около шестидесяти штук, и затем начало повторяться ежедневно с определенной последовательностью: с часа дня приблизительно в небе показывались смутные очертания чего-то весьма странного, и дело оканчивалось выпадением птиц. Их выпадало от 5-17 штук. На какой высоте виднелись фигуры, мистрис Хоу не могла рассказать, так как казалось, что это было и чрезвычайно далеко, и в то же время близко. Но в четверг, 24-го, явление приняло иной характер. В тот день стоял сильный туман. Мистрис Хоу приходилось неоднократно выходить из дому, и ей казалось, что вокруг происходит что-то странное. Туман принимал удивительные формы и порой ей казалось, что она видит не то целый иной мир, не то обломки хаотически перемешанных скал, чудовищ, живых существ и неодушевленных предметов. Последние, казалось, готовы были принять материальную форму и появиться реальными перед мистрис Хоу. Но в час дня неожиданно перед ней из тумана выпрыгнул не то кабан, не то вепрь огромных размеров, и со сверкающими глазами и с ревом, пошатываясь, промчался мимо ошеломленной, присевшей от ужаса мистрис Хоу.

Еле живал от страха, она добралась до фермы, где заперлась и просидела вместе с работником, дрожа от страха. По словам мистрис Хоу, ее форму осаждали тысячи ужасных зверей, и лишь следующее утро и ветер, разогнавший туман, позволили отправиться в местечко. Ее вид достаточно свидетельствовал о перенесенном ею, но все же только с большим трудом ей удалось убедить нескольких, в том числе пастора и местного судью, отправиться к ней на ферму. Туман рассеялся, выпадения птицы также не происходило, но, по словам отправившихся, действительно на фоне неба вырисовывались чрезвычайно удивительные очертания. В рассказе же мистрис Хоу, как женщины солидной и всеми уважаемой, сомневаться не приходилось, тем более, что в двух фермах были найдены растерзанными овца и корова с распоротым животом. Диких животных в округе графства В не водилось.

После совещания решено было сообщить в Лондон для затребования специальной комиссии по расследованию, прибытие которой ожидается со дня на день.

Примечание от редакции. Ферма мистрис Хоу находится в вышеупомянутом округе графства В., в 25 милях расстояния от нашего города.

Примечание от редакции. Несмотря на всю необычность событий, сообщаемых нашим корреспондентом, мы вполне отвечаем за всю правдивость сообщаемого. Остается допустить, что мы имеем дело с каким-то чрезвычайно загадочным феноменом природы. Со своей стороны питаем надежду, что разгадка не заставит себя ждать и последует в ближайшее время».

Профессор Брукс дочитал до конца, скептически сложил газету и, пробормотав «что за чепуха», зевнул несколько раз, выключил электричество, повернулся на бок и заснул.

Небывалый каталог цен на битую птицу.

Мистер Брукс хорошо выспался. Ему снился посрамленный и уничтоженный немец Шнейдерс. В 9 часов, покончив с завтраком и обдумывая разгром в сегодняшней лекции своего противника, профессор собирался уже уходить, как перед ним предстала мисс Джеральдс с взволнованным видом, который несколько озадачил профессора.

— Послушайте только, мистер Брукс, на один шиллинг — дюжина, только по одному шиллингу дюжина! — и лицо ее выражало красноречиво предел всякому недоумению и негодованию. — Да где же это видано, чтобы битую птицу продавали дюжинами, да еще по одному шиллингу... Иду я это с рынка, где купила, что надо, как вдруг, подходя к дому, вижу: стоит наш поставщик овощей. Я спрашиваю, что есть у него хорошего из зелени? А он мне: «из зелени ничего, мисс Джеральдс, нет, а вот гусей, индюшек, уток у меня целый воз, да еще воз стоит у гостиницы». «Как, говорю, вы вздумали торговать теперь птицей?». А он в смущении отвечает: «Приходится». «То есть, как это приходится?». «Да, так, говорит, досталась случайно дешево большая партия». «А ну-ка, посмотрим!» Вижу птица крупная, откормленная, только вид какой-то у нее странный, индейка не индейка, гусь не гусь. — «Видно привозное, здесь такую не разводят». «Да, так оно и есть». «Почем?» «Собственно — и немного уже опоздал, приехал-то поздновато, базар кончился, да теперь думаю, куда бы все продать, а то бы я дешево продал». «А ну, как?». «Да 10 пенни* штука». Вижу, что совсем задаром, в такое время особенно, когда птица начинает нестись, наши ее не бьют и на базаре ее мало. Однако, из-за принципа, стала еще торговаться. А парень сразу и спустил цену до 5 пенни. Мне-то, собственно

* Пенни — 4 копейки.

говоря, птица не была нужна, все что надо я уже купила, да вижу, что очень дешево, можно и про запас взять пару-другую... а он и отвечает: «Так возьмите дюжинки две, тогда я за дюжину возьму по два шиллинга»*. Совсем что-то несуразное, ведь этакую птицу не то что перепродавать, а и купить-то партии не найдешь. Думаю: пьян он. Опомнится после, придет назад требовать, а я до скандалов не охоча. Да и у пьяного покупать не буду. Ну, и изругала его, как следовало; говорю — «пойди, проспись сначала, а потом продавай. Знаю, женатый человек, вот тебе жена задаст, как все деньги проторгуешь». А он взбеленился совсем: «Не хотите и не надо, вовсе я и не пьян», тронул воз, «не хотите за два шиллинга покупать, так за эту цену и две дюжины другому отдам».

И мисс Джеральдс, проговорив все это без передышки и закатив глаза в потолок, демонстративно развела руками.

— Мисс Джеральдс, хотя все это и странно, но я вам неоднократно уже замечал, чтобы вы с вашим хозяйством и всеми вопросами, к нему относящимися, ко мне не обращались! И не мешайте мне... И профессор, нахлобучив цилиндр на глаза, вышел из дому, оставив экономку одну.

4.

Мнение зоолога Римма о породе птиц из «Лавки свежей дичи».

Профессору сегодня положительно везло. Прежде пустовавшая аудитория теперь была полна. Студенты, привлеченные выпадами профессора против его врага, немца Шнейдерса, с хохотом и хлопками одобрения встречали каждое ядовитое замечание. В 12 часов мистер Брукс покинул университет для доклада в «Обществе изучения физичес-

* Шиллинг — 46 копеек..

ких и естественных наук», где, пользуясь отсутствием противника, с успехом провел свой доклад «о незыблемости физических принципов». Потом, в превосходном настроении возвращаясь домой с одним из немногих коллег, с которым он был дружен, зоологом Риммом, для которого были безразличны как старые, так и новые течения в физике, благосклонно выслушивал воззрения Римма на фауну ледникового периода. Его гордостью был его научный труд — исследование о птицах четверичной эпохи.

По дороге зоолог вспомнил наказ жены купить гуся для следующего дня. Это заставило его погрузиться в целую сеть глубокомысленных рассуждений об отличии анатомического строения, оперения и т. п. *Anseridae*, или гусей времени оледенения земли, от современного нам вида. Поравнявшись с витриной лавки свежей дичи, профессора зашли в нее.

Хозяин, знавший хорошо покупателей, предложил любезно «на выбор». Но едва зоолог взял первого висевшего гуся, как с видом необычайного изумления застыл на месте. Профессор побледнел, затем покраснел. Лицо у него выражало полнейшее недоумение и растерянность. Наконец, он вынул платок, вытер пот, выступивший каплями на лбу, поправил съехавшие очки и, прищурив глаза, неестественно сдавленным голосом произнес, обращаясь к хозяину: «Мистер, послушайте, будьте добры сказать, сколько лет этой птице, т. е. извините, — конечно, — это чучело из перьев... к чему вы держите эту древность... позвольте узнать, из какого музея вы приобрели этот удивительный экземпляр».

По мере того, как он это произносил, хозяин постепенно приходил в величайшее негодование, принимая все за насмешку: «Мистер Римм, я думаю, вы меня очень хорошо знаете, и полагаю, с хорошей стороны, как добросовестного продавца; я думаю, что это может подтвердить и мистер Брукс, как и все мои остальные покупатели. К чему же такие слова?.. Если вам не нравится, то можете не брать, лучше ни у кого не найдете. А таких слов я еще ни от кого не слышал. Этакая крупная, жирная, упитанная птица, да «чу-

чело из музея!». Вы понюхайте только, совершенно свежий товар, а вы: «сколько тысяч лет, как убита?» Ну, мистер Римм, и обидели вы меня, выбор большой, смотрите любую».

Зоолог снял очки, тщательно протер их и глаза отвел в сторону, вновь посмотрел со вниманием на гуся, лежащего перед ним, потрогал нерешительно его кончиком пальца, как будто он сомневался, что перед ним нечто реальное, затем проговорил: «я очень извиняюсь перед вами, я не так выразился, вы меня не поняли, я хочу знать, не можете ли вы мне сказать, откуда у вас эта птица, где вы купили или достали эту птицу?.. Это прямо удивительно, — прибавил он затем вполголоса, — но не может же быть, не может же быть!».

— Если вы хотите знать, где я ее достал, то домашнюю птицу я покупаю у здешних фермеров, ну, а другая идет из Лондона, привозная. Что же касается именно этой, ее мне продал сегодня один крестьянин-фермер. По правде сказать, чужак большой он, раньше овощами торговал, теперь взялся не за свое дело. Привез целых два воза, когда базар кончился, хранить негде... он пьян немного был, навеселе, ну, и уступил цену... — на этом месте хозяин вежливо замолк. — Ну, раз деньги получил, все остальное меня не касается. И что птица, но виду, не здешняя, действительно. Здесь такой не разводят, надо полагать, привозная издалека... но за свежесть только я ручаюсь. Сегодня у меня все берут нарасхват, да хвалят!..

Зоолог Римм повернулся неожиданно к профессору Бруксу и многозначительно произнес: — «это... это непостижимо! Я или ничего не понимаю совершенно в зоологии, или схожу с ума! Этот гусь принадлежит к виду жившему в эпоху начала оледенения земли, т. е. 500 тысяч лет назад по самым скромным подсчетам, и безвозвратно исчезнувшему... я решительно ничего не понимаю!!!»

Мистер Брукс окинул скептическим взглядом зоолога, взял осторожно своего коллегу под руку, повел ошеломленного профессора к выходу и, обращаясь к хозяину и многозначительно указывая на зоолога, похлопал себя по лбу.

— Дорогой мистер Римм, позвольте я вас провожу до дому. По-видимому, вы сегодня чересчур переутомились. Ваши усиленные занятия сильно распатали вашу нервную систему. Я вам давно советовал взять отпуск. Выпейте сегодня порцию брома и очень, очень не мешает показаться врачу. За вами уже давно наблюдался, извините меня, ряд странностей.

И, невзирая на сопротивление зоолога, Брукс довел его до дому, позвонил и передал на руки супруге.

5.

Рассказ фермера Джильбертса.

Вслед за свихнувшимся зоологом дома ждал профессора новый сюрприз. (Была еще только середина дня, и мистер Брукс не думал, что это только начало того, что ему преподнесет дальнейшее).

У входа стояла лошадь в деревенской запряжке. На звонок никто не отвечал. Когда, наконец, Брукс с силой принялся стучать кулаками и рванул дверь, она свободно подавалась, оказавшись незапертой.

Это было верхом забывчивости, рассеянности, халатности, небрежного отношения к своим обязанностям со стороны экономки, мисс Джеральдс.

Собираясь по этому поводу прочесть длинную нотацию, профессор как был, в пальто и галошах, прошел в столовую, где надеялся застать мисс Джеральдс. Навстречу ему слышался мужской голос, что-то повествующий, чередовавшийся с возгласами: «ох, ой, да что же это такое, наконец», — самой экономки профессора.

Увидя профессора, экономка вместо того, чтобы вспомнить свои обязанности или представить гостя, устремила на Брукса бессмысленный, непонимающий взгляд.

Молодой человек, по виду крестьянин, как он оказался и на самом деле, поспешил представиться сам. Это был пле-

мянник экономки, фермер Джеральдс. Профессор уже ранее слышал о нем.

Фермер Джеральдс поспешил сообщить сущность события, уже отчасти известного читателям из вечерней газеты и из эпизода с продажей дичи.

— Видите ли, мистер Брукс, меня послал в О-д пастор Л., более было некому, а я как раз попался ему на глаза. Лошадь у меня хорошая, «катай, говорит, живей», да просил еще письмо передать. А по дороге я заехал к моей тетушке и к вам. Вам судья просил поклон передать, а письмо я сейчас отвезу.

Чудные дела у нас творятся... вот сегодня от нас парень с дичью приехал... Такая небывальщина, что просто ужас...

Только вчера еще сказывал судья, пошло много жалоб от крестьян, что во всем округе появилось, — откуда и принесло — прямо чудо, — множество диких зверей. Там пропадает у одних домашняя птица, где растащены запасы зерна какими-то неведомыми зверками-грызунами, у других убиты овцы, у тех свиньи, и все в том же роде. Вот он написал письмо к местному синдику, просит как бы поступить ему, а меня просил свезти. Да еще и вам поклон, мистер Брукс, передать.

Профессор иронически выслушал весь рассказ и, обращаясь к своей экономке, сказал: «А вы все-таки будьте добры в следующий раз, мисс Джеральдс, запирайте входную дверь за посетителями, когда они у нас бывают, и спускаться на звонок, не задерживаясь здесь различными деревенскими баснями!»

6.

События разрастаются.

По величине Ок-д принадлежал к числу небольших городков. Это было не более, как одно из местечек, ставшее или, вернее, выбранное для местного провинциального административного центра. За исключением студенчества, вынужденного в нем пребывать по местонахождению своего высшего учебного заведения, население его, за немногим исключением, состояло из тех же осевших бывших фермеров, выбравших ту или иную из немногочисленных профессий маленького города, затем профессуры, и местной администрации. Каждый гражданин мог почти наверняка перечесть, не рискуя обсчитаться, всех более или менее уважаемых жителей.

Однако, Ок-д не был чужд социальных течений, партий, слоев общества. Ряд лиц замыкались в группы, где каждый входящий чувствовал себя на равной ноге с другими по крайней мере по убеждению и взглядам. Часто отдельные группы вступали между собой в ожесточенные споры и диспуты по вопросам подчас самого странного характера и свойства.

Так было и в данном случае. Стоило профессору немцу Шнейдерсу начать проповедь теории Эйнштейна, как это послужило к образованию вокруг него группы, включившей вскоре и целый ряд других вопросов, совсем к науке не относящихся.

Профессор Брукс не нашел ничего лучшего, как перейти к другой группе, и так как выбор лиц, с которыми можно было вести духовное общение, был весьма ограничен, то ему остались лишь синдик, судья, нотариус, начальник полиции и прочие, главным образом из администрации города, не примкнувшие к «немецкому» блоку.

В четвертом часу, пообедав, профессор расположился на отдых в кресле с сигарой во рту, когда мисс Джеральдс доложила о приходе городского головы и мистера Кобса,

начальника местной полиции. Синдик держал в руке письмо, привезенное Джеральдсом, и был явно взволнован.

— Что вы думаете по поводу всего этого? — задал вопрос начальник полиции.

— Что я думаю насчет всей этой чепухи, басни деревенских олухов, галиматши, сообщенной корреспондентом для развлечения таких же городских болванов?! — профессор весь покраснел от негодования. — Я думаю, что это чепуха, чепуха с самого начала и до конца!

— Но не можете же вы игнорировать самые факты, сообщаемые мистером Джонсоном, судьей из Т. Насколько я знаю, это вполне порядочный, добросовестный человек, — заметил синдик.

— Факты, сообщаемые судьей! Ваш судья такой же идиот и олух, как и все прочие!

— Но не может же быть, чтобы здесь не было никакого правдоподобия.

— С самого начала и до конца здесь нет ни капли правды!

— Хорошо! Но чем тогда объяснить самый факт появления птицы на ферме мистрис Хоу, затем вблизи фермы огородника Г., наконец, целый ряд появлений множества птиц, зверьков, среди которых есть и хищные, — задал вопрос Кобс.

— Чем объяснить! Скажите, неужели вы для объяснения столь простых явлений должны заражаться галлюцинациями какой-то истерички Хоу? Разве вам не известно, что очень нередко временами происходят от различных причин, не всегда могущих быть установленными, целые переселения животного мира...

— Положим, что все это так, но как объяснить выпадение птиц, усеявших собой целую площадь земли на ферме Г.?

— Но почему же, раз теперь вы трезво стали смотреть на вещи, не можете видеть здесь просто падения ослабленных, изголодавшихся птиц из стаи?

— ...Гм, это как-то не соответствует действительности, птица, судя по сообщению, имела вид чрезвычайно сильный и откормленный! — вставил синдик.

— Слушайте, я вам категорически, понимаете, — категорически заявляю, что я не признаю, не хочу признать возможность чего либо неестественного, абсурдного! Не хотите ли уж вы, мистер Джонсон и мистер Кобс, признать здесь нечистую силу вместе с мистрис Хоу?!

— Хорошо, хорошо, мистер Брукс, — замял разговор сконфуженный полицейский, — но не считаете ли вы нужным дать знать в Лондон по начальству?

— Я не считаю не только нужным, но считаю, что они бы подняли вас на смех.

— Да, кажется, вы правы, я могу себя этим скомпрометировать перед начальством.

— Не беспокойтесь, мистер Кобс, судя по тому, что сообщает «Наша Газета», это в местечке Т. уже сделали и сообщили в Лондон. Я думаю, теперь у центральной прессы немало будет материала посмеяться над местными простофилями. Во всяком случае, что касается реальных мероприятий против появления множества вредных зверей и т. п., следует обойтись своими силами и передать это нашему «Обществу Любителей Охоты».

Вечерний выпуск «Нашей Газеты» не содержал в себе ничего более интересного, кроме сообщений собственного корреспондента из округа графства В. и целого ряда писем в редакцию от местных фермеров о небывалом появлении множества самой разнообразной дичи, причем везде резко отмечалось, что наряду с мелкими зверьками и птицами появлялись также неизвестные крупные хищники.

Но следующий выпуск газеты содержал следующее сообщение, заставившее профессора почти подпрыгнуть на месте от изумления:

СЕНСАЦИОННОЕ ОТКРЫТИЕ.

«Нашим уважаемым согражданином, доктором естественных наук, профессором Ок-го университета зоологом Римм, известным в научном мире своим первоклассным трудом «О птицах четверичной эры», при нескольких странных обстоятельствах, о которых скажем ниже, обнаружен существую-

щий и окрестностях Ок-да новый вид *Anseridae* т.е. гуся, считавшийся давно вымершим, и принадлежащий к распространенному в эпоху оледенения Земли.

Некоторыми научными педантами (*От редакции*: к сожалению, еще занимающими профессорские кафедры в нашем знаменитом университете, врагами ученого профессора и между прочим общепринятой теперь повсюду теории Эйнштейна) высказаны были сомнения (*Замечание от редакции*: Не наоборот ли?) насчет умственных способностей ставшего отныне знаменитым проф. Римма.

Упавшее с дерева яблоко позволило Ньютону высказаться о бессмертном загоне всемирного тяготения, кипящий чайник дал Уатту идею паровой машины, качающаяся лампада в соборе навела Галилея на мысль о законе маятника. В данном случае, почтенный зоолог, будучи добропорядочным семьянином и покупая по просьбе жены к обеду гуся в лавке, торгующей птицей, к несказанному своему удивлению и обнаружил новооткрытый вид.

В беседе с нашим сотрудником, который был любезно принят зоологом, последний сказал, что намерен дать (*Замечание от редакции*: какое редкое благородство и бескорыстие!) новооткрытому виду имя нашего города и тем самым сделать О-д бессмертным, увековечив его в мировой науке.

От «Нашей Газеты» первые приносим скромное поздравление славному деятелю знания, уважаемому профессору нашего университета и гражданину города Ок-да зоологу Римм! Да здравствует зоолог Римм! Да здравствует новооткрытый вид гуся имени города Ок-да! Да здравствуют граждане города Ок-да и читатели и подписчики нашей газеты! Долой наших врагов, противников теории Эйнштейна, консерваторов в науке».

Статья была, по-видимому, написана если не самим профессором Шнейдерсом, то, во всяком случае, кем-то из его близких сторонников.

Профессор в бешенстве смял газету и провел всю ночь, проворочавшись на постели, без сна.

«О-во Любителей Охоты».

После университета гордостью Ок-да было «О-во Любителей Охоты».

Туда входили самые уважаемые и почетные лица: местный судья, нотариус С., викарий городского собора Д., директор местного учебного заведения, школьный учитель математики, хозяин одной из двух гостиниц, профессор истории древней Греции и прочие самые именитые лица города.

Было весьма жаль, что студенты разъезжались летом на вакации, иначе означенное об-во пополнилось бы множеством отважных молодых людей.

Мы забыли упомянуть о самом главном члене, знаменитом мистере Дэвис-Дохерти, председателе названного учреждения. Невысокий, жилистый, военной выправки человек, в сапогах выше колен, во френче защитного цвета, всегда тщательно выбритый, в тропическом шлеме, повязанном белой кисеей, и в дымчатых очках от солнечных лучей (несмотря на туманный английский климат), он производил непередаваемое впечатление, когда принимался рассказывать о своих приключениях в Индии, в его бытность там на службе, когда он собственноручно убил на охоте, устроенной индусским раджей, тигра. Шкура его, великолепного бенгальского тигра, была разложена в приемном зале названного об-ва, где устраивались торжественные обеды; она демонстрировалась наиболее уважаемым посетителям.

Обыкновенно, каждый раз, когда Дэвис-Дохерти начинал рассказывать свои приключения, он принимался уснащать их все новыми и новыми подробностями своей неисчерпаемой фантазии, так что жителям О-да никогда не надоедало их выслушивать в многосотый раз.

Второй достопримечательностью О-ва любителей охоты была громадная охотничья библиотека, вмещавшая более

шести тысяч экземпляров по всем вопросам охоты. Переплетенные в роскошные переплеты, выставленные стройными рядами за зеркальными стеклами, книги производили внушительное впечатление на всякого, даже приезжего из Лондона.

Третьим и последним «гвоздем» была удивительная коллекция охотничьего оружия, из-за которой многие даже специально делали крюк, чтобы ее осмотреть. Она была составлена из разного рода охотничьего оружия, начиная от лука и копья индейца, рогатины русского зверолова, духового ружья кафра, стреляющего отравленными стрелами, бумеранга австралийца и кончая китайской пушкой и современной дальнобойной винтовкой для стрельбы разрывными пулями по слонам и крокодилам. Экспонаты были тщательно занумерованы, в отличном порядке развешаны по стенам и снабжены примечаниями, поясняющими значение их и употребление.

Каждую неделю по пятницам, не считая особых, так называемых, охотничьих банкетов, члены О-ва, числом 18 человек, собирались в главном зале, уставленном набитыми чучелами птиц и зверей, и располагались на разостланных шкурах, все в охотничьих костюмах, увешанные оружием. Специальный повар готовил охотничьи блюда. Ели из походных столовых приборов, запивая вином из охотничьих фляжек.

Тут велись нескончаемые охотничьи рассказы, повести и споры на специальные темы, затягивающиеся далеко за полночь.

В день св. Петра, этот избранный день охотников всего мира, все члены общества отправлялись на охоту. Это было днем торжества и для города. Впереди ехал оркестр музыки и, когда охотничьи группы в 3-5 человек проезжали по улицам, отовсюду слышались приветствия толпящихся жителей. Член Об-ва, директор местного среднего учебного заведения, даже требовал, чтобы в этот праздничный день его ученики собирались около училища и, стоя правильными шпалерами по обе стороны улицы, кричали приветствия, пока мимо них не продефилируют все группы.

Этот день был также днем хорошей торговли для всех торговцев дичью, ибо, сказать по секрету, в ближайших местах (а далеко охотники и не ездили), не только совершенно не водилось крупных животных, но было затруднительно найти даже зайца, кролика или бекаса.

Выехав за город, наши герои, после сытного обеда и поистощив все охотничьи рассказы, по звуку рожка расходились и разные стороны и уже лишь к вечеру возвращались поодиночке, с разных сторон города, с сумками, набитыми услужливыми хозяевами лавок до отказа всякой свежей дичиной.

Охотничий сезон в этом году еще не наступил, как вдруг члены «Об-ва любителей охоты» были встревожены необычайными, уже известными читателю событиями. Кроме газеты был получен целый ряд сообщений непосредственно и секретарем Об-ва о необычайном массовом появлении птиц и мелких, и крупных разнообразных пород животных, причиняющих вред фермерам.

Решено было мобилизовать все силы и, по просьбе Окского синдика, начать охоту ранее назначенного срока. Небывалое оживление охватило членов Об-ва. Уже обсуждались все подробности охотничьей экспедиции, вооружение, костюмы.

В разгаре споров внезапно было получено сообщение о появлении необычайного чудовища, напоминающего исполинского медведя, слухи шли и значительно далее. Это несколько озадачило Окских приключенцев, но так как сообщение было слишком невероятно, а быть героем слишком заманчиво, все наперебой рисовали себя вступающими в единоборство с хищником глаз на глаз.

Всем было известно сообщение газет о мнении зоолога Римма о породе птиц, водящихся в окрестностях города, и профессор стал популярнейшей личностью. Когда поэтому профессор Римм сам явился на собрание Об-ва и изъявил желание участвовать и предполагаемой экспедиции, то его заявление было встречено шумом одобрения и тотчас же единогласно он был избран первым почетным членом Об-ва.

Решено было не откладывать поездки. Сроком был назначен следующий день.

8.

Пещерный медведь.

Согласно тщательно выработанному плану, охотничья поездка должна была занять несколько дней. Охотники направлялись в округ графства В., откуда исходили тревожные слухи. По дороге они должны были сделать остановку милях в пяти от города и посвятить первый день охоте за мелкой, в изобилии теперь появившейся, дичью.

Не будем описывать торжественных проводов, устроенных гражданами Ок-да бравым охотникам. Было уже за полдень, когда им удалось выбраться из города. Разместившись по 2-4 на деревенских тележках, запряженных свежими, крепкими лошадьми, члены «О-ва любителей охоты» быстро двигались по не совсем еще просохшей весенней дороге.

Настроение было чрезвычайно приподнятое. Каждый заранее мнил себя героем ожидаемой охоты. Зоолог Римм ехал вместе с председателем Об-ва Дэвис-Дохерти, избранным предводителем. Уже не遠далеке от города стало заметно необычайное оживление на дымящихся, теплых, желтых еще от прошлогодней травы, лугах. То там, то здесь, вспугнутые шумом, несшимся с дороги, вспархивали отдельные птицы, путь перебегали маленькие зверьки, вдалеке на синеем горизонте неслись большие стаи неизвестных птиц.

Несмотря на отделяющее их расстояние, зоолог то и дело привскакивал с места, открывая все новую и новые виды. Впрочем, у всех еще сильно шумело в голове от выпитого вина, чтобы они могли серьезно отнестись к возгласам профессора.

Спустя два часа охотники прибыли на ферму, лежащую несколько в стороне от дороги, где их встретил заранее извещенный хозяин. Отсюда должно было состояться первое выступление. Так как сейчас дело шло о мелкой дичи, решено было разойтись всем в разные стороны, чтобы лишь к заходу солнца опять всем вместе сойтись.

Первый день протек успешно. Изобилие дичи было таково, что всякий, умеющий держать ружье и руках, настрелял бы гораздо больше, только не наши охотники. Напичканные всякими правилами, поучениями и теориями для охотника, охоты и стрельбы, они долго раздумывали и совещались, прежде чем выстрелить, в то время, как дичь вылетала или выскакивала с шумом из-под ног. Все же результаты были таковы, что, вернувшись на ферму, охотники могли состряпать из убитой ими дичи великолепный ужин.

Следующий день они провели в поездке на дальний конец своей цели. Разошедшиеся в своих мечтах о «настоящей охоте» на тигров, львов и пантер, они, не доезжая до места своего назначения, были остановлены взволнованными рассказами крестьян о бродящем здесь чудовище. Судя по сообщениям, это было что-то вроде необыкновенных размеров медведя, с косматой шерстью, кинжаловидными когтями, злобного и свирепого.

Им показали только этой ночью распоротую корову. Ее труп, страшно изуродованный, с вывалившимися внутренностями, еще лежал там, где произошло нападение. Всего более странным казался тот факт, что хищник совершенно не боялся человека и появлялся даже днем, на виду у всех.

Зоолог Римм поспешил осмотреть почву, думая найти отпечатки следов, но крестьяне так затоптали прилегающую местность, что это оказалось совершенно безнадежным.

Кто это мог быть? Сообщения крестьян были слишком неопределенны и фантастичны. Чем более члены «Об-ва любителей охоты» наслушивались того, что им передавали жители, тем более расхолаживались их охотничьи инстинкты. Дэвис-Дохерти собрал экстренный совет. Надо бы-

ло устроить облаву на зверя. Крестьяне однако идти с ними и оказывать им помощь в самой охоте категорически отказались, ссылаясь на неимение оружия. Так они были напуганы.

Окинув всех своих товарищей горящим взглядом, председатель вдруг увидел вокруг себя множество бледных лиц, с плохо скрываемым испугом... После вялых, нерешительных предложений, решено было устроить в полумиле от деревни засаду с искусственной приманкой.

Однако, чем ближе дело было к вечеру, тем быстрее, под влиянием деревенских рассказов, падало настроение. Первым, ссылаясь на неотложную потребу в соборе, поспешил вернуться и город викарий Д. Вслед за ним заторопились, непрестанно поглядывая на часы, нотариус С. и хозяин гостиницы, — первый ссылаясь на не терпящие отлагательства дела с двумя клиентами, второй — на необходимость дать инструкции повару и прочей прислуге гостиницы относительно новых постояльцев.

Несмотря на все прилагаемые сверхчеловеческие усилия председателя Дэвиса-Дохерти, число остающихся быстро редело, и уже к концу дня из 19 человек оставалось только 7, считая и зоолога.

Молчаливый ответный блеск глаз, плотно сжатые бледные губы, красноречивее всяких слов свидетельствовали о героическом решении оставшихся докончить начатое дело. Растроганный Дэвис-Дохерти крепко пожал всем руки, и все отправились на место засады.

Крестьянин-подросток притащил на веревке блеющего и отчаянно сопротивляющегося козла и быстро удалился назад, опасливо поглядывая по сторонам. Место, где расположились охотники, представляло собой поляну с возвышающимися двумя-тремя сосенками, затем на некотором расстоянии шла мелкая поросль кустарника и небольших деревьев, переходящая затем в лес. Козел был привязан на длинной веревке, позволяющей ему свободно разгуливать по поляне.

Сами охотники должны были расположиться под соснами, но прежде решено было собрать хвороста для боль-

ших костров. Вскоре огромные горы сухого валежника возвышались кругом.

Несмотря на то, что солнце еще не садилось и было светло, Дэвис-Дохерти ради предосторожности велел развести большой огонь. Огромный костер в виде полукруга с оставленным промежутком для прохода, внутри которого засели с ружьями наготове охотники, запылал ярким пламенем, посылал в еще светлое небо тучи искр и клубы черного смолистого дыма.

Решено было разделиться на две смены, по три человека каждая, не считая самого председателя, который объявил категорическое намерение дежурить всю ночь. Один в каждой смене должен был следить за костром, двое других — быть на страже с винтовками.

Первая часть ночи прошла вполне благополучно. Незаметно дух охотников поднялся. Постепенно вновь развязались языки. Несмотря на установленный порядок смен, никто не спал. Лишь под самое утро первая смена растянулась в предраассветном холодке у пригревающего костра.

Зоолог, учитель математики и профессор истории древней Греции попали во вторую смену. Разговоры уже истощились. Дул холодный ветер. Зоолог, которому выпало следить за костром, подбросил в огонь большую охапку хвороста. Дэвис-Дохерти вскарабкался на сосну, где устроил наблюдательный пункт. Под ним, сложив два здоровых сука верхушками накрест и воткнув их в землю, учитель математики положил на этот самодельный прицел знаменитую винтовку для стрельбы по слонам и крокодилам и, прислонясь к дереву, принялся вычислять в уме кубический корень из 17 897 356.

Профессор истории, после тщетных попыток найти общую тему с зоологом, сел поодаль, погружившись в размышления о древнем Олимпе.

Товарищи первой смены сладко похрапывали у костра. Кругом стояла тишина. Незаметно дремота стала сковывать глаза стоящих на страже.

Одному лишь зоологу загадка хищника не давала покоя... Вдруг он увидел каким-то путем уцелевшие при их возне с

костром отпечатки огромных лап, по виду медвежьих. Отпечаток был неясен, но далее ясно виднелись следы, уходящие к лесу.

После истории открытия ледникового гуся, он ничто не считал более невозможным. Оглянувшись по сторонам и на спавших товарищей, он осторожно вышел на поляну, но и там следы были отчасти затоптаны, но далее опять становилось как будто яснее. Римм вернулся для того, чтобы подбросить в костер топлива, и погрузился в изучение следов. Это были несомненно следы медведя с огромными заостренными когтями. Судя по глубине следа, можно было заключить об огромной тяжести и величине их обладателя.

Зоолог удалялся все далее и далее. Вот клочок шерсти, пристаивший к кустарнику. Римм осторожно снял его и, тщательно рассмотрев, положил в записную книжку. Незаметно профессор очутился в лесу. Наступающее утро великолепно позволяло все видеть. На содранной коре дерева были ясно видны следы когтей. Исполинские размеры особенно поразили профессора. Вот след бешеной злобы зверя, — вырванная с корнем елочка, сломанная и исковерканная. Необычайная догадка озарила зоолога. Он понял, что перед ним следы ни кого другого, как ужаса и грозы первобытного человека, — «пещерного медведя».. И в тот миг, как профессор вообразил себе картину встречи этого хищника с нашим предком, он увидел перед собой его.

Роскошное сновидение между тем озаряло голову председателя. Дэвис-Дохерти видел себя в Индии. Среди тропической природы джунглей, во главе пышной вереницы охотников, восседал он на слоне рядом с индусским раджей и величаво покачивался, готовый к встрече с бенгальским тигром. Вдруг сбоку, из зарослей бамбука, слышится предостерегающий шорох, слон настораживает уши, и в воздухе несется стальным броском огромное пестрое тело тигра. Слон схватывает хоботом хищника, Дэвис-Дохерти вскидывает винтовку, но мелькающий живой клубок затрудняет верный прицел, и... он просыпается.

Все охотники, и том числе и часовые, вместе с тихо прикорнувшим невдалеке козлом, сладко спали, похрапывая у погасшего костра, а впереди, среди мелкой заросли кустарника, отчаянно вопя, неся зоолог. Зоолог, но в каком виде!

Брюки висели клочьями, позволяя видеть нижнее белье тоже все в клочьях; на животе висела оборванная цепочка от часов, за профессором, болтаясь в воздухе, летел на резиновом шнурке котелок, а вслед за зоологом, четко вырисовываясь на предрассветном фоне деревьев своей исполинской грязно-бурой громадой, подняв вверх лапы с кинжаловидными когтями и сверкая маленькими, близко посаженными глазками, шел исполинский медведь.

Председатель хотел крикнуть, встревожить всех, но понял, что нужно действие решительное, молниеносное дей-

ствие. И это время профессор добежал до погасшего костра и растянулся почти перед настигнувшим его чудовищем. Еще полминуты промедления — и зоолога более не существовало бы. Дэвис-Дохерти сделал быстрое движение слезть, и увы... сук дерева медленно стал подламываться, и председатель, сопровождаемый целым ворохом сухих сучьев, свалился прямо на голову учителя математики.

Момент, и последний спросонья дернул курок установленной на прицел винтовки. Пронесшись над головой упавшего зоолога, заряд угодил целиком в тушу медведя. Это спасло Римма.

Медведь взревел, попятился назад, затем повернул к лесу и медленно заковылял, оставляя за собой кровавый след.

Охотники, разбуженные всем происшедшим, и со сна не понимая в чем дело, подняли беспорядочную стрельбу, козел жалобно блеял, зоолог продолжал еще вопить о помощи, председатель стонал на земле, вывихнув слегка ногу...

Спустя полчаса крестьяне были свидетелями героических результатов охоты. Медведь, очевидно, серьезно раненый, более не решится беспокоить деревню. Однако, о дальнейшем преследовании не могло быть и речи, так как вывих председателя Об-ва внушал опасения. Зоологу помогли переодеться и, сопровождаемые радостными кликами всей деревни, охотники покинули ее, направляясь в Ок-д. Римм перед отъездом захватил с собой тщательно срезанные пласты глинистой почвы, на которой отпечатались следы исполинского медведя.

Теория профессора Шнейдерса.

Известие о возвращении охотников мгновенно облетело весь город. Слухи, переходя от одного жителя к другому, непрерывно росли, разукрашивались множеством вымышленных подробностей и принимали невероятный характер. Возвратившиеся охотники были героями дня. Вышедший экстренный выпуск вечерней газеты сообщал все детали необычайного приключения. Кроме того газета приводила интервью о профессором Риммом. Не оставалось ни малейшего сомнения, что дело идет о появлении давно исчезнувших видов, долженствующем взволновать и поколебать весь мир.

На следующий день утренний выпуск сообщал новую сенсацию: профессор Шнейдерс собирался сделать публичный доклад в «Обществе изучения физических и естественных наук», где обещал дать исчерпывающую теорию необыкновенных явлений.

Все эти сообщения взволновали весь город и еще задолго до начала огромная толпа осаждала здание общества. Негодованию мистера Брукса не было предела. Однако, он поспешил очутиться в ряду присутствующих.

Стрелка часов показывала ровно восемь, нетерпение и зале достигло высшего предела. Наконец, президиум общества занял свои места. Встреченный громом аплодисментов, профессор Шнейдерс начал говорить.

Слегка коснувшись взглядов прошлого на природу космоса, он перешел к новым воззрениям. Обрисовал прогресс современного знания и остановился на «неэвклидовой» геометрии, новой математике многомерного пространства. Уяснив ее смысл, он перешел затем к теории Эйнштейна, ее опытному подтверждению и остановился на событиях, происходящих в окрестностях Ок-да. Во время его речи стояла глубокая тишина. Один лишь Брукс едва

сдерживался, готовый прервать своего противника выпадом раздражения.

Профессор говорил между тем:

«...Представьте себе, мы имеем геометрическую точку. Эта точка идеальна, т. е. не имеет никакого измерения. Предположим, что эта точка движется и оставляет след за собою; мы имеем тогда прямую линию. Прямая линия имеет одно измерение — ее длину.

Предположим далее, что эта линия двигается перпендикулярно самой себе, мы тогда будем иметь оставленный ею след — геометрическую плоскость. Плоскость имеет уже два измерения — ширину и длину.

Еще далее предположим, что и эта идеальная плоскость совершает движение также перпендикулярно сама себе. Мы уже будем иметь пространство с его тремя измерениями — длиной, шириной и высотой.

Ну, а далее — мы условились брать идеальные геометрические тела — далее мы можем предположить, что и трехмерное пространство может двигаться, так сказать, перпендикулярно само себе, оставляя свой след уже четырехмерного протяжения геометрического тела.

Это кажется сначала весьма странным, но вот простой показательный пример. Мы имеем две линии. Одну из них условимся считать B — неподвижной, другую же — будем около одной из точек O — вращать. Как вполне понятно, эти линии пересекутся. Мы можем даже сделать чертеж. Вот линии AB , вот $A'B$. AB оставим неизменной, а $A'B$ поворачиваем около точки O , но таким образом, что AB все более и более приближается, чтобы стать параллельной $A'B$. И вот, мы видим, что вместе с этим точка пересечения, назовем ее M , сначала помещается на доске, затем отходит вбок, вот уже она будет где-то далеко на стене; я поворачиваю еще, и точка M отойдет куда-то на улицу, в город, наконец, за город. Чем более и более становится параллельною $A'B$ линия AB , тем дальше и дальше отходит пересечение M . При очень малой разнице от параллельности, точка M будет лежать где-то вне пределов Земли, наконец, вне пределов солнечной системы, даже в других звездных

системах. Наконец, мы сделаем AB и BA совершенно параллельными. Где же они пересекутся? Мы говорим, что направление линии пересекается в бесконечности. Вполне, я думаю, ясно для всех, это видно из примера, что это возможно, если пространство само по себе — замкнутое тело! Пространство имеет кривизну!..

...Для первого взгляда, вернее — для непривычного взгляда, — это не вяжется как будто с общепринятыми представлениями. Но напомним вам следующее. Вы все, конечно, изучали геометрию, где имели ли дело с известными прямыми линиями, фигурами. Природа же не знает таких! В природе нет прямых линий, нет идеально ровных плоскостей. То, что мы принимаем за таковые, лишь кажущееся. Положим, вы взяли очень ровный лист бумаги и начертали на нем ряд прямых отрезков. Действительно ли они таковы? Конечно, нет. Сама поверхность Земли круглая, и лежащая на ней бумага также имеет совершенно незаметный изгиб, изгиб поверхности земного шара!.. Следовательно, и наш чертеж вогнутый!!

Два математика, первые, независимо друг от друга, разработали так называемую неевклидову геометрию, — их имена — Лобачевский и Риман, вслед за ними множество других: Бальяи, Болиай и прочие. Я не буду здесь останавливаться на ней, скажу лишь, что, усомнившись в кажущихся самоочевидных геометрических истинах, математики путем сложных построений вывели новую геометрию, — геометрию многомерных пространств.

Укажу, что «Эвклидова» геометрия, всем вам известная, у них является лишь частным случаем, где пространство принимается за трехмерное.

Вначале большинству это казалось лишь жуткой «забавой для ума». Но вот многие явления физики, явления магнетизма, электричества потребовали для своего объяснения допущения четырехмерного протяжения. Таковы гипотезы об электро-магнитных волнах и вихрях. Однако, все это были лишь гипотезы. Но вот Эйнштейн создает на одном весьма простом физическом факте, именно на невозможности обнаружить абсолютное движение Земли через предпо-

лагаемый эфир (солидаризируемый с абсолютным пространством) свою «теорию относительности»...

Выводы ее таковы, что, допуская время одним из измерений, получаем вместо прежнего «становления вещей» единое «Бытие».

Прошлое, настоящее, будущее, если можно так сказать, выражаясь условно, существует вечно, постоянно.

На опытных данных последнего времени по отношению света, он получает полное подтверждение своей теории о предполагаемой кривизне пространства.

Принимая найденную среднюю кривизну, Эйнштейн отсюда вычисляет размеры всей вселенной.

Таким образом вселенная является своего рода 4-мерным континуумом, находящимся в 5-м пространстве. Приняв время за 4-ю координату, мы превращаем физику не во что иное, как геометрию движения. Геометрия — это статика точек»... профессор Шнейдерс остановился немного, затем начал далее:

«Геология знает на Земле огромные катастрофы, целые острова, материки исчезали в волнах океана. Океаны меняли свои места. Земная кора подвергалась гигантским катаклизмам.

Астрономия наблюдает еще более великие, гигантские события. Целые солнечные миры возникают на глазах вселенной. Наблюдали возгорание новых звезд, происходившее или от грандиозного столкновения двух солнц, или от радиоактивного взрыва элементов, их составляющих...

Взгляд, что все вечно во вселенной и постоянно, принадлежит прошлому. Энергию порождает материя, материя, как дали последние открытия Нернста, превращается, например, в верхних частях атмосферы Солнца — в энергию...

Почему бы, я задаю свой вопрос вам: почему?! и самому пространству не испытать частично катастрофу?!..

События последних дней с неопровержимой очевидностью показали нам, — если не допускать сверхъестественного чуда, во что, я думаю, никто из вас не верит, — что в окрестностях Ок-да появилось множество животных, принад-

лежащих прошлому Земли. Ни о каких переселениях животных из других мест не может быть и речи по той простой причине, что эти виды на поверхности Земли не существуют более 500.000.000 лет. Единственно, откуда они могли взяться — это другие точки временного протяжения.

По-видимому, в пространстве случилась катастрофа. Возможно, что явление носит ограниченный, местный характер и протекает лишь у нас, так сказать, в одной точке протяжений.

Я уже вам показал, что можно мыслить геометрические контуры, как одномерные, так и трехмерные, в отдельности. Следовательно, четырехмерный контур Бытия, вследствие неизвестных причин, «где-то распался», и одномерный контур времени в точках «прошлое» пересек трехмерный контур реальностей материи.

Бесплотные образы прошлого во времени, попав в пересечение с пространственной протяженностью, стали материальны, осязаемы, стали настоящим! Вот моя точка зрения на происходящие события».

Профессор Шнейдерс кончил.

Громоподобный, несмолкаемый взрыв аплодисментов раздался в зале. В течение 10-15 минут ничего нельзя было ни сказать, ни сделать из-за овации теснящейся толпы.

Профессор Шнейдерс стоял, не в силах сойти с кафедры, вследствие непрерывного, напоминающего морской прилив, движения к нему.

10.

Проф. Брукс и проф. Шнейдерс.

— Чушь! Чушь! Ахинея! Дикая, несуразная, абсурдная фантазия! Бред помешанного, сумасшедшего!!.. —раздался, покрывая гром оваций, голос профессора Брукса.

— Не теория, а бред идиота, кретина! — продолжал орать Брукс, покрывая негодующий рев, свистки, неодобритель-

ные выкрики, шиканье толпы по его адресу и, невзирая ни на что, взошел и стал рядом с Шнейдерсом...

— Многоуважаемые мистрис и мистеры! Только сейчас я, присутствуя здесь, мог убедиться, как некий, по чрезвычайному недоразумению, имеющий знание ученого Великого Здания Точных Наук, математики и физики, на самом же деле не что иное, как шарлатан, имел возможность беспрепятственно здесь перед гражданами, моими соотечественниками, свободными подданными великого государства Великобритании, одурачить всех дикими бредовыми идеями.

К сожалению, недостаточность требуемой в данном случае большой математической подготовки, позволила без труда убедить вас всех принять дикие, нелепые сказки за научные доктрины...

Галлюцинации какой-то мистрис Хоу послужили ловкому корреспонденту материалом дать сообщение в газету для жадной на самые необычайные сенсации, неприятельской толпы. В погоне за увеличением тиража, газета не задумалась раздуть слухи, пущенные умелой рукой.

К величайшему и горестному сожалению, в этом вопросе оказался замешанным и наш старый профессор, зоолог Римм. Усиленные занятия расшатали здоровье профессора и позволили ему стать жертвой массовой галлюцинации. Факт появления медведя объясняется весьма просто: последний мог бежать из зверинца бродячей группы циркачей... В данном случае, я стараюсь объяснить дело более или менее просто, но возможно, что оно обстоит иначе, и даже скорее, что все происходящее здесь является делом сторонников немца Шнейдерса, противника установленных в Ок-ском университете порядков, т. е. делом партии «немца», позвольте подчеркнуть это слово, потому что Шнейдерс — германский подданный!!!...

Буря, шум пронесли в зале. Брань, свистки, шиканье, хлопки, стук ногами, трескотня стульев об пол, ругательства достигли своего апогея. И зале оказались среди присутствующих сторонники двух враждующих партий. Вверх

летели котелки, цилиндры, трости, страшные слова, угрозы... Момент — и в зале началась потасовка.

Напрасно президиум общества старался нанести порядок, напрасно председатели стучал, звонил, кричал... Все было напрасно.

Потребовалось бы вмешательство полиции, когда председателю пришла гениальная мысль. Сложив руки рупором, вскочив на стол, он обратился к обоим профессорам, стоящим за кольцом своих сторонников и мечущим молниеносные, уничтожающие взгляды:

— Предлагаю ради науки, ради установления Великой Истины, отправиться лично уважаемым профессорам, мистеру Бруксу и мистеру Шнейдерсу, обоим, на место удивительных происшествий в округе графства В. и самим удостовериться в правдивости или лживости газетных сообщений! Тем самым тот или иной признает свою ошибку и публично должен будет принести извинение перед другим! Сейчас же предлагаю временно вспомнить о науке, соединяющей всех великих ее служителей, и подать друг другу руку примирения!..

Брукс и Шнейдерс взошли оба на кафедру. В зале воцарился постепенно порядок.

Председатель подошел к обоим и, взяв их руки, вложил их одна в другую.

— Завтра два доблестных ученых отправляются ради великой цели, подвергая свои жизни опасностям, в место появления хищников и прочих удивительных явлений. Вы уже слыхали о том, что пришлось перенести нашим согражданам, членам «Общества любителей охоты». Теперь же два мирных исследователя, горя великим огнем установления правильного научного мировоззрения, бесстрашно едут, невзирая ни на что, туда же, чтобы внести новую славную страницу в Великую Книгу Знания и тем прославить еще более наш знаменитый университет и город! Да здравствуют оба профессора, Брук и Шнейдерс!!

Позабыв только что происшедшую потасовку, граждане О-да подхватили с криками «ура» обоих профессоров и вынесли их на улицу.

Беженцы.

Еще до восхода солнца, чтобы избежать лишних проводов, профессора Брукс и Шнейдерс выехали за город. Серый автомобиль гоночного типа профессора Шнейдерса, — последний был большим спортсменом, — легко шел по хорошо укатанному, тянувшемуся ровной лентой шоссе.

Под впечатлением быстрой езды оба, отдавшись охватившему их настроению радостного весеннего утра, молча созерцали величественный восход солнца. Ничто не напоминало им о цели поездки.

Уже зеленеющие луга быстро мелькали, расходясь по обе стороны от мчащейся машины. Из-под колес то и дело вылетали целые стаи усевшихся на дороге птиц.

Спустя некоторое время, они свернули на проселочную дорогу. Минуты через четыре они въехали в лежащую по дороге деревню. Обоих сразу удивило царившее в ней возбуждение. У домов стояли телеги, уложенные домашним скарбом, по улице преграждали им путь целые вереницы запряженных лошадей, стада коров, овец, свиней и других животных.

Машину окружили жители, забросав рядом вопросов о какой-то опасности. Оба профессора с трудом могли понять, в чем дело. Уяснив, что приезжие сами ничего не знают, им сказали, что, по слухам, из ближайших сел появились гигантские гороподобные чудовища, ломающие и топчущие все встречающееся, уже разрушено несколько деревень, жители их частью убиты, частью разбежались, побросав все.

Шнейдерс многозначительно посмотрел на Брукса. Жители здешней деревни, по примеру соседних, собрав все, что можно, готовились уходить. Задав несколько вопросов о направлении, откуда шли слухи о появлении гигантских чудовищ, Шнейдерс, с трудом проехав деревню, дал машине возможно большую скорость. Однако, условия дороги не позволили машине ехать быстро. Спустя полчаса они при-

были в следующую деревню. Она оказалась пуста. Все указывало на неожиданное бегство и ужас крестьян. Наугад пустив машину, они миновали несколько невдалеке лежащих отдельных ферм, и потом неожиданно въехали в еще спокойное село. Их вопросы вызвали только изумление, а вслед затем и тревогу.

Оставив село, автомобиль понесся далее, завернув сильно вправо. Проколесив по беспорядочно пересекающимся дорогам, они опять въехали на шоссе, идущее в местечко Т. Почти тотчас же им стали попадаться как отдельные повозки, так и обозы жителей целых поселков, бегущих со своим скарбом в город. Возбужденные, панически настроенные жители не обращали ни малейшего внимания на шедший им навстречу автомобиль. В воздухе стояли крики, шум, восклицания торопящихся двигаться, как можно быстрее. Попадались и отдельные пешие люди с узелками за плечами. Оказалось, что поток беженцев движется еще с ночи, направляясь частью в Ок-д, частью на ближайшую станцию железной дороги.

Усилив возможно скорость, Шнейдерс и Брукс миновали бегущих. Впереди расстилалась пустынная даль, позади скрывались в облаках пыли окрестные беженцы.

12.

Брукс и Шнейдерс удирают на гоночном автомобиле от взбешенного стада мамонтов.

Оба профессора обменивались односложными замечаниями. Неожиданно небо затянулось густой пеленой облаков, закрывших солнце. Подул ветер, в воздухе стала чувствоваться приближающаяся гроза. Показались мрачные, черные тучи, послышались раскаты грома первой весенней грозы и хлынул сильный ливень.

Остановив автомобиль, Шнейдерс поднял брезентовый верх. Однако новые потоки дождя при ветре забрасывали

капли воды за воротники, затуманивали стекла впереди, а вскоре шоссе обратилось в месиво грязи.

Из-за дождевой завесы вынырнул встречный кабриолет. Все время погоня и без того взмысленных лошадей, на передке сидел пастор Л. из местечка Т. Узнав знакомого ему профессора Брукса, он приостановил экипаж и, отчаянно махая руками, крикнул, чтобы они возвращались назад. Огромный, исполинский гигант, вышедший из самого ада... сейчас там, в местечке Т. Не дождавшись ответа, пастор принялся бешено нахлестывать лошадей и скрылся, подпрыгивая и покачиваясь на неровностях размокшей дороги.

Брукс, приблизив губы к уху Шнейдерса, крикнул только: «вперед!..»

Наконец они достигли местечка Т., отмеченного корреспондентом «Нашей Газеты».

Они въехали на одну из трех улиц. Оставив машину, они думали порасспросить сначала у местных крестьян, но первый дом, как и следующие, оказался пуст. Жители, по-видимому, бросили все неожиданно, разбежавшись в разные стороны. Шнейдерс предложил переждать дождь и грозу в одном из домов. Однако, дождь и не думал переставать. Вода потоками стекала с обоих коллег. Брукс, не задумываясь, растопил камин приготовленным, наверное, как раз для топки углем. Веселый огонек загорелся, бросая тепло. Сняв верхнюю одежду, они подсели к огню. Вскипятив кофе, они позавтракали брошенным на столе сыром, ветчиной, маслом и хлебом.

Оригинальность обстановки расположила их к беседе.

— Что вы теперь думаете обо всем этом? — первым задал вопрос Шнейдерс.

— То же, что и раньше. Я более чем уверен, что это не что иное, как массовая галлюцинация. История знает такие вещи, вроде морских змеев, драконов...

Страшный треск в соседнем доме не дал ему закончить фразы. Глазам выскочивших на улицу профессоров представилась казавшаяся из-за дождя еще большей туша мамонта (*Elephas primigenius*). Животное в бешеной злобе разносило постройку. Маленькие черные глазки злобно по-

блескивали. Огромные веерообразные уши нервно вздрагивали. Стоя на своих бревнообразных ногах, покрытый длинными космами шерсти, спадающими до земли, с загибающимися саженными клыками, он с урчанием хоботом разбрасывал крышу дома... Вслед за ним из-за покрова дождя вынырнули еще две исполинские фигуры.

Даже Шнейдерс не ожидал этого. Оба продолжали сидеть, широко расставив ноги и раскрыв рты. Они не верили своим глазам.

Неожиданно профессор Брукс снял свои очки, для чего-то положил их в карман и направился к мамонтам.

Первым опомнился профессор Шнейдерс.

— Вы с ума сошли?!..

— Нет, я хочу его потрогать — это галлюцинация!

Между тем животное заметило их. Удивительная фигура вся в черном, с головой, оканчивающейся черной трубой, блестящей от дождя, видимо, озадачила даже мамонта.

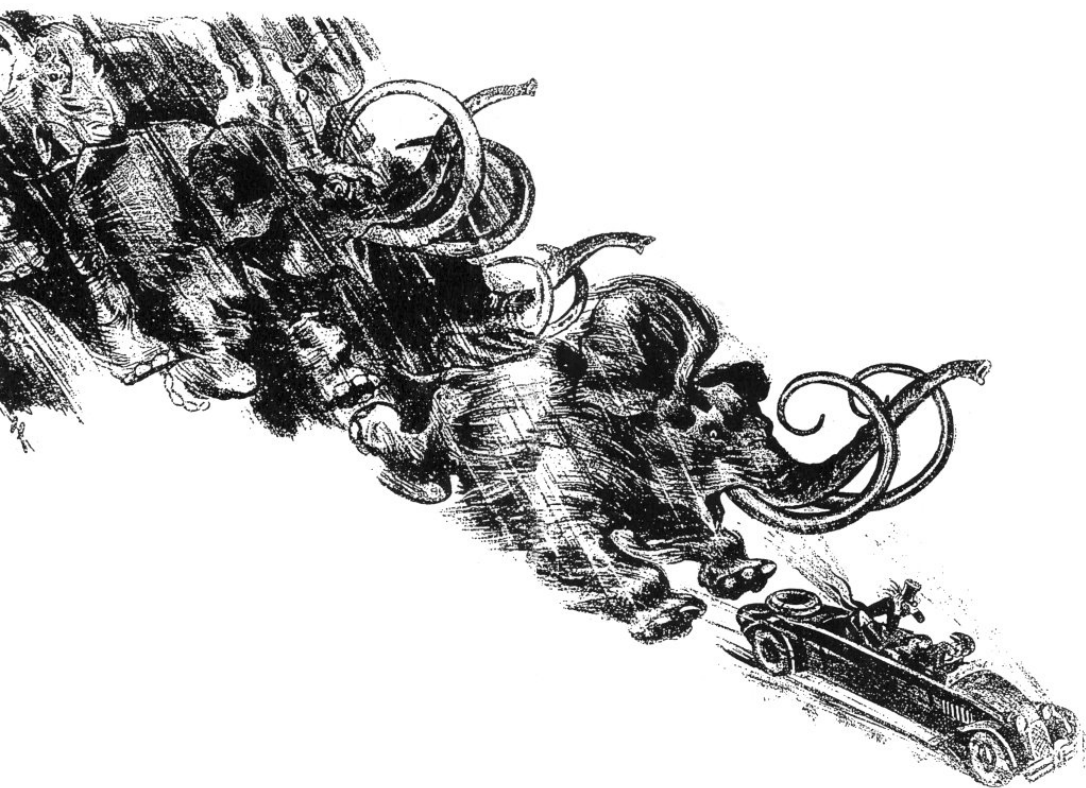
Но это продолжалось недолго. Момент, — и, подняв хобот, он затрубил и бросился на нового противника.

Отличавшийся силой Шнейдерс схватил поперек тела брыкающегося профессора и юркнул с ним обратно под крышу, выбежав с другой стороны. Момент... и грохот разрушаемого дома показал им, что они вовремя выбежали из него.

Втиснув Брукса в автомобиль, Шнейдерс быстро завел машину и, вскочив сам, с большой скоростью пустил ее.

Мамонт, видя, что противники его уходят столь странным образом, огласил окрестность паровозообразным ревом и, подняв хобот вверх, загалопировал за автомобилем. Вскоре за ним оказалось целое стадо.

Картина была удивительная. Грозное мрачное небо, непрерывные вспышки молнии и раскаты грома, окрестность в пелене дождя, мчащаяся со скоростью шестидесяти миль в час гоночная машина, управляемая Шнейдерсом, сзади сидящий и держащий обеими руками свой цилиндр Брукс во фраке... И вслед за автомобилем, вереницей, тринадцать туш доисторических мамонтов, мчащихся, как экспресс.

Шнейдерс перепутал дорогу, и автомобиль несся в противоположную сторону... За завесой ливня разобрать направление было трудно. То и дело автомобиль подбрасывало на крутых поворотах, уклонах. Впереди показался шлагбаум, к счастью открытый. Железнодорожный сторож, вышедший на шум, в ужасе захлопнул дверь будки, когда перед ним, как в сказке из 1001 ночи, промчался бешено несущийся автомобиль, а вслед за ним тринадцать один за другим галопирующих фантастических чудовищ...

Вдруг дождь перестал, как и сразу начался. Ветер расчистил небо и солнце осветило окружающую местность.

Вдалеке, на противоположной стороне, виднелся Ок-д. Неизвестно почему, издав трубные звуки, мамонты неожиданно остановились. Возможно, что непривычный вид города испугал их. И так же быстро, как они мчались за автомобилем, они скрылась обратно вдали, уходя от города.

13.

Тревожное положение.

На следующее утро Брукс встал с сильной головной болью, в подавленном, тяжелом настроении. После испытанного приключения он был потрясен гибелью своей веры в непоколебимость всего здания науки, ради которой он жил, которой отдал всю свою жизнь, труд, силы.

Все в городе уже знали о происшедшем с ними, но уже было не до сенсаций. На улицах, площадях расположились сотни беженцев, — крестьян, фермеров. Две гостиницы давно уже были переполнены до отказа, как и все свободные комнаты. А беженцы все прибывали.

На улицах горели костры, расположились телеги со скарбом, пожитками, домашней утварью, которую сумели или успели захватить.

Опасность могла угрожать и самому городу, и члены городского совета экстренно обсуждали меры безопасности

от нападения диких зверей. Должны были быть созданы добровольческие вооруженные дружины.

К экономке Джеральдс зашла ее возмущенная соседка Стоу.

— Я не понимаю, что думает синдик города и начальник полиции, допуская вывешивать такие глупые воззвания. Неужели мой муж должен брать ружье, чтобы стрелять в каких-то пришедших из прошлого чудовищ?!.. К чему у нас английские законы? Для чего же стоит на углу полисмен?.. Во всяком случае, моя милая мисс Джеральдс, я не должна пускать своего мужа и заранее дала полисмену на чай и сказала, чтобы в случае чего он при первой же опасности спешил к нам!..

Между тем часть жителей, главным образом студентов и прибывших фермеров, вооружилась имеющимся оружием и чем попало. По улицам и на заставах города установили вооруженные пикеты. Окраинные дома забаррикадировались, вокруг города рыли насыпь со рвом, усеянным острыми кольями. На улицах, идущих от застав, сооружались баррикады.

Мистер Брукс остановился на улице, беседуя с синдиком города, когда к ним подошел вспотевший от ходьбы, с смятой шапкой толстяк, местный начальник полиции.

— Вот смотрите! — и он, весь красный от злости, показал им скомканное в руке письмо. — Смотрите, хорош ответ, как вам нравится! — и, непрестанно откашливаясь и останавливаясь, он принялся читать:

«Уважаемый, дражайший тесть, благодарите всевышнего, что ваша телеграмма не попала по своему назначению, в руки шефа, иначе бы вам не пришлось более пребывать на вашем посту начальника полиции города Ок-да.

На ваше счастье, я как раз дежурил по управлению, когда была доставлена эта злосчастная телеграмма с ее удивительным сообщением. Советую вам впредь быть более воздержанным в употреблении крепких напитков и более внимательным к исполнению своих обязанностей. А самое нужное, что можно вам посоветовать, это хорошенько проспать после изрядной, надо полагать, выпивки (это все меж-

ду нами). Жалею, что сам не мог участвовать и кутнуть вместе с вами! Ваша телеграмма была мною прочитана и разогнала надолго сон во время дежурства. Я сам лично видел не раз зеленых чертей, но до пещерных медведей и мамонтов еще не дошел! То же самое и наш здешний лихой парень парень по части выпивки, Джон Брант...

Телеграмму, конечно, уничтожил. Остаюсь и впредь вашим любящим другом. Ваш зять».

И, пустив по адресу любящего друга проклятие, начальник полиции удалился на телеграф, где дал одну за другой две телеграммы с просьбой об экстренной помощи.

14.

Первобытный человек на улицах города Ок-да и...

В ответ на новую телеграмму начальника полиции в Лондон, сначала последовал ответ, состоящий из ряда междометий, выражающих степень удивления и вопросы, затем второй: «Получили, шлем войска с артиллерией. Лондонское центральное управление полицией Великобритании».

Однако с ближайшим поездом (город находится в стороне от железной дороги) явилась лишь армия репортеров и фотографов центральной прессы. Ок-д стал центром внимания мира.

В это время на окраине города стояли двое известных уже нам — зоолог Римм и председатель «О-ва любителей охоты», подружившееся со времени приключения с пещерным медведем.

Неожиданно взгляд Дэвиса-Дохерти заметил на горизонте странные движущиеся точки. Фигуры стали ближе и, наконец, можно было рассмотреть ужасную картину. Двигаясь частью бегом, частью скачками, приседая, опускаясь иногда на руки, — полупокрытые мелкой шерстью мужчины, вооруженные дубинами, каменными топорами, женщины, навьюченные пожитками, с грудными детьми за спи-

ной, со спадающими космами волосами, одетые в звериные шкуры, сопровождаемые детьми, бегущими за ними — племя первобытных людей — быстро приближалось к ним.

По-видимому, неизвестная опасность угрожала им и заставляла их торопиться. Отдельные люди приостанавливались и оглядывались, оглашая воздух дикими криками, затем все вновь спешили вперед.

Зоолог и председатель «О-ва любителей охоты» с трепетом волнения рассматривали пришельцев из далекого прошлого.

— Я полагаю, они относятся к типу, стоящему промежуточно между так называемым Тринильским *Pithecanthropus erectus*, т. е. прямо стоящим обезьяно-человеком и Неандертальским ледниковым человеком, — заметил Римм.

Между тем первобытные люди были совсем близко, приближаясь с угрожающими криками.

Дэвис-Дохерти взял на прицел винтовку, намереваясь уложить первых из них.

— Не стреляйте, ведь это же человек!.. — и подтолкнутый рукой зоолога выстрел прозвучал мимо.

— Ну, тогда удирайте! — и председатель, а вслед за ним зоолог пустились наутек...

Первобытные люди, пораженные громом, сначала остановились, но видя, что это не приносит вреда, устремились вперед.

Дом профессора Брукса расположен был почти на окраине. Мистер Брукс готовился как раз приняться за обед, когда внизу, в дверь, раздался сильный удар. Недовольный, что его отрывают от еды, профессор попросил мисс Джеральдс отпереть дверь. Но страшный треск разбиваемой двери заставил ее остаться у стола. И неожиданно пе-

ред Бруксом и его экономкой, во всем своем величии, полуприкрытый звериной шкурой, с дубиной в руке предстал первобытный человек.

Слова вместе с куском непроглоченной еды застряли в горле у профессора. Мисс Джеральдс, вся красная, закрыв лицо руками, могла только сказать: «но он же почти совсем не одет!...»

А праотец праотцев человечества и славной английской расы поднял дубину и обрушил ее с радостным воем на голову профессора.

15.

...пробуждение мистера Брукса.

...Весь в холодном поту Брукс проснулся у себя на кровати. Лучи утреннего солнца освещали комнату. Перед ним стояла испуганная экономка, тщетно стараясь заставить профессора очнуться от сна.

С удивлением, медленно приходя в себя, профессор оглянулся вокруг. Среди разбросанных подушек, опрокинутого столика, на полу валялся смятый выпуск вчерашней вечерней газеты, помеченной 31-го марта, с заметкой: «О необычайных событиях на ферме мистрис Хоу».

Привстав, Брукс стал медленно одеваться. В памяти еще вставали сцены пережитого сновидения. В поданной ему мисс Джеральдс утренней «Нашей Газете» красовалось:

«Поздравляем наших читателей с п е р в ы м а п р е л е м, и просим извинения за помещенную вчера вечером шутливую заметку об удивительном выпадении птиц и появлении чудовищ на ферме мистрис Хоу».

Морис Ренар

ПЕЩЕРА ЧУДОВИЩ

Рисунки худ. В. Силкина

Приступая к своему повествованию, я прежде всего заявляю, что не намерен писать научного исследования. Я не ученый, а простой служащий торгового дома Браун и К°, торгующего швейными машинами на Севастопольском бульваре. Заявляю это во избежание недоразумений. Я не хочу, чтобы ученые увидели в моих скромных заметках неуместные претензии, а люди рядовые приняли бы их за научный труд, недоступный их пониманию. Я случайно сделался свидетелем изложенных здесь событий и рассказываю их, как умею.

I.

Неожиданное приглашение

25 марта 19.. года утром, одеваясь в своей холостой квартире, помещавшейся над магазином, я думал о том, как мне сообщить неожиданную новость моему хозяину, Брауну, помещавшемуся рядом со мной, в соседней комнате.

— М-сье Браун, — сказал я, входя в его комнату, — я приглашен одним из моих друзей провести у него летние каникулы. — С этими словами я протянул ему полученное утром письмо, в котором стояло:

«Дорогой друг!

Отвечая на мое декабрьское письмо, вы признались мне в своем пристрастии к сельской жизни. Почему бы вам не приехать ко мне в «Вязы»? Рассчитываю на вас и не приму отказа. Разумеется, я жду вас на весь сезон, если можете. Погода будет прекрасная. Приезжайте теперь же. Я вас жду. До скорого свидания.

Ваш Р. Гамбертен».

Прочитав письмо, Браун с усмешкой посмотрел на меня.

— Кто этот Гамбертен? — спросил он.

— Друг детства. Мы потеряли друг друга из вида по выходе из колледжа. Он был богат и много путешествовал, а теперь разорился и живет в своем имении. Что он там делает, я не знаю. По всей вероятности, ничего. Он приглашает меня, конечно, для того, чтобы не быть одиноким...

— Идите укладываться, Дюпон. Я счастлив, что могу доставить вам удовольствие. Вы, конечно, имеете право на шесть месяцев отпуска, — за вами двадцать лет службы. Поезжайте сегодня же.

Я пытался отказаться, но Браун не захотел меня слушать. Дело в том, что мне вовсе уж не так хотелось ехать. Внезапная свобода заставила меня почувствовать какую-то пустоту. На пороге своего полугодового отпуска я чувствовал себя, как у порога пустыни. Но Браун решительно выпроводил меня за дверь, не слушая моих доводов.

Войдя к себе в комнату, я принялся шагать без смысла и цели по всем направлениям, пока ко мне не вошла мадам Гренье, присматривавшая за нашим хозяйством.

Ее появление заставило меня взять себя в руки.

— Мадам Гренье, — сказал я, — я уезжаю. Это вышло совершенно неожиданно. Завтра я сделаю кое-какие покупки, а во вторник — в дорогу. Если бы вы были настолько добры, что от времени до времени заглядывали бы в мою комнату...

— Хорошо, мосье. А куры?

Куры! Что мне делать с моими курами? У меня их было двадцать пять штук различных редких пород, — развлечение моей холостой жизни. И тем не менее я оставил их, как будто какой-то сильный магнит тянул меня в Вязы.

Во вторник я уже сидел в вагоне поезда, который вез меня к цели моего путешествия. Я чувствовал себя ошеломленным этим крушением своих долголетних привычек, как головастик, ставший вдруг лягушкой.

Чтобы скоротать время, я принялся читать номер журнала «Куроводство», где нашел интересные сведения о новом инкубаторе* так называемой египетской системы. Другого чтения у меня не было, — я забыл купить газеты, — и я не торопился и читал со вниманием. Я дочитал последнюю страницу журнала как раз, когда поезд остановился на станции, где мне нужно было пересест в другой.

Вечером я достиг цели своего путешествия. Поезд остановился на совершенно пустынной станции. Старик-крестьянин, говоривший на местном наречии, подхватил мой чемодан и усадил меня в расшатанную, запыленную бричку — настоящую музейную редкость. Старая лошадь дремала в оглоблях.

— Но, Шоран! — крикнул на нее старик.

Мы тронулись. Погруженная в сумерки земля не встретила меня с тем весенним ликованием, которого я ожидал. Было тепло, были цветы, но унылая цепь серых гор, видневшаяся на горизонте, омрачала пейзаж.

— Но, Шоран!

«Странное имя, — подумал я, — вероятно, это местная кличка».

Между тем, после двадцати лет безвыездного пребывания в Париже и десяти часов вагонной тряски, окружающая тишина сильно действовала на меня, охватывая душу блаженным ощущением покоя.

— Но, но, Шоран!

* Инкубатор — аппарат для искусственного выведения цыплят из яиц (Здесь и далее прим. из оригинального русского изд.).

— Что значит это имя?—спросил я старика.

— Что значит «Шоран»? Неужели вы этого не знаете у себя в Париже?

И он весело рассмеялся.

Прислушиваясь к его произношению, я пришел, наконец, к выводу, что слово это нужно было произносить «Сорьен», т. е. «Ящерица».

Я не мог долго говорить с моим возницей. Его ужасное наречие утомило меня. Я узнал, что он служил в Вязах садовником и кучером и что его звали Фомой Дидим.

Было уже темно, когда мы, выехав из леса, внезапно очутились перед белым фасадом большого дома.

Мы с Гамбертенom пристально смотрели друг на друга.

Этот сухопарый пятидесятилетний человек, лысый и желтый, — неужели это Гамбертен?

Гамбертен, со своей стороны, делал, по-видимому, подобные же наблюдения. Но это длилось всего секунду. Когда мы пожали друг другу руки, то стали прежними друзьями.

После обеда Гамбертен повел меня в библиотеку, наполненную редкостями, вывезенными им из разных стран. Там он в беглых чертах рассказал о своей богатой приключениями жизни.

— Да, вот скоро шесть лет, как я вернулся, — говорил он. — Я нашел свой старый дом сильно одряхлевшим, но теперь мне уже не на что исправлять его. Земля тоже была запущена. Арендатор умер. Теперь я сдал землю крестьянам.

— Мне кажется, — перебил я его, — что вам доставило бы огромное удовольствие самому обрабатывать ее. Это было бы хорошим развлечением для вас в этом одиночестве...

— О, у меня нет недостатка в занятиях, — сказал Гамбертен с жаром. — У меня их больше, чем нужно, до конца моей жизни... Если бы я мог предвидеть... — Он не договорил и принялся нервно шагать по комнате.

Я бросил взгляд на книжный шкаф, где вместе со старыми книгами стояли целые ряды новых. На стенах висели географические карты.

— Вы увлеклись наукой?

— Да. Удивительная наука... Захватывающая... Я знаю, вы сейчас думаете о том, что в детстве я не отличался любознательностью. Так знайте, что я теперь стал любознателен. Проскитаться столько лет, не зная отдыха, вопрошать все места планеты, чтобы найти, наконец, цель жизни у себя дома и найти ее в момент ухода из жизни, став стариком и разорившись совершенно!.. И подумать только, что целые поколения Гамбертенов прошли, насвистывая, с арбалетом* или ружьем на плече, мимо этих сокровищ. Дорогой мой, я копаю, копаю лихорадочно...

И, вдруг остановившись, он торжественно произнес:

— Я занимаюсь палеонтологией.

Но выражение моего лица не отразило при этих словах того восторга, на который он рассчитывал, и он внезапно умолк. Забытое мудреное слово почти ничего не сказало моему уму, и я только из вежливости ответил:

— А, черт возьми!

— Вот как это вышло, — начал он опять. — Я вам расскажу все, если это вас интересует. Однажды я шел и споткнулся о какой-то камень. Так, по крайней мере, я предполагал тогда. Я остановился и стал вырывать его из земли. Это оказалась кость, друг мой, череп животного, допотопного животного... Этих окаменелых костей там оказался целый слой. Вырыть их, вычистить, изучить — отныне это моя задача.

Скажу откровенно, восторг Гамбертена не заразил меня. Я всегда считал чудачеством страсть раскапывать всякую пададь среди благоуханного великолепия матери-природы. К тому же я устал после долгого путешествия, и сон одолевал меня.

Видя все это, Гамбертен провел меня в приготовленную для меня комнату во втором этаже.

— Я люблю жить повыше, — сказал он. — Тут лучше дышется и шире вид. Моя комната недалеко. Я не поместил вас рядом, чтобы не мешать вам спать. Я встаю очень рано.

* Арбалет — старинный французский самострел.

II.

Я становлюсь палеонтологом

Солнечный луч, проникший через окно, не прикрытое ставнем, разбудил меня. Я бросился к свету и широко раскрыл свое окно навстречу заре.

Дом был окружен лесом из платанов и вязов и находился в четырехстах метрах от опушки. Прямо перед ним вырубленные деревья открывали широкую покатую просеку, которая, постепенно расширяясь, переходила в луга. Налево, под косогором, виднелись красные крыши бедной деревушки, а дальше, насколько хватал глаз, расстилалась нежно-зеленая равнина. Вдали горы поднимали свои обнаженные склоны.

Гамбертен уже вышел. Дверь его комнаты стояла полуоткрытая.

Дом казался необитаемым. Я встретил только старую ворчливую служанку, мадам Дидим, и узнал от нее, что «мосье работает». Я отправился гулять.

Здание было похоже на полуразвалившиеся казармы. В трещинах камней росла трава. Позади строений я увидел остатки аллей, и по изяществу рисунка дорожек и группам деревьев я мог представить себе былое великолепие парка.

По бокам дома, фасадом к лесу, стояли два длинных здания, по-видимому, амбары. Одно из них было до половины надстроено, наверху были окна, а прежние окна нижнего этажа заложены камнями. Другое здание примыкало к постройкам разоренной фермы. Стены всех этих зданий плотно обросли лишайником. Посреди двора находился бассейн с зеленой стоячей водой.

Кругом царил невозмутимая тишина. Только в конюшне, построенной на тридцать лошадей, гулко отдавались шаги одинокого Сорьена, ходившего дозором, точно призрак былого.

Я прошелся по лесу, который оказался не так густ, как я думал, глядя на него издали. Там и сям виднелись остатки

разрушенной ограды. Чем-то печальным веяло от этих остатков прежнего великолепия. Я вышел в поле.

Там все было полно жизни, везде кипела работа. Вместе со свежим ветерком до моего слуха доносился стук накопальни, пение крестьян, мычание коров. Луга кишели маленькими светлыми пятнышками, — это бродили стада прожорливых свиней.

Я гулял, пока не услышал рычания Фомы, приглашавшего меня вернуться.

Мы направились вместе к запущенной постройке, над главным входом в которую, среди полустертых украшений, можно было разобрать слово: «Оранжерея».

Оранжерея оказалась музеем. Здание освещалось через крышу. Вся левая сторона его, с одного конца до другого и от пола до стропил, была занята гигантским скелетом невероятного вида. Вдоль другой стены тянулся ряд других костяков, четвероногих и двуногих, не таких огромных, но таких же нелепых. В стены были вмазаны обломки камней неправильной формы с отпечатками каких-то странных растений. Всюду валялись выбеленные и занумерованные кости.

Гамбертен в рабочей блузе стоял, прислонившись спиной к станку, как мне показалось, слесарному.

Я смотрел на него с любопытством.

— Объясните-ка мне все это, — сказал я, наконец. — Вот этот, например... Его позвоночник мог бы служить шпиром для собора. Что это такое?

— Это, — с торжеством ответил Гамбертен, — это атлантозавр.

— Но сколько же в нем длины?

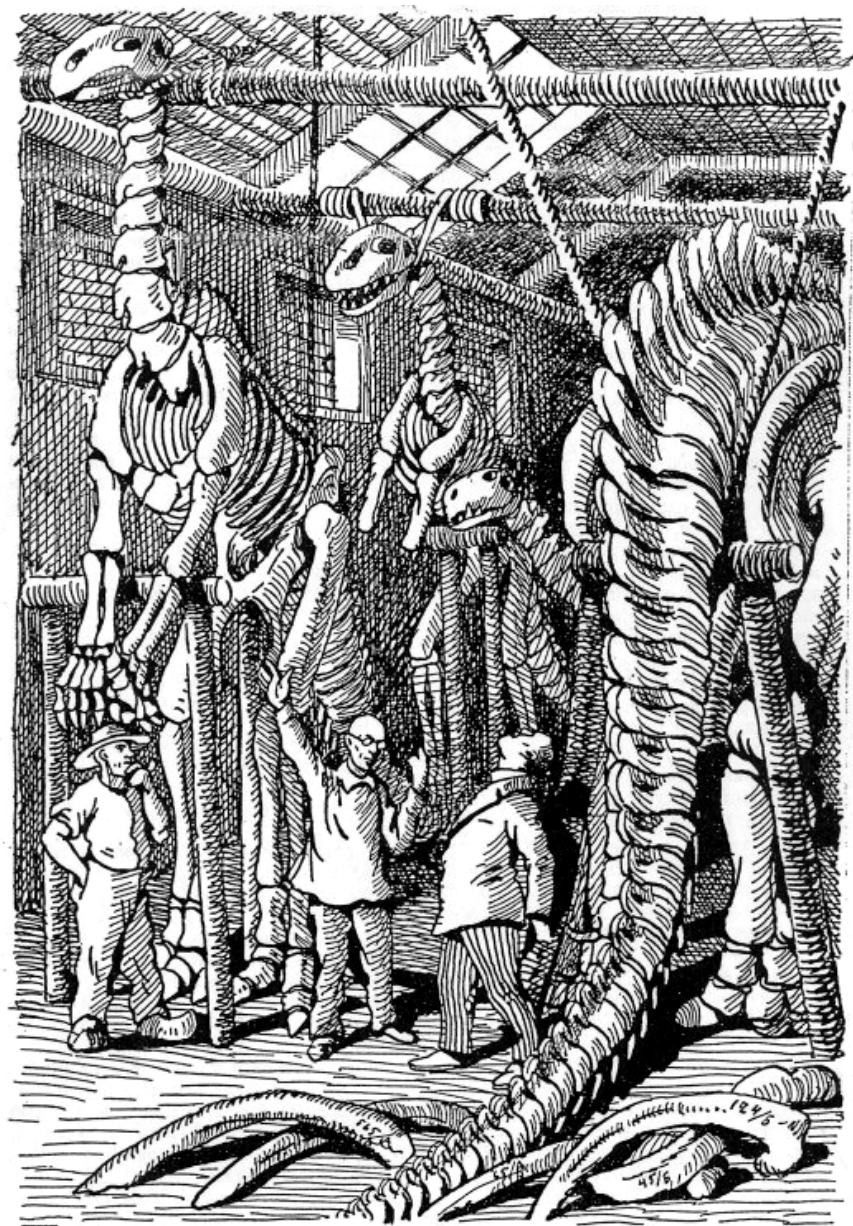
— Тридцать метров двадцать два сантиметра. Мои предки хорошо сделали, построив эту длинную оранжерею, а еще лучше сделали фермеры, надстроив ее для сеновала..

— А это что, вот этот, с маленькой головкой?

— Бронтозавр. А рядом — гипсилофодон.

Я был подавлен. Названия внушали мне почтение.

— Вот два аллозавра, вот мегалозавр, но сборка его еще не закончена. Нет передних лап.

— А это тоже мегалозавр? — спросил я, не подумав.

— Да нет же, это игуанодон. Если бы черепа не были так высоко, вы увидели бы, какая громадная между ними разница.

— Неужели вы сами восстанавливаете этих животных? — удивился я.

— Да, мы с садовником. Если у вас сердце лежит к этому занятию...

— Ну, конечно, — воскликнул я в восторге. — Я непременно буду помогать вам. Это очень интересно.

— Не правда ли! Я так и думал, что вы этим кончите. И вы увидите, мы с вами переживем множество интересных моментов, воссоздавая жизнь первых веков мироздания. Но сегодня вы пришли слишком поздно. Мы идем завтракать.

С этой минуты я отдал себя во власть приподнятого возбуждения, которое продолжалось до самого моего отъезда. Я заболел лихорадкой исследования.

После завтрака мы с Гамбертеном отправились гулять. Широким жестом указав на равнину, он сказал:

— Было время, когда вся эта страна была дном первобытного океана. Тогда Центральное плоскогорье поднималось из недр его в виде острова. Постепенно вода ушла, и остались болота. С тех пор равнина существенно не изменялась. На ней лишь медленно скапливались отложения органической жизни. Оглянитесь. Берег океана, тогда еще почти всемирного, проходил вдоль этих лесов, но не со стороны Вязов, а у подножья горы.

— Она имеет печальный вид и похожа на лунную гору, — заметил я.

— Она была лучезарна и выбрасывала огонь, — это потухший вулкан. Он возник в ту эпоху, когда равнина была болотом. Он возник среди древних сланцевых пород; его возвышенное положение предохранило его от действия вод, пришедших после тех, которые его образовали.

Извержение увеличило его высоту, выбросив на поверхность массу лавы, которая покрыла часть сланцевых пород.

Эти сероватые вершины покрыты лавой. Они всюду окружены сланцевой породой, и не соприкасаются с дном исчезнувшего моря; только здесь, на узкой полоске, обе породы встречаются; это очень редкое сближение вулканических пород с юрскими пластами. Это произошло благодаря обвалу остывших глыб после извержения. У меня есть веские основания утверждать это: эти кратеры, такие близкие с виду, на самом деле слишком удалены, чтобы добросить свою лаву до края болота, и вы увидите, что та порода, о которой мы говорим, очутилась здесь в форме обломков скал, а не в виде расплавленной массы.

— А животные? — спросил я.

— Подождите. Мы дойдем и до них. Вы, наверное, знаете, что земная кора состоит из девятнадцати слоев, не считая подразделений.

Вы видели на примере сланцев, что поднятие почвенных пород каждой эпохи оставляет иногда часть современной почвы на возвышенных местах, которые спасают ее от уничтожения. Иногда, наоборот, наводнения падают ту или иную область. Весь юго-запад Франции был когда-то под водою, за исключением пространства, занятого Вязами. Но вам легче будет уяснить это себе по моим геологическим картам. Итак, земная кора состоит из девятнадцати слоев, из которых каждый представляет эру.

Но не все эти слои содержат ископаемые; те из них, которые не знали жизни, не могли и сохранить ее в своих недрах. Жизнь появляется лишь в четвертом слое от центрального огня, т. е. во втором слое водного происхождения. Два первых слоя, — сыны не воды, а огня, состоявшие из лавы и гранита, — и третий, отложенный кипевшей водой, не соответствовали требованиям жизни. И вы не нашли бы никаких следов так называемых допотопных животных ни в этих горах лавы, ни в их непосредственной близости. Но здесь, — и Гамбертен топнул ногой по земле, — какая фауна и какая флора!

— И все ваши ископаемые принадлежат к одной и той же эпохе?

— Да, они жили во вторичную эпоху; земные слои, располагаясь по три, разделяются на биологические эпохи: первобытную, первичную, вторичную и т. д.

Он рассказал мне историю земли, сначала туманности, оторвавшейся от солнца, затем раскаленного ядра, которое стало постепенно отвердевать. Ядро окружено парами, которые падают в виде дождя, чтобы вновь подняться вверх, в виде пара. Ядро остывает, покрывается водой; возникают континенты с страшной болотистой поверхностью; земля содрогается; наконец, в недрах теплых морей зарождается жизнь.

Жизнь развивается, начинаясь ничтожным бесформенным, студенистым веществом; она завершается человеком, пройдя через водоросли, растения, моллюсков, рыб, пресмыкающихся, млекопитающих...

— А где же находится место ваших раскопок? — спросил я Гамбертена.

— Довольно далеко отсюда, по ту сторону леса, на берегу древнего моря, в месте соединения лавы и юрских формаций. Там я споткнулся о кость, которая мне все открыла. Можно было бы начать раскопки и в других местах и, может быть, удалось бы найти гигантских пресмыкающихся. Но я ищу, главным образом, динозавров, вы потом поймете, почему. Эти животные, название которых означает «страшные» или «ужасные» ящерицы, лишь наполовину приспособлены были к плаванию. Они водились почти исключительно на берегах вод и у болот, где они рылись в грязи в поисках морских трав и рыб. Вода в то время оставалась элементом, дающим и поддерживающим жизнь, но уже появлялись существа, которые не постоянно плавали в ней, а ступали ногами, лишенными перепонки, по твердой земле.

Мы в это время дошли до оранжереи, и Гамбертен распахнул ее дверь.

Я рассматривал чудовищ с видом знающего человека, но моя гордость мгновенно растаяла от восклицания Гамбертена.

— Но сколько еще неизвестного во всем этом! Известны только кости. А какое тело было у них, какие мускулы, какие внутренние органы? Все это мы можем только предполагать.

III.

В пещере чудовищ

В начале второй недели моего пребывания в Вязах наш маленький караван, состоявший, кроме нас с Гамбертенем, из Фомы и четырех дюжих парней да Сорьена, тащившего телегу, с зарей тронулся в путь, через лес, по направлению к месту раскопок.

Мы двигались не спеша. Был еще только апрель, а жара стояла тропическая.

Я приближался к унылой горе не без страха. Мне казалось даже, что и в лесу, несмотря на его весенний наряд, было что-то зловещее. Чего-то не хватало, присущего весенней картине, но чего — я не мог определить.

Наконец, я понял. В лесу не слышно было щебетанья птиц. Я сообщил о своем наблюдении Гамбертену.

— Так всегда бывает в вулканических областях, — ответил он мне. — Животные боятся сейсмических волнений и угадывают места, где они возможны.

Дорога шла в гору и вскоре вывела нас на лужайку, которая впереди была ограничена отвесными скалами, помешавшими дальнейшему наступлению леса. В скале зияла пещера, как ужасная разинутая пасть. Огромные глыбы, несшиеся когда-то страшной лавиной, опередив другие, усеивали теперь лужайку.

Мы вошли в пещеру с зажженными факелами, все, не исключая и Сорьена с телегой.

— Обратите внимание, — сказал мне Гамбертен, — что наклон почвы все время продолжается. Мы все еще идем по дну древнего моря, очень слабо повышающегося к берегу.

Скалы, нагромождаясь друг на друга, оставляли между собой случайные пустоты, — мы сейчас двигаемся по одной из них.

Наконец, мы достигли громадной круглой залы, дно которой было все изрыто; черневшие по бокам отверстия свидетельствовали о наличии дальнейших разветвлений пещеры.

— Однако, ваш грот не отличается прохладой, — сказал я, вытирая пот со лба.

— Еще бы. Ведь мы двигаемся по направлению к ходу закрытого кратера. Прохлады здесь не может быть...

— Гамбертен! Неужели вы говорите правду?

— Разумеется. Но бояться вам нечего. До кратера целых пятнадцать километров.

Гамбертен принялся было за свои объяснения, но я перебил его.

— Тише. Я слышу журчание ручья...

— Ну, так что же. Я знаю. А откуда же, по вашему, текут ручьи? Ну, полно вам дурачиться. Пора за работу.

Я с радостью схватился за кирку и принялся действовать ею, как умел, чтобы заглушить тревожное чувство, не покидавшее меня с тех пор, как мы очутились в молчаливом лесу, и усиливавшееся от сознания, что я не сумел бы найти выход из этой мрачной пещеры чудовищ.

— Смотрите сюда, — сказал мне Гамбертен. — Вот эта кость, часть которой еще погружена в землю, служит признаком присутствия большого скелета. Я уже вижу целое ребро. Мы определим пространство, которое он занимает, а затем разделим всю глыбу на части, занумеруем их и будем переносить на телегу. А дома я буду восстанавливать из этих частей целое. После этого нам останется только скоблить покров и обнажить хрупкий костяк. Чтобы кости не рассыпались в прах, мы покроем их спермацетом.

Не прерывая лекции, Гамбертен копал с усердием крота. При свете факелов его силуэт напоминал гнома.

И вдруг он радостно воскликнул.

— Что такое? — спросил я.

— Это, вероятно, вы принесли мне счастье. Перед нами птеродактиль порядочных размеров. А я так боялся, что это опять игуанодон. Их тут целое стадо. Они, вероятно, спасались от наводнения и увязли в болоте.

— Хорошо, — согласился я, — пусть это будет птеродактиль, — но скажите, что это за скотина?

— Я вижу по вашему тону, что вы уже успокоились. Это очень хорошо. Не стыдитесь. Я тоже прошел через это. А что касается птеродактиля, так это первое летающее существо, воздушная ящерица, конец игуанодона и начало летучей мыши.

Мы ходили в пещеру чудовищ каждый день в течение целого месяца, приблизительно до двенадцатого мая. После этого нам пришлось прекратить работу из-за палящей жары, когда воздух был горяч даже ночью. Ежедневные путешествия в пещеру становились слишком утомительными. Температура в пещере тоже поднималась изо дня в день, а

сырость все увеличивалась. Гамбертен объяснял это вспышкой гнева старого вулкана.

В один из последних дней работы я отправился с факелом из круглой залы в одно из черневших в ее стене отверстий. И вдруг удар грома заставил меня вернуться. Я даже обрадовался этому предлогу, потому что, не скрою, в узком коридоре мне было жутко.

— Слышали вы грозу? — спросил я.

Послышался новый продолжительный раскат, заставивший крестьян радостно засмеяться в надежде, что пришел конец разорявшей их засухе.

Мы побросали работу и выбежали освежиться на дождь. Но никакого дождя не было, и на голубом небе не видно было ни одного облачка.

Новый, едва слышный раскат грома послышался из отверстия пещеры, и мне вдруг показалось, что у меня под ногами точно прошла волна. Я даже покачнулся. Остальные, как по команде, произвели такое же нелепое телодвижение. Гамбертен остался спокоен.

— Землетрясение, — возвестил он.

Все четверо крестьян обратились в бегство.

Но сотрясение больше не повторялось.

Проработав еще неделю без наших четырех помощников, мы тоже покинули пещеру и принялись за сборку в оранжерее одного из чудовищ.

IV.

Таинственный ночной посетитель

Прошел целый месяц без каких-либо выдающихся событий. Жара все усиливалась и превратилась в настоящее бедствие. Все задыхалось. В полях, пыльных и растрескавшихся, прекратились работы, слишком изнурительные, да и бесполезные. Кто упорствовал, падал от солнечного уда-

ра. Были случаи безумия. Все искало тени. Стада свиней бежали в леса и рылись во мху.

Чудовище, скелет которого мы собирали, постепенно принимало свою форму. Но оранжерея, расположенная на солнце, так накалялась, что мы вскоре должны были прекратить свои занятия.

Мы читали с Гамбертеном статьи по палеонтологии, закрыв в библиотеке окна и опустив шторы. В самый разгар жары мы уходили на погреб и читали там при свете фонаря.

В сумерки наступала относительная прохлада, и мы спешили насладиться ею, так как после этого краткого перерыва жара опять свирепствовала всю ночь. Этим временем пользовались и животные. Во время небольших прогулок, которые мы совершали, мы встречали даже змей, выползавших, забыв всякую осторожность, на дорогу, в поисках воды.

Но это было еще не все. Поднялся знойный, все опустошавший сирокко. Крестьяне молились, ожидая конца мира. Фома продолжал поливать остатки парка. Несмотря на палящий зной, он ходил со своими лейками к крану, устроенному в оранжерее, и наполнял их все более скудно бжавшей водой.

Однажды утром Фома явился к Гамбертену и в отчаянии заявил, что появилась саранча и съела листву на некоторых деревьях. Горожанина всегда интересуют события сельской жизни. Я отправился взглянуть на беду, а Гамбертен предпочел остаться в холодке.

На попорченных деревьях от всей богатой листвы остались лишь небольшие пучки на самой верхушке. Оголенные ветви напоминали рыбы кости.

— Почему они не сожрали все, собаки, дьяволы, — бранился Фома.

Я вернулся к Гамбертену.

— Ну, что же? — спросил он.

— Что? Парк похож на сушильную печь...

— Да. Климат, которым мы сейчас наслаждаемся, принадлежит жаркому поясу, как во вторичной эпохе. Термо-

метр показывает 50°. В ту эпоху нынешняя температура экватора распространялась по всей поверхности земного шара без смены времени года...

Он увлекся. Я с величайшим наслаждением слушал его, и мы забыли о саранче.

А насекомые эти продолжали свое разрушительное дело, с безнадежной правильностью следуя какому-то странному методу.

В десять ночей десять платанов были лишены своих нижних листьев, но с каждым разом разрушение поднималось все выше, и одиннадцатое дерево, наконец, было съедено все.

Заинтересованный этим явлением, Гамбертен решился, наконец, перейти лужайку и осмотреть место действия.

Оказалось, что саранча, прилетевшая из Африки вместе с сирокко, сначала оставляла у листьев жилки, висевшие в виде пучков, а потом стала объедать и их. Это заинтересовало Гамбертена, и он решил исследовать явление ближайшей ночью.

Когда он предложил мне сесть с ним ночью в засаду, признаюсь, я этому не очень обрадовался. Вязы казались мне беспокойным местом, где дела не шли нормальным порядком, и я начал подумывать о возвращении в Париж. Я согласился только из вежливости.

— Бедные листочки, — сказал Гамбертен, — бедные листочки, которые не умеют защищаться.

В это время к нам подошел встревоженный Фома.

— Мосье. Цистерна на дворе пуста. Я хотел почерпнуть там воды, потому что в кране ее тоже нет. Но цистерна пуста, в ней нет ни капли воды. Ума не приложу, с чего бы это?

— От жары.

— Но на прошлой неделе она была полна до краев. Нет такого солнца, чтобы в одну неделю вычерпать до дна такую кадку. К тому же, она с полудня в тени.

— Может быть, это саранча, — попробовал я пошутить. Гамбертен пожал плечами.

— Я же вам говорю, что это от жары. — И он ушел домой.

Я пошел за ним, но ржание Сорьена привлекло меня к конюшне.

Я зашел туда, чтобы приласкать старую лошадь, и с удивлением увидел, что она вся в поту. Я высказал Фоме свои сомнения в том, что лошадь была чищена, но он с таинственным видом сообщил мне о том, что вот уже с неделю, как он застает лошадь по утрам в таком виде.

— С неделю! — воскликнул я. — Опять с неделю. Да что же здесь происходит, наконец, в эту злополучную неделю?

Суеверный страх наполнял мою душу. За это время в Вязах произошло несколько событий, не имевших, по-видимому, между собой никакой связи. Общего у них было только то, что все они были необъяснимы. Я вспомнил о саранче и решил непременно принять участие в ночной страже.

Обед прошел в молчании. Гамбертену так и не удалось вывести меня из моей озабоченности. Я ждал ночи, надеясь, что она принесет с собой разрешение загадки.

Когда мы кончали свой обед, отдаленный шум заставил меня напрячь слух. Гамбертен взглянул на меня.

Шум возобновился. Это был пронзительный скрип колес вагона, заторможенного на рельсах.

— Что это за шум? Откуда он? Разве сюда доносится шум поезда?

— Успокойтесь, милый мой. Может быть, действительно, ветер дует со станции... Свисток...

— Нет. Это не свисток.

— Ну, еще что-нибудь. Равнина полна звуков.

— Нет. Этот звук доносился со стороны гор. Я бы допустил, что это эхо поезда, но...

— Но — вы трус. Выпейте вина и помолчите.

Я так и сделал.

Три часа спустя лунная ночь застала нас спрятавшимися за кустами, недалеко от платанов, еще не тронутых саранчой.

Было жарко, как в печке. Мы не сводили глаз с неба, чтобы заметить появление саранчи. Звезды сияли.

Мы разговаривали шепотом. Гамбертен рассказал мне о дальнейших разрушениях жары. Пропало несколько сви-ней. Грозил неурожай и голод.

Несмотря на эти невеселые темы, мы медленно подда-вались очарованию ночи и звездного неба.

Вдруг треск в ветвях позади нас заставил нас вскочить на ноги, но наши ослепленные глаза, полные сияния звезд, не различали под деревьями ничего, кроме густой тьмы. Треск удалялся и, наконец, затих.

— Черт возьми, Дюпон. Ведите же себя прилично. Я слы-шу, как стучат ваши зубы. Виновник этого шума, вероятно, один из сбежавших поросят.

— Вы думаете?

— Ну, конечно. Кто же иначе это может быть?

— Да, к т о? Проклятый вопрос, который все время пов-торяется.

Мы замолчали и продолжали сторожить.

Я не мог оторвать глаз от звезд. Напряжение нервов до-ходило до галлюцинации. Я видел серебряную ночь, всю сиявшую черными точками. Когда рассвело, я был весь в поту, как... Сорьен.

Мы произвели исследование. Слегка помятые кусты не выдали нам своей тайны.

На следующую ночь мы поместились в коридоре у окна, через которое был виден сад. К несчастью, луна подни-малась из-за леса как раз против нас и мешала нам видеть стволы платанов, которые казались нам черными силуэ-тами на фоне неба. Таинственное существо выбрало имен-но это время, чтобы явиться, но не обнаружить себя впло-не. Сначала мы заметили, как закачалась верхушка одного из деревьев, и решили, что кто-то трясет его ствол. Мы убе-дились только в том, что платаны объедала не саранча.

Гамбертен размышлял, нахмутив лоб.

— А все-таки, — сказал я ему, — вчерашний шум поезда, помните?

— Ну, и что же?

— А что, если это был крик?

— Крик? Нет. Я слышал на своем веку много всяких криков. Однако, идемте спать. Я засыпаю на ногах.

Но Гамбертен не ложился. Я долго слышал его шаги, лежа и размышляя обо всем пережитом.

С рассветом я поспешил к платанам и тщательно их осмотрел.

Я нашел следующее:

Листва платана была объедена на этот раз начисто. Кора на стволах носила следы царапин на половине их высоты, на расстоянии выше метра от земли.

Какой вывод сделать из этого? Я уселся на опушке леса, под платаном, чтобы спокойно обсудить положение вещей. Один из нижних листьев платана привлек мое внимание, и я поспешно сорвал его. Он был липкий, смазанный чем-то вроде слюны, и носил на себе след чего-то, имевший вид римской пятерки с волнистыми линиями.

Этот отпечаток не был вполне незнаком мне. Но где я мог видеть его? Ага, помню. Гамбертен рисовал его на стене. Это был... Нет, невозможно.

Я отправился в оранжерею и сличил отпечаток с наброском Гамбертена. Сходство было полное. Несомненно, что кончик клюва, похожего на клюв игуанодона, держал этот лист в зубах.

Когда Гамбертен вошел в оранжерею, я, запинаясь, сообщил ему о своем открытии.

— Это безумие, — воскликнул он, — живой игуанодон. Но это недопустимо, — твердил Гамбертен.

Тем не менее по искрам, пробегавшим в его глазах, я видел, что этот маниак пламенно желал того, что он отрицал.

— Но каким образом могло это животное дожить до наших дней?

Я молчал.

— И почему жилки листьев раньше не были съедены, а теперь съедены? — продолжал он. — И на коре видны следы когтей. И эта слюна — слюна жвачного. Дюпон, мне кажется, что у меня ум за разум зашел. С этим проклятым солнцем все возможно. Необходимо поговорить с разумным человеком, и спросить его, не сошли ли мы с ума!

V.

Воскресшие чудовища*

«С разумным человеком», — сказал Гамбертен. Но на четыре мили кругом не было других разумных и образованных людей, кроме сельского учителя. К нему мы и решили отправиться. Он жил в соседней деревушке. Его звали мосье Ридель.

Однако, на другой день произошли совсем необычные события. Началось с того, что к вечеру пошел дождь, который прекратился только к утру. Оживилось все кругом: и природа, и звери, и люди. Но больше всех благословляли дождь мы с Гамбертеном, потому что он помог нам сделать важные открытия.

Стараясь не возбудить подозрений Фоми и его жены, мы с самым беспечным видом подошли к роще платанов. Наше внимание привлек один из платанов. Его ветви были лишены листьев до той же высоты от земли, а на коре ствола обозначались характерные царапины. Под деревом на сырой земле мы увидели отпечатки гигантских лап. Я с ужасом думал о грифе Синдбада-Мореполавателя** и предложил проследить, куда шли следы дальше.

Местами след терялся, как будто после прохода животного кто-то протащил по земле тяжелый мешок.

— Не след ли это хвоста? — сказал Гамбертен. — Он не должен быть глубоким; игуанодоны не ходили, опираясь на хвост, как кенгуру. Что за головоломка?

Случай пришел на помощь.

Сваленный ветром тополь наклонился и уперся своей верхушкой в дуб, образовав род свода. Животное прошло под этим сводом; и там, среди других следов, виднелся дваж-

* Русский автор, В. Г о н ч а р о в, в своем романе «В е к г и г а н т о в» (Изд. «Земля и Фабрика», стр. 368, цена 1 руб.), пользуется обратным приемом: переселяет наших современников — в доисторическую эпоху.

** Один из героев восточных сказок Шахерезады «Тысяча и одна ночь».

ды отпечатанный след плоской руки с большим пальцем, очень длинным и тонким. Принужденное наклониться, животное сделало два шага на четырех лапах.

Мы больше не сомневались. Ночным гостем был не кто иной, как игуанодон. Мы не произнесли ни слова, но уверенность, хотя и предвиденная, потрясла меня. Я сел от волнения прямо в грязь.

— Нельзя ли без этого, Дюпон,— сказал Гамбертен с досадой. — Мы теперь пойдем по следам чудовища до самой его берлоги.

Гнев вернул меня к сознанию.

— Что вы выдумываете! Вы хотите померяться силами с этим аллигатором, у которого по сабле на каждом большом пальце. И с какой целью? Ведь ясно, что эти следы направляются к горе и даже прямо к пещере чудовищ. Оно вышло из пещеры, ваше гнусное животное, оно вышло из вашей проклятой пещеры, слышите вы? А теперь вернемся домой — и живо. Я не желаю встречи.

Гамбертен, пораженный моим гневом, позволил увести себя без сопротивления.

Как ни ужасна была истина, я чувствовал себя более спокойным, когда тайна разъяснилась. Но что касается нетронутых макушек деревьев, признаюсь, я здесь ничего не понимал. Вдруг меня осенила мысль.

— Скажите, Гамбертен, это животное очень большое для своего вида?

— Нет. Судя по его следам, оно не больше скелета в оранжерее.

— Итак, — вывел я, — наш сосед... молод...

— Действительно... Черт возьми!

— Это объяснило бы оставленные лучки листьев на вершине деревьев. Оно было мало и не доставало до верху, а потом выросло.

— Это — решение, но оно противоречит гипотезе, которая возникла в моем уме.

— Какой? — спросил я.

— Я думал о жабах, которых, по рассказам, нашли полными жизни в середине бульжника. Ящерицы — братья бес-

хвостных гадов; эти пресмыкающиеся удивительно долговечны, и я заключил отсюда, что наш игуанодон находился запертым в скале, разбитой недавним землетрясением. Но он должен был выйти оттуда взрослым, значит громадным; разве только малые размеры его тюрьмы могли помешать его росту, или же недостаток пищи и слишком разреженный воздух остановили его совсем...

— Подождите минутку, — воскликнул я. — Мне кажется, что я нашел что-то.

И я вылетел из библиотеки, как ураган, а через минуту вернулся с номером «Куроводства» в руках.

— Прочтите, — сказал я, указывая на статью «Египетский инкубатор».

Гамбертен внимательно прочел ее.

— Э-э, — ответил он, дочитав до конца, — я, действительно, начинаю видеть свет. Давайте рассудим спокойно. Основываясь, с одной стороны, на истории египетских хлебных зерен, которые произросли, как говорит заметка в этом журнале, после долгого инертного состояния, с другой стороны, на отдаленном сходстве растительного зерна и животного яйца, какой-то гражданин изобрел аппарат, устроенный таким образом, что куриные яйца в нем могут сохраняться в течение трех месяцев, не подвергаясь никаким изменениям. Посмотрим, как. Хлебные зерна, найденные в пирамиде, лежали там четыре тысячи лет или около этого: 1) без света, 2) в постоянном контакте с большой массой воздуха, 3) при постоянной температуре, более низкой, чем наружная, 4) в сухом месте, предохраненном толстыми стенами от сырости, причиняемой разливами Нила.

Аппарат должен лишь следовать примеру пирамид.

И, действительно: 1) он почти абсолютно темен, 2) в нем можно освежать воздух (яйцо, которое не дышит в течение более пятнадцати часов, умирает), 3) он имеет грелки и термометры, и в нем всегда можно поддерживать температуру $+30^{\circ}$, т.е. ниже температуры, необходимой для высиживания; более низкая температура могла бы убить зародыш, более высокая могла бы заставить его развиваться, 4) он

снабжен сосудами с едким кали, который поглощает сырость из атмосферы.

Итак, зерно в пирамиде и наше яйцо в аппарате в состоянии просуществовать некоторое время, не изменяясь, глухой, сонной жизнью, бездеятельной, но зато не требовательной. Что же нужно, чтобы обусловить пробуждение, дать толчок к настоящей жизни, к рождению? Свет? Он не обязателен. Наоборот, зерно в земле и яйцо под курицей в нем не нуждаются. Воздух? Не больше того, что они уже имеют. Надо побольше тепла, — яйцо требует даже своей определенной температуры. Что же касается влажности, то, бесполезная при нормальном высиживании яйца, она требуется в большом количестве в случае высиживания запоздавшего, так как тогда зародыш высушен. Зерно же при всяких условиях требует влаги для прорастания.

— Теперь нам остается, — заключил Гамбертен, — только применить к нашему случаю эту остроумную и, признаюсь, совсем новую для меня теорию. Допустим, что жизнь хлебного стебля, выросшего из зерна, длится около года и что нам удалось задержать эту жизнь на четыре тысячи лет — установленный возраст пирамиды, — мы, следовательно, задержали его существование на срок, в четыре тысячи раз превышающий его продолжительность. Для куриного яйца, по причине их несходства, цифры значительно падают, — на пять лет нормального существования три месяца задержки. Но в данном случае мы имеем игуанодона, т.е. яйцеродное животное, по организации своей еще в некотором роде близкое к растениям и существовавшее в равном по времени расстоянии и от нашей эпохи и от эпохи первобытной протоплазмы. Из этого следует, что он наполовину более близок к растениям, чем животные наших дней.

Итак, устанавливая это различие по степени удаленности от общего предка, мы допускаем, что яйцо игуанодона может проспять промежуток времени не в четыре тысячи раз, а лишь в две тысячи раз превышающий нормальное существование животного. Сколько же лет жили ящеры? Эти животные, втрое более крупные, нежели слон, вероятно, и жили втрое дольше. Есть толстокожие, в е к к о т о р ы х

достигал двухсот лет. С другой стороны, ящеры принадлежат к классу пресмыкающихся, долговечность которых, как я вам говорил, парадоксальна. Я думаю, что не ошибусь, утверждая, что ящеры могли бы жить лет 500 — три века слонов, — но, будучи пресмыкающимися, они могли жить и дольше, скажем, 700 лет. Исходя из этого, мы можем задержать пробуждение к жизни их яйца на срок, в 2.000 раз превышающий их век, т. е. на 1. 400. 000 лет.

— Достаточно ли этого? — сказал я, пораженной цифрой.

— Это даже слишком. Вторичная эпоха отстоит от нашей всего лишь на 1. 360. 000 лет*. Яйцо нашего игуанодона попало в такие условия, что не погибло. Яйцо спаслось чудом, потому что оно ведь было без скорлупы. В глубине галерей, благодаря соседству потоков лавы, поддерживалась постоянная температура и сухость. Там было темно, воздух освежался, благодаря многочисленным проходам. Совершеннейший инкубатор.

— Ну, а как оно вылупилось?

— Очень просто. Расплавленная лава несколько недель тому назад произвела небольшое извержение. Вы помните, как тогда в пещере стало сыро и температура поднялась и стала более высокой, чем снаружи, а затем она осталась постоянной, около 50°. Яйцо сначала подверглось действию увеличившегося тепла, а затем эта постоянная температура с помощью испарений ручья пробудила к жизни это животное зерно или, если хотите, растительное яйцо.

Гамбертен продолжал свои рассуждения:

— Игуанодон проживет до первых холодов, лето вышло для него удачное, но он любит болота, засуха повредила бы ему, если бы затянулась. Ему нужно много воды, но он найдет ее в подземном ручье. Теперь я понимаю, куда девалась вода из нашей цистерны и почему Сорьен был каждое утро в поту, — он видел чудовище и боялся его. Оно по-

* По мнению весьма многих современных палеонтологов и геологов, было бы вернее считать 4-5, даже 8 миллионов лет. — Ред.

казывается только по ночам, потому что глаза его не выносят яркого солнечного света.

— Но почему же игуанодон не остался вблизи пещеры?

— Он искал листьев понежнее для своего молодого клюва.

— Гамбертен, — сказал я нерешительно, — а что, если их несколько?

— Он один, — спокойно и уверенно произнес Гамбертен. — Слушайте внимательно. Если бы та же самая участь постигла не одно, а несколько яиц, то все игуанодоны, руководимые одинаковыми инстинктами, пришли бы сюда.

Я охотно поверил в доводы Гамбертена, — мне самому очень хотелось, наконец, успокоиться.

К тому же, неутомонный Гамбертен уже развивал дальнейшие планы действий. Надо было заманить игуанодона в пустую ригу и взять его живьем. Каждые десять минут он придумывал что-нибудь новое, чтобы затем сейчас же его отвергнуть.

20-го июля, около полуночи, стоя у окна, в коридоре второго этажа, мы увидали игуанодона. Животное переходило поляну, направляясь, вероятно, к цистерне.

Он шел медленно и тяжело, торжественной смешной поступью, волоча за собой хвост. Его ноги двигались совсем, как наши, и казались слишком короткими для такого огромного туловища, руки как-то глупо висели, точно у чучела. Он был огромный, глупый и смешной.

И вдруг Гамбертен ни с того, ни с сего начал дурачиться.

— Ксс, ксс, — позвал он, точно манил кошку.

Я зажал ему рот рукой. Чудовище остановилось, глядя на нас и выставив вперед свои длинные когти. Затем, круто повернувшись, оно убежало, переваливаясь с ноги на ногу, как пингвин, размахивая руками, как птица машет крыльями, если они даже обрублены.

— Смотрите, смотрите, — воскликнул Гамбертен. — Это желание лететь. Это желание вытянет его пальцы, а его сыновья будут парить.

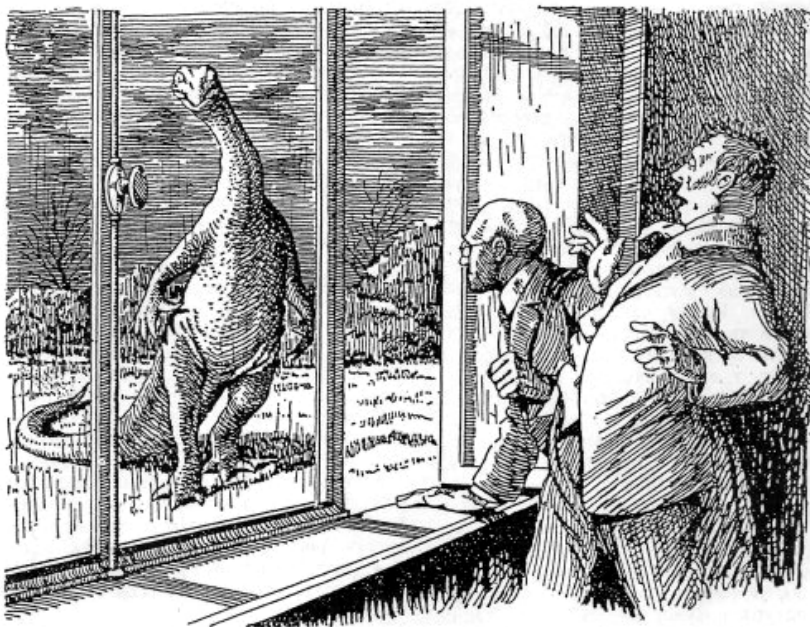
— Гамбертен, зачем вы это сделали?

— Я хотел пошутить. Стоит ли бояться травоядного?

— А его когти?

— Он не достал бы до меня.

Послышался пронзительный крик, неслыханной силы и ярости. Это было то самое скрипенье колес о рельсы, которое однажды так взволновало меня.

Мы ждали, что крик повторится, но все было тихо.

— Никак не ожидал, что горло игуанодона способно на такие фокусы, — сказал Гамбертен. — И ведь ясно было, что он гневается. Но я, право, хотел только пошутить. Надо быть осторожнее.

Наши нервы были так натянуты, что шум открывшейся двери заставил нас вздрогнуть. Фома и его жена вбежали в коридор в одних рубашках.

Я, как умел, успокоил их, убедив, что кричали сбежавшие свиньи и что не следует ходить в лес, так как они, вероятно, бешеные.

Фома и его жена ушли, наконец. Но с Гамбертеном происходило что-то неладное. Когда я пытался увести его спать,

он вдруг ударил меня в ногу концом своего сапога и стал осыпать оскорблениями за то, что я не умел придумать ловушки для игуанодона.

Я успокаивал его, уверяя, что план ловушки у меня уже есть и что я завтра объясню ему все, лишь бы идти сейчас спать. Он, наконец, успокоился.

VI.

Трагедия в Вязах

На другой день я не отходил от Гамбертена и старался удерживать его дома, опасаясь действия солнечных лучей. Мы все время говорили об игуанодоне, но спокойно, и я начал постепенно убеждаться, что вспышка безумия у моего друга была случайной и бесследно прошла.

Прошло несколько дней. Игуанодон не то исчез, не то умер. Мне было жаль, что мы не воспользовались случаем рассмотреть поближе это чудовище, и я предложил Гамбертену отправиться на разведки в окрестности пещеры чудовищ. Но Гамбертен отговорил меня, и это убедило меня еще больше в том, что он совсем здоров.

— Подождите до осени, — говорил он. — Как только наступят холода, игуанодон умрет, и мы с вами примемся за дело.

В конце августа, когда мы, успокоенные и отдохнувшие, были уже вполне уверены в смерти животного, Гамбертен надумал пригласить к обеду сельского учителя.

— Теперь уже, наверное, нет никакой опасности проходить мимо леса, — сказал он. — Пойдем и пригласим его к обеду.

Обед прошел весело и оживленно. В одиннадцать часов вечера, когда мы провожали своего гостя, я вдруг заметил, что Гамбертен сразу переменялся в лице.

Он открыл гостю дверь, и я заметил, что ночь была совсем черная. Собиралась гроза. Гамбертен уговаривал Риде-

ля остаться, но тот не соглашался. Тогда Гамбертен вдруг разгорячился.

— Вы не уйдете, — заявил он решительно. — Я вас не отпущу. Вы переночуете в комнате для гостей, а завтра утром вернетесь к себе.

Учитель больше не отказывался, так как дождь хлынул, как из ведра, в то время, когда мы стояли около двери.

Гроза разразилась с ужасной силой. Никто из нас не мог спать. Каждую минуту молния освещала небо, дождь бешено хлестал в стекла. Когда весь этот грозный шум, наконец, утих, я вдруг услышал в тишине звук, заставивший меня содрогнуться.

— Ксс... Ксс...

Звук шел с лужайки. Я бросился к окну. На дворе было еще совсем темно, но при свете отдаленной молнии я увидел на лужайке игуанодона, ставшего теперь ростом с наш дом и пристально смотревшего в нашу сторону.

— Ксс... ксс...

Я открыл свое окно, стараясь шуметь как можно меньше, и шепотом стал уговаривать Гамбертена бросить шутки. Он высовывался из окна вниз.

— Чего вы боитесь? — ответил он. — Ведь эта тварь вроде коровы, жвачное, травоядное. Я много их видел в джунглях. К тому же я не могу... Эй, ты! Ксс... ксс...

В ту же минуту продолжительная молния осветила гиганта, и то, что я увидел, заставило меня застыть от ужаса. Руки чудовища не были руками игуанодона, на них не было когтей-кинжалов. Целый вихрь ужасных мыслей завертелся у меня в голове... пропавшие свиньи, неубедительные доводы Гамбертена о том, что чудовище могло быть только одно, самое отсутствие игуанодона, этого Авеля, ставшего, вероятно, жертвой Каина — мегалозавра...

— Берегитесь, Гамбертен. Это мегалозавр!

Я оторвался от окна и бросился на помощь к своему другу. Когда я выбегал из комнаты, я услышал снаружи какой-то короткий шум, точно ставень ударился об стену.

— Гамбертен, Гамбертен! — звал я его, стоя на пороге комнаты.

Но Гамбертен по-прежнему свешивался из окна и не желал слушать ни моих приказаний, ни просьб.

— Не наклоняйтесь так, Гамбертен, — умолял я.

Но Гамбертен не двигался.

Вдруг я попятился от раскрытой двери к другой стене коридора. Гигантская голова мегалозавра ощупывала несчастного, а он продолжал лежать неподвижно. Ударом своей зеленоватой морды чудовище опрокинуло Гамбертена на пол. Тогда я понял значение сухого треска — чудовище обезглавило его.

Голова мегалозавра, тупая голова громадной черепахи, заполняла окно и вдруг просунулась в комнату вся целиком. Опрокидывая мебель, чудовище катало труп во все стороны, пока ему не удалось ухватить полу куртки. Его роговые, негибкие губы с трудом справлялись с своей задачей, но когда они захватили одежду, чудовище быстрым движением проглотило бедное тело моего друга. Раздался слабый, но ужасный хруст переламываемых костей, звук страшного глотания... и комок опустился в дряблый зоб чудовища.

Тогда оно заметило меня.

Я стоял, прикованный к месту любопытством и страхом. Но когда мегалозавр устремил на меня свои отвратительные фосфорические глаза, я не мог сдвинуться с места уже потому, что его взгляд пригвождал меня к месту, как змея привораживает птичку.

Голова приближалась... И вдруг дикая радость охватила все мое существо. Дверь оказалась мала. Животное пыталось просунуть голову боком, — напрасно. Но оно не оставляло своего намерения, и мы находились друг против друга: я, прижатый к стене, в полутора метрах от его пасти, упиравшейся справа и слева в наличник двери, и животное, старавшееся добраться до меня. Зверь начал пыхтеть, как будто задыхаясь от усилий, и дверь глухо затрещала... Я чувствовал, как вся кровь бросилась мне в голову.

К счастью, животное скоро отказалось от своего намерения, считая, вероятно, стену слишком прочной. Ужасное положение. Самый пустяк, небольшой шаг в сторону спас

бы меня, а я стоял, безвольный, холодный, неподвижный и не мог оторвать взгляда от глаз чудовища. Я чувствовал, что еще немного, и повелительный взгляд моего врага заставит меня самого пойти навстречу смерти.

Вдруг я почувствовал, что к моему телу прикоснулось что-то липкое и шероховатое, — мегалозавр пытался притянуть меня к себе языком. Добравшись до моей шеи, язык просунулся между нею и стеной и нагнул мою голову. Этого было достаточно, чтобы вывести меня из оцепенения. Я отскочил в сторону и забился в темный угол коридора, а обманутый в своих надеждах мегалозавр испустил резкий ужасный крик, от которого вдребезги разлетелись все стекла в доме.

Я не был в обмороке, но то чувство крайней усталости, которое охватило меня, было не многим лучше. Я чувствовал, как учитель отнес меня на постель, как в комнату вбежали совершенно ошеломленные Фома с женой.

— Он ушел? — спросил я.

— Кто?

— Ме... животное?

— Да, да. Успокойтесь.

— Гамбертен тоже ушел, — сказал я.

И я разразился рыданиями, которые облегчили меня.

Мой мозг начал работать, и я спрашивал себя, каким образом мы с Гамбертеном могли так ошибиться. Почему мы, понимая, каким образом могло сохраниться одно яйцо, не допускали, что их могло сохраниться несколько. Для этого совсем не нужно было никакого чуда. Надо было только, чтобы в том месте, а, следовательно, и в тех же условиях, оказалось не одно яйцо, а несколько. Это было даже гораздо вероятнее. Затем, факт исчезновения свиней должен был навести нас на мысль о существовании хищника. Наконец, исчезновение самого игуанодона было третьим основанием.

Когда я совсем оправился, учитель заявил, что нам необходимо поговорить серьезно о деле. Я уверил его, что в состоянии рассуждать, как вполне разумный и здоровый человек.

— В таком случае, — сказал он, — знайте, что я считаю первым и главным нашим долгом уничтожение чудовищ.

— О, — воскликнул я, — игуанодона уже не существует. Чудовище одно.

— А это мы увидим, — ответил учитель. — Во всяком случае, мегалозавр знает теперь вкус человеческого мяса. Что, если он каждую ночь будет приходить, чтобы... Это не может быть терпимо, в особенности, в виду суеверия крестьян. Его надо уничтожить сегодня же. Но каким образом?

— Устроить облаву, — сказал я, — созвать народ....

— Ни в коем случае. Если народ узнает о том, что случилось, страна опустеет в один день.

И учитель взял с Фомы и его жены обещание пока молчать обо всем случившемся.

— Как же быть, — сказал Фома, бледнея, — нас только трое...

— Ну, хорошо, пусть будет только двое, ты не пойдешь с нами.

— Ридель, — сказал я, обращаясь к учителю, — мне кажется, что я придумал план, надежный и безопасный. Я полагаю, что чудовище с наступлением рассвета вернулось в свою пещеру. Нам надо подстеречь сегодня ночью, когда оно будет выходить оттуда. Мы поместимся с вами на утесе, над самым входом в пещеру... Фома, у мосье Гамбертена были ружья?

— Сколько угодно, — ответил Фома.

Мой план был одобрен и принят. Ружья из коллекции покойного Гамбертена были хороши: одно из них было американское, для охоты на крупных хищников, другое — винчестер.

Около половины шестого, сделав большой обход, необходимый, чтобы скрыть свое предприятие от глаз случайных наблюдателей, мы шли, вооруженные ружьями и ножами, по сухому склону горы, вдоль ее гребня, т. е. по краю пропасти.

Вскоре я узнал по неясному следу тропинки, что мы достигли высоты пещеры. Мегалозавр был тут, под нашими

ногами. Свернув с тропинки, мы пошли к краю обрыва. Ридель лег на землю и пополз, я последовал за ним.

— Стой! — сказал я. — Вот он.

Наш враг — мегалозавр — лежал неподвижной горой на траве, у входа в пещеру.

— Он спит? — прошептал Ридель.

— Он издох, — сказал я, увидя, что его зеленоватый глаз был открыт. — Но все-таки выпустим в него по две пули, это будет безопаснее.

Раздались выстрелы, но исполинская дичь осталась неподвижной. Мегалозавр несомненно был мертв.

Возле его трупa, среди свиных костей, лежал обглоданный остов игуанодона.

Итак, опасности больше не было. Мы отползли от края, стали на ноги и медленно направились к лужайке.

— Я оказался прав, — сказал я, испытывая странную радость, — игуанодон был убит своим коллегой. Гневное рычание, которое я тогда слышал, означало их поединок.

Но почему околел мегалозавр?! — вот что занимало нас с Риделем.

Когда мы подошли к чудовищу, Ридель быстро принялся за дело. Он вынул свой охотничий нож и разрезал зоб мегалозавра.

— Это неподходящая гробница для ученого, — сказал он.

— Помогите мне. Какие странные волокнистые ткани у этого животного.

Мы извлекли из внутренностей чудовища тело Гамбертена в изуродованном виде.

Покончив с этим, Ридель предался с восторгом научному исследованию трупa мегалозавра.

— Где же желудок? — удивлялся он. — Странно... Слизистая оболочка так мало эластична. Но где же все-таки желудок? Я нахожу только какой-то изъеденный комок выхода желудка в кишечнике.

— Гамбертен говорил мне, что им нужно много воды. Этому ее здесь не хватало, это несомненно. Он слишком вырос и не мог пролезать в боковые галереи к источникам.

— Это очень важно, — сказал Ридель, — но что они ели в свое время?

— Кажется, главным образом, рыбу.

— Отлично. Хрупкая полурастительная ткань, ослабленная неподходящей средой и неподходящим питанием... недостаток воды, сухость... отсутствие рыбы, недостаток фосфора. Пищеварительный аппарат пострадал более всего. Он не мог сразу приспособиться... Но почему этот разрушенный желудок и кишечник в язвах? Что он ел? Ага, свиной. Теперь я все понимаю.

— Что же именно?

— Вот что. Мегалозавр ел свиной, ел целиком, съедал и желудки. Вы знаете, надеюсь, что желудочный сок свиной особенно богат пепсином, принадлежащим, кроме того, к числу наиболее активных. Это сильно действующее вещество чрезмерно усилило вялый желудочный сок мегалозавра и придало ему такую интенсивность, что ткани, по природе непрочные и истощенные в силу ненормальных условий, не выдержали его химического воздействия. Животное погибло от небывалого случая расстройства пищеварения, оно само себя переварило...

Два дня спустя мы проводили тело Гамбертена на кладбище.

Я взял очки Гамбертена себе на память. Стекла их стали тусклые, но я никому не рассказываю, что за кислота произвела на них это действие. Я боюсь, что мне не поверят.

Василий Афанасьев

СТРАНА ВЕЛИКАНОВ

Палеонтологическая фантастика

Иллюстрации В. Силкина

От редакции.

Среди населяющих Патагонию племен кочевников-тагуэльчей, равно как и у живущих ближе к Андам потомков чилийских арауканцев-монсанеросов существует предание о народе великанов. Первые сведения о мифических патагонских великанах мы находим у самых ранних путешественников, посетивших Южную Америку, как, например, Педро де-Сиеца (1541 г.), а в особенности — в мемуарах и донесениях миссионеров-иезуитов Стробля и Кордиеля, живших в Южной Америке (и, в частности, в Патагонии) в 1746 г. Местом пребывания народа великанов предания называли страну к югу от реки Рио-Санта-Крус до Пунта-Аренас; однако ученые исследователи Патагонии, интересовавшиеся «народом великанов» — в том числе Чарльз Дарвин — не обнаружили никакого племени гигантов. Надо заметить здесь же, что среди патагонских кочевников нередко встречаются индивидуумы, имеющие рост до 1,8 метра (по Ратцелю), а это обстоятельство, при свойственной патагонскому населению низкорослости (патаговец — от испанского слова «patagos» — коротконогий), быть может, немало способствовало возникновению легенды о великанах...

В своем дневнике («Путешествие на "Бигле"») Дарвин сообщает, что ему удалось обнаружить на берегу реки Рио-Терсиро (в Аргентине) череп гигантского *tylodoria*, причем кости были так свежи, что, по анализу Рикса, содержали 7% жировых веществ, и потому весьма вероятно отнести смерть животного к самому недавнему времени (Дарвин посетил Патагонию в 1832 году).

Несколько лет назад в одной из патагонских пещер на побережье Великого океана было найдено до двадцати скелетов *tylodoria* попеременно с человеческими. Вообще же эта своеобраз-

разная пещера, очевидно, служила жильем для людей, у которых гигантские милодонты жили на положении домашних животных, о чем свидетельствуют, хотя бы, остатки сена, подстилки, перемешанной с хорошо сохранившимся пометом милодонтов, расколотые кости этого животного, по-видимому, вываренные при изготовлении пищи. В пещере, кроме домашней утвари и других предметов обихода ее бывших обитателей, под тонким слоем песка обнаружено также много кусков кожи милодонта, покрытой буро-зеленым мехом, а с мездряной стороны — имеющей костяные бляшки особой формы. Кожа была сухая; но, намоченная в воде, она издавала запах разлагающегося вещества. Между прочим, проф. А. А. Борисяк (в своем переводе книги Э. Рей Ланкастера «Вымершие животные», где приводится вышеуказанное открытие) пишет: «...Возможно, хотя это и кажется невероятным, что милодонт еще и до сих пор существует в таких пещерах этой местности, куда не попадали культурные люди..». (проф. А. А. Борисяк: Э. Рей Ланкастер, «Вымершие животные». ГИЗ, Ленинград, 1925 г., стр. 118—121).

На основании этих данных автор рисует фантастическую картину сохранившегося в кратере потухшего вулкана первобытного оазиса — и приключения в этом замкнутом мире героя рассказа, украинца Лавро Бригиды...

I.

Фонда* Дель-Варто.

Фонда синьоры Амелии Дель-Варто — излюбленное пристанище матросов, грузчиков, рабочих-эмигрантов, кутящих гаучо (скотоводов), разных личностей без определенных занятий, даже просто портовых воров, — вообще того пестрого разноязычного сброда, который в поисках рабо-

* Фонда — гостиница, при которой обычно имеется кафе-ресторан (Здесь и далее прим. из первой журнальной публ.).

ты, либо сомнительных афер и легкой наживы наводняет зловонные переулки прибрежной части шумного Буэнос-Айреса — столицы богатой земледельческой Аргентины.

Посетители фонды, промелькнув через прокуренные, грязные «залы» гостеприимного заведения, тают в бездонной тьме южно-американской ночи. Их заменяют новые посетители, галдящие на всех мировых языках.

Пожилая жирная креолка, донна Амелия, как изваяние богини Кали в индийской пагоде, неподвижно восседает за высоким прилавком буфета, и лишь ее черные мышинные глазки профессиональной кабатчицы с неподражаемой быстротой шныряют по всем углам и закоулкам фонды, вовремя подмечая: то подозрительные симптомы в поведении двух гринго*, очевидно, намеревающихся удрать, не заплатив по счету, то закипающую ссору за столиком крепко подвыпивших ранчero**, то появление нового, оглушенного гамом, посетителя, робко разыскивающего в тумане сигарного дыма и адского кухонного чада свободное местечко...

Соответствующий приказ глазами или легкий кивок в нужном направлении — и налаженные рычаги кабацкого механизма, в лице трех-четырех поблекших, ярко раскрашенных кельнерш и такого же количества неряшливых официантов с пробритыми проборами на лоснящихся от жирной помады черных головах, — уже юрко пробираются в соответствующем направлении, как ловкие щупальца гигантского осьминога. Изредка, при невозможности мирно уладить возникший конфликт, или угомонить расхоdivшегося буяна, опять-таки по безмолвному знаку «богини», на сцену появляется внушительная фигура «ливрейного» швейцара Чарли, одноглазого негра, кулачная слава которого известна далеко за пределами заведения Дель-Варто и прилегающих переулков...

* Гринго — иностранец.

** Ранчero — помещик, владелец ранчо. Здесь понимаются мелкие собственники небольших хуторов, которые, по свойственной аргентинским креолам хвастливости, торжественно величаются «ранчero».

Сегодня к группе кутящих гаучо* присоединились два «гостя»: портовый вор дон Коранчо, жилистый проворный человечек, чрезвычайно вычурно и крикливо, по последней моде, одетый, и еще какой-то новый в кабачке субъект, по внешности и платью не то арриеро**, не то конный пастиух-вакерос, а быть может, степной охотник.

Компания лениво выковыривает из блюда полуостывший жирный фидео*** и усердно тянет анизет, — так в заведении торжественно именуется обыкновенная аргентинская водка-кана, сильно сдобренная анисом и сахаром.

Хмель и духота сковывают языки подвыпивших степняков, и только неугомонный дон Коранчо, умышленно длинно, поминутно гадко хихикая, рассказывает скабрёзные истории, рассчитывая завлечь компанию в какой-нибудь портовый вертеп и там обогреть...

Странный контраст с костюмом аргентинского ковбоя, с коричневым тропическим загаром представляют голубые глаза, коротко стриженные белокурые волосы и длинные, опущенные вниз, усы другого «гостя» веселящейся компании. Кажется, перенеси это характерное лицо за тысячи километров в захолустье колоритной украинской деревеньки, с ее белыми хатами и черешневыми садами, — и вместо прожженного южно-американского атторонте****) перед зрителем явился бы какой-либо мирный, флегматичный Остап или Ничипор. Впрочем, имя этого человека Лаврентий или Лавро Бригида. Он — подольский крестьянин, когда-то, много лет назад эмигрировавший в Аргентину, застрявший здесь, а теперь представляющий ту подозрительную, даже опасную с точки зрения аргентинского виджилянте***** личность, которую во славу порядка и законности надо ловить и водворять либо в свинцовые рудники, либо на

* Гаучо — скотовод.

** Арриеро — горный проводник

*** Фидео — нечто вроде макарон, изготавливаемых на сале со всякими пряностями.

**** Атторонте — бродяга.

***** Виджилянте — жандарм.

осушку болот океанского побережья. Вообще — «изолировать»...

Неожиданное происшествие надолго прекратило разглагольствования дона Коранчо: сосед Бригиды, наклонившись за оброненной трубкой, вдруг уставился на широкий кожаный пояс украинца и заорал:

— Вот так штука! Из какого, черт побери, барана ты сшил свой тирадоре?

Бригида, самодовольно посмеиваясь в усы, неторопливо растегнул пряжки и небрежно бросил пояс на стол.

— Держу сто пезо* против одного, — сказал он позевывая, — что ты не видел и никогда не увидишь такого «барана».

Пояс переходил из рук в руки. Он был сшит из одного куска толстой шкуры, на внутренней стороне которой вросли костяные шишки оригинальной формы, а на лицевой кое-где сохранился густой, зеленый с проседью мех.

— Что же это за зверь? Тапир? Бизон?.. Да говори же, черт!

Бригида махнул рукой и упрямо отвернулся: не стоит, мол, рассказывать...

Однако, компания с пьяным упорством накинута на украинца, и после долгих пререканий он согласился рассказать историю диковинного пояса, заявив тут же, что вряд ли ему кто-нибудь поверит.

Потребовали еще «анизет» — и Бригида начал повествование.

* Приблизительно 1 руб. 80 коп. на наши деньги.

II.

Рассказ охотника

Лавро говорил довольно хорошо на испорченном испанском языке аргентинских креолов, говорил сначала как-то нехотя, но постепенно вспышки воодушевления стали все чаще оживлять его лицо, а когда в воспоминаниях возникали особенно ярко картины пережитых приключений, в сухую трескотню галльских словосочетаний проскальзывали тягучие переливы украинских слов, иногда целые фразы, которые он не трудился переводить, ибо слушатели, увлекаясь рассказом не менее Бригиды, угадывали смысл сказанного... Даже дон Коранчо, этот трусливый мелкий плут, дитя грязной помойки огромного международного порта, и тот минутами терял мину презрительной недоверчивости и с живым вниманием следил за похождениями странного атторонте.

Чувствовалось, что этот светлый, твердый взгляд не раз в дебрях девственной пампы* -скрещивался с взглядом притаившейся золотисто-пепельной пумы, что эта сухая мускулистая рука бронзовой статуи не могла дрогнуть в смертельной борьбе за жизнь, а шрамы и рубцы на теле получены именно при тех жутких обстоятельствах, о которых так просто повествовал рассказчик.

Восемнадцатилетним робким увальнем, не видевшим ничего, кроме родной Кушпыровки да соседнего торгового местечка в глухом захолустье Подольской губернии, Бригида попал в Аргентину, соблазненный рассказами родственника-односельчанина, неоднократно ездившего на заработки в Южную Америку.

Как во сне, перед очарованным взором простодушного юноши замелькали невиданные картины: шумная, нарядная Одесса, огромный океанский пароход «Отавия», сказочные бело-кружевные дворцы Босфора, цветущие остро-

* Пампа, пампасы — обширные равнины Аргентины.

ва Архипелага, изменчивая бирюза Средиземного моря, и вдруг — мрачная, жуткая громада Атлантического океана обступила со всех сторон пароход, надолго закрыв сушу от испуганных взоров тоскующего парня. Животный ужас сковывал его члены, когда, уцепившись за толстые медные перила бортовой решетки, с замирающим сердцем, жмурясь и вздрагивая, он отдался могучим вздохам, плавно колебавшим необъятно широкую грудь водяного гиганта. Много дней и ночей длилось это путешествие Бригиды, который невольно чувствовал себя жалкой сухопутной букашкой, уносимой потоком на обломке ветки.

Ступив, наконец, на твердую почву, хотя и чужого и страшного города, он даже смеялся, радостно чувствуя, что пол под ним не рухнет в бездну, что зеленый глаз иллюминатора не подмигивает злорадно, зарываясь в волну, и кругом все стоит прочно на месте, не пошатываясь и не поскрипывая от ужаса.

С первых же дней парню не повезло на чужбине: его покровитель, родственник-односельчанин, как раз накануне отъезда артели на работу был на смерть задавлен трамваем, и осиротевший Лавро вместе с артелью, оставшейся без руководителя и «старосты», отправился в далекое западное имение. Впрочем, с этим первым местом службы соединялись хорошие воспоминания: привычная работа в поле, здоровые условия жизни. Минутами можно было даже чувствовать себя как бы дома, на Кушпыровской ниве: кругом слышалась родная речь, мелькали знакомые лица, на черноземах привычно колосилась пшеница, но... стоило взглянуть на буланых рослых быков с черной полосой вдоль спины, запряженных «не по-нашему» — восьмериками в многолемешные плуги, на широкополую шляпу и пестро-расшитую куртку карреро*, подъезжавшего в полдень к рабочим на высокой скрипучей повозке с бочками воды, либо взглянуть влево, где, закрывая горизонт, лиловели в

* Карреро — возчик.

тумане, блестя белыми шапками, неприступные Анды, — и снова остро колола тоска, хотелось «до дому»...

Не выдержав этой тоски, Бригида через год оставил место и отправился на родину. В поезде его дочиста обокрали — и с этого момента начались его многолетние скитания по Южной Америке.

Вот они — эти невеселые страницы жизни: тяжелый труд сезонного рабочего на молотилках, на прокладке железнодорожных линий, на дренажных каналах, в промежуточных — скитания по дорогам, в вечном страхе перед недремлющим оком степных жандармов, устраивавших охо-

Карта Патагонии. В нижней части, слева, полукругом обведен тот район, где скитался Лавро Бригида.

ты за бродячим человеком... Потом — знакомство с бандитами — суровая школа той среды людей-хищников, где ножевая расправа применяется по всякому поводу, где надо спать

и есть в «запас», вообще — приспособить свой организм и образ жизни к привычкам шакала... Потом несколько месяцев кошмара аргентинской каторги... Свинцовые рудники, где голод, надрывная работа, «отдых» в зараженных казармах и ежечасные жестокие побои в полгода превращают здорового, смелого парня в трусливую, жалкую собаку, дрожащую от окрика стражника. Бригада и другой каторжник, голландец Питер Ван-Флит, убили стражника и, забрав его оружие, бежали в Чилийские Анды, некоторое время бродили в горах, а когда миновала опасность погони, спустились на равнину...

Был август — начало лета в тех местах. Пампа роскошно цвела, вытягивая из жирной, шоколадной, вязкой земли огромные, в рост всадника, стебли сочных трав, иступленно сплетшихся в борьбе за солнце для своих сочных листьев и до головокружения пахучих цветов... Приходилось прорубаться ножами в этом растительном хаосе или пользоваться попутными звериными тропами, все время напрягая внимание, чтобы не быть застигнутым врасплох нападением пумы или змеи.

Питались яйцами, даже птенцами особенно многочисленных диких уток «намо», гнезда которых усеивали побережья ручьев и болот. Стрелять без крайней необходимости было опасно, — напуганные беглецы, даже в дебрях этого «кампо вирген»*, считали себя досягаемыми для пронырливых жандармов.

Наконец, замученные полчищами москитов и свирепых древесных клещей, стосковавшиеся по костру, жареной дичи и, главное, по крепкому, спокойному сну, бродяги решили оставить заросли пампы и вступили в лесистые предгорья Андов. Здесь Лавро лишился спутника: голландец, мучимый припадком малярии, был оставлен Бригидой у костра, а когда, через несколько часов, нагруженный свежей дичью Лавро вернулся к лагерю, он нашел лишь груду окровавленного тряпья и обглоданные, растаскан-

* «Кампо вирген» — девственная степь.

ные кости товарища. Наскоро отыскав среди этих жутких остатков кровавого пира пумы револьвер, которым несчастному Ван-Флиту, очевидно, не удалось воспользоваться, Лавро поспешил покинуть опасное место и продолжал один трудный путь к югу.

III.

Зеленый гигант

Ранним утром с неразлучной винтовкой за плечом Бригида брел по глубокому ущелью, прорытому в скалах небольшой, быстрой патагонской речкой. Вчера он выследил стадо гуанако, но животные чуяли его по ветру и все время уходили к югу. Лавро спустился в ущелье, думая опередить стадо и подкрасться к нему против ветра.

Бригида, из рассказов опытных, бывалых охотников знал, что гуанако — так называемый «верблюд нового света» — является диким представителем давно прирученных человеком остальных представителей того же семейства: ламы, пако (или алпака) и викуны. На всем протяжении Анд — от Перу до Огненной Земли — и, главным образом, в Южной Патагонии, охотники встречают это своеобразное, красивое животное, покрытое на спине, груди и боках густым руном, переходящим на голове и остальной части туловища в более короткую шерсть, черную на хребте, буро-коричневую на боках и светлопесочную, даже белую на животе, груди и внутренней стороне ног.

Охотники рассказывали Лавро, что патагонцы охотятся на гуанако обычно верхом, так как на ровном месте лошадь без труда настигает бегущее стадо. Выследив стадо, патагонцы оцепляют определенный район веревкой, перевитой яркими лоскутьями и укрепленной на вбитых в землю кольях. Затем, вооружившись «болла» — тяжелыми чугунными ядрами на длинных ремнях, — всадники атакуют стадо, стараясь загнать его в оцепленный район. Окружен-

ные конными охотниками и пестреющим всеми цветами радуги веревочным барьером, внушающим стаду ужас, гуанако собираются в одном месте, при чем вожак и другие самцы стада пытаются защищаться, брыкаясь задними и передними ногами, или плюются, подобно верблюдам старого света. И тут начинается кровавая бойня. Охотники методически, не торопясь убивают все стадо, разбивая «болла» головы животных, а затем прирезывая их ножами.

Этот зверский способ охоты возбуждал в Бригиде отвращение и негодование. Как истый охотник, он любил состязаться с дичью, перехитрить ее и вообще смотрел на охоту, как на искусство, сравнительно мало ценя предоставляемые ею материальные выгоды.

Предстоящая охота волновала и увлекала его. Лавро знал, что пешему охотнику-одиночке очень трудно подойти к стаду, потому что животные необыкновенно осторожны и пугливы, и подбираться к ним приходится поэтому с величайшими предосторожностями. Он охотился на гуанако не первый раз и знал применяемые туземцами-патагонцами уловки. Подойдя достаточно близко, охотник ложится на землю и начинает поднимать вверх то ногу, то руку, то винтовку — вообще, производит какие-нибудь странные телодвижения. Гуанако чрезвычайно любопытны: заметив на своем пути страннодвигающийся предмет, все стадо, вслед за вожаком, вытянув вперед головы, с бессмысленно выпученными глазами, напряженно поматывая поднятыми хвостами, крадется к интересному явлению, совершенно забывая про опасность.

Лавро был убежден, что, придерживаясь такой тактики, он не только может выбрать для выстрела любое животное, но и успеет сделать не менее пяти выстрелов, прежде чем гуанако сообразят, что попали в ловушку. Думая об этом, он по временам, выбрав удобное место, взбирался на плоскогорье и, осторожно выглядывая из-за низкорослых, стелющихся по земле кустов, зорко всматривался вдаль. Унылая, типичная для Патагонии местность, пересеченная низкими холмами, покрытая кое-где лишь чахлыми кустами и грубой травой, расстилалась, насколько хватал глаз, а

с северо-запада okayмлялась далекими горами. По грязно-голубому небу мчались клочковатые грузные облака, гонимые однообразно-ровным, «ноющим» ветром — тем постоянным ветром Патагонии, который, как говорят, мешает вырастать высоким деревьям и клонит с упорной настойчивостью все растения в одну сторону — к северо-востоку... Бригида, привыкший за многие годы скитаний по степи к одиночеству, все же испытывал неприятное чувство от унылой картины, а главное — от надоедливой, ровной зудения холодного ветра. Внизу, в ущелье было веселее: высокие отвесные стены скал защищали речку от ветра, и она, хлопотливо ворча и булькая среди огромных, сточенных глыб камня, то рассыпалась тысячами сверкающих в луче солнца улыбок, то мрачно хмурилась, когда солнце пряталось в налетевшее облако. Множество мышей с тонкими ушами и нежным мехом, совершенно не пугаясь человека, деловито сустились по обрыву, очень забавно приседая на задние лапки, что-то высматривали и вынюхивали, задрав вверх острые мордочки, охорашивались или дрались, гоняясь друг за другом.

Бригида присел на камень, чтобы отдохнуть и закусить. Большой слепень пулей налетел на охотника и стал выбирать место, куда бы он мог вцепиться своим обжигающим жалом. Зная по опыту неприятные последствия такого укуса, охотник живо вскочил и, сдернув с головы войлочную шляпу, стал обороняться от насекомого. В тот момент, когда, сбитый ударом шляпы, слепень закружился в песке, а торжествующий Бригида раздавил назойливого летуна, странный, похожий на птичий, скрипучий звук поразил слух охотника. Это не было ржание патагонского ибиса или глубокий утробный клекот грифа. Это было не то хрюканье, не то стрекотание. Звуки приближались. Бригида, хорошо знавший немногочисленных патагонских птиц, ни одной из них не признал в этих странных звуках. Схватив ружье, он осторожно побежал к тому месту, где река круто поворачивала на север. Он был уже почти у поворота, как вдруг...

Как вдруг из-за полукруглой вершины большого валуна, закрывавшего песчаную отмель берега, неожиданно вынырнула голова гигантского невиданного зверя. И зверь и человек замерли в недоумении, рассматривая друг друга.

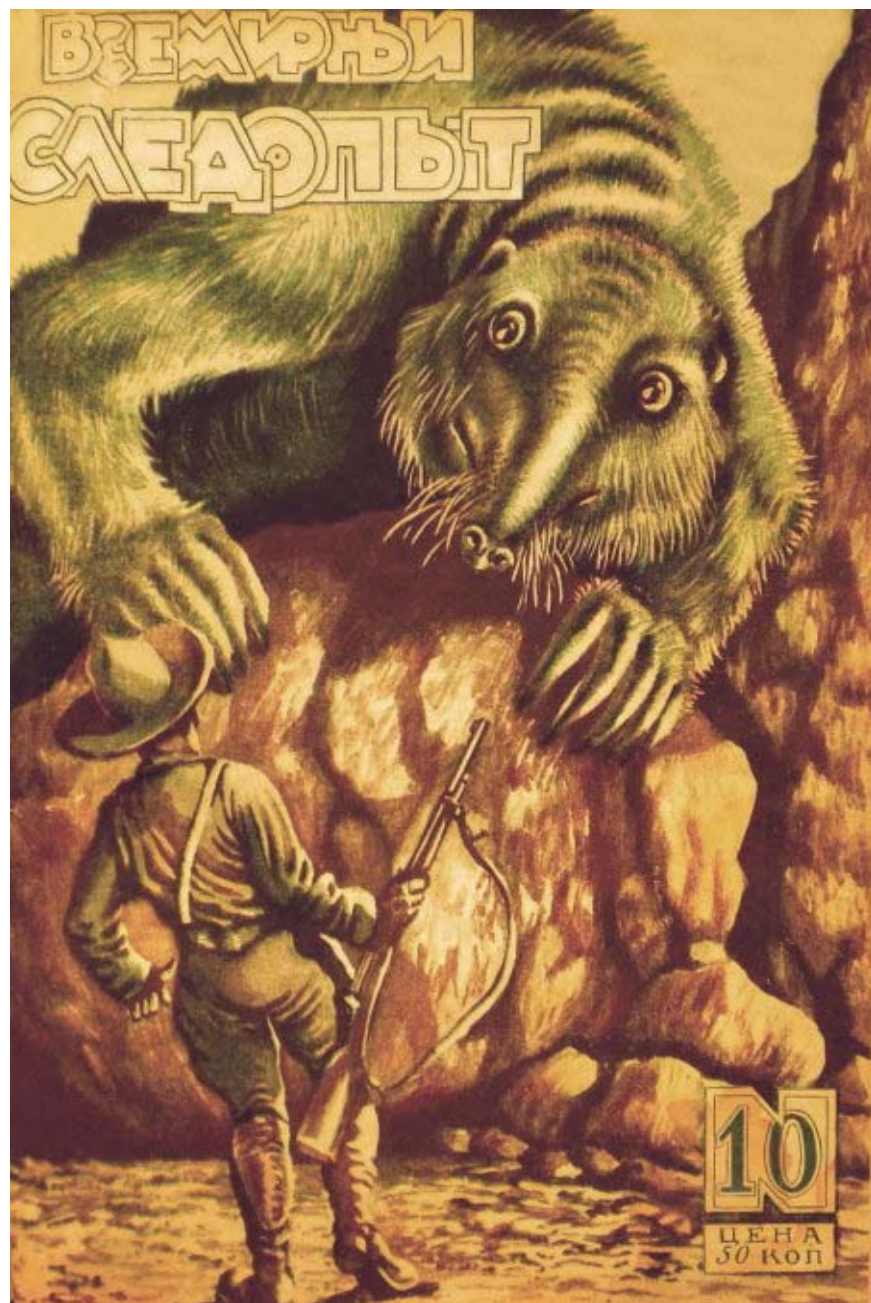
Зверь, выпучив круглые, блестящие как бусы, янтарно-желтые глаза, с шумом втягивал в себя воздух, причем влажный черный кончик его мягкого носа слегка шевелился, подрагивая белыми усами, а темно-зеленая с проседью шерсть медленно вздыбилась на затылке, открыв розовые, просвечивающие края маленьких ушей. В следующий момент Бригида со всех ног мчался вдоль берега от опасного места, не решаясь остановиться и судорожно сжимая обеими руками винтовку. Когда в полукилометре от камня, охотник принудил себя замедлить бег и оглянуться — все было спокойно. Так же гулко ворчала река, так же суетились мышиные полчища по обрыву, а по небу неслись хороводы облаков, сталкиваясь и разрываясь в причудливом танце. Лавро перевел дух... Полно, не померещилось ли ему? Не сон ли он видел?

Но разве мог присниться ему такой зверь? Как ни коротко было мгновение, когда над камнем показалась эта гигантская голова, все же зоркий взгляд охотника с точностью фотографического аппарата запечатлел все ее невиданные детали. Сомневаться было трудно. Но что же это за зверь? Медведь?.. Лев?..

Бригида видел в зверинце Буэнос-Айреса и медведей и львов, а со всеми животными Южной Америки — от тропиков до холодного юга — ему приходилось неоднократно сталкиваться во время многолетних скитаний, но такого огромного зверя он никогда и нигде не видел и ни от кого не слыхал, что такие где-либо водятся. Судя по высоте камня у речной излучины и по величине головы, животное могло иметь около четырех метров высоты. Каковы же должны быть его лапы, его корпус, пасть, зубы, и какое ружье нужно для боя с таким чудовищем?

Лавро с презрением взглянул на свою скорострельную винтовку, вытащил обойму, высыпал на ладонь пули и усмехнулся: даже если влепить все семь пуль в этого гиганта,

ВЪЗМЪРЪЖИ СЛЕДОПЪТ

10
ЦЕНА
50 КОП

то вряд ли такие детские игрушки причинят ему вред... Он постепенно успокоился и задумался. Инстинкт охотника толкал его назад, к загадочному камню, но благоразумие человека, выдавшего виды, советовало поскорее убраться подальше.

Однако жажда неизведанного приключения превозмогла благоразумие, а мысль, что зверь не бросился на него и даже не пытался преследовать, убедила Лаврентия, что при всей своей силе и громадных размерах, животное или трусливо, или добродушно, а быть может, то и другое вместе. Так или иначе, охотник решил возвратиться. Осторожно подкрался к камню, все время придерживаясь теневой стороны обрыва, и, не доходя до речной излучины, взобрался вверх по крутому склону.

За поворотом река снова извивалась по дну ущелья, уходя вдаль к высоким, окутанным туманом, горным громадам. Нигде, ни внизу, ни на плоскогорьи, не видно было загадочного зверя, и не слышалось никакого подозрительного шума, похожего на его скрипучее хрюканье.

IV.

По таинственному следу

Лавро осторожно спустился вниз, по ту сторону огромного валуна, над которым он увидел голову зверя. Нет, ему не приснилось это чудовище! На сыром, гладком песке, кое-где испещренном разноцветными камушками и раковинками, вдавились тяжелые, огромные следы невиданной формы. Очевидно, животное ходило на задних ногах. В каждом следу спереди явственно отпечатались три огромных когтя. В одном месте зверь, по-видимому, присаживался, так как приблизительно в полутора метрах от следа песок сильно вдавился тупым овалом: без сомнения, то был отпечаток короткого твердого хвоста, не прикасавшегося при ходьбе к песку.

Бригада, тщательно исследуя побережье, все более убеждался в том, что гигантское животное, прошедшее здесь каких-нибудь полчаса назад, было не похоже ни на одно из виденных им, что это животное, несмотря на свои размеры и соответствующую им силу, было мирного, даже, пожалуй, трусливого нрава, что встреча с охотником заставила эту неуклюжую тварь обратиться в стремительное бегство, о чем свидетельствовали глубокие рытвины в песке, оставшиеся от мощного бега, при котором трехкоготные лапы не касались пятками почвы. Только на расстоянии километра от камня бегущий след постепенно переходил в отпечатки всей ступни, то есть в более спокойный шаг; тут же, недалеко, зверь снова присаживался на корточки, однако не рискнул возвратиться и продолжал отступление вверх по течению речки. Украинец, увлеченный желанием во что бы то ни стало поохотиться за неслышанной дичью, последовал в том же направлении, забыв и про стадо гуанако и про давно миновавший час завтрака.

Неутомимо преследуя зеленого гиганта, делая короткие остановки лишь для сна и попутной охоты, чтобы утолить голод, Бригада на пятый день похода почти достиг конца ущелья и тех огромных отвесных скал, с которых, по всей вероятности, брала начало речка, о чем свидетельствовал приближавшийся с каждым шагом рев водопада и усиливавшаяся мощь течения. Рокочущие струйки воды, пенясь и закручиваясь злыми змейками, долбили углубления встречаемых камней, извивались, следуя причудам русла, прихотливо сворачивавшего то вправо, то влево. Хотя у берега было очень мелко, но приходилось обходить обломки скал, преграждавшие иногда песчаную отмель, так как не было возможности, даже придерживаясь за скалы, сделать хоть шаг против течения. Кое-где смятые и как будто срезанные верхушки прибрежных низких кустарников свидетельствовали о том, что прошедший здесь недавно гигант пытался утолить голод, но, очевидно, растительность ущелья не была ему по вкусу. Сорванные и изжеванные ветки обильно устилали землю.

Но вот обойден последний извив причудливой речки. Стены скалистого коридора раздались и обступили небольшую котловину, прегражденную с противоположной стороны, как стенами гигантской крепости, могучим горным массивом.

Из середины этого грандиозного барьера, через глубокую щель, не более 20-30 метров в ширину, с высоты приблизительно 150 метров ринулся вниз седой растрепанной лавиной, весь в колеблющемся перламутровом тумане бесчисленных радуг, каскад воды, образуя под собой неистово kloкочущее овальное озеро. От рева водопада в этом каменном мешке стоял такой потрясающий гул, что Бригида, выйдя из ущелья, остановился ошеломленный. Через мгновение, почувствовав, что он промок до костей от насыщавшей воздух мельчайшей водяной пыли, охотник поторопился заткнуть ствол винтовки и оглянулся.

Песчаная отмель узкой белой лентой окаймляла берег озера, упираясь в отвесные скользкие скалы, кое-где поросшие мокрым мохом и лишаями. Но идти по этому зыбкому узкому бордюру было невозможно, потому что края размокшего песка, расползаясь под ногой, стремительно съезжали в мчавшийся водоворот озерной пучины. Да и к чему идти вперед, если очевидно, что не только тяжелый гигантский зверь, но даже небольшая, ловкая и легкая собака не могла бы пройти по краю озера: значит, не этой дорогой пошел зверь, если, конечно, он не свалился в озеро, мигом разбившее даже его могучее тело в этой чудовищной водяной мельнице.

— Пошукаем!* — пробормотал Лавро и внезапно, инстинктивно почувствовал, что где-то рядом, быть может, в ревущей у ног водяной бездне, или в изгибе мокрых скал, но близко, близко притаилась неминуемая смертельная опасность...

Он не был трусом, но любил жизнь, и эта любовь к жизни вызывала в нем сейчас ту сковывающую движения жуть,

* По-украински — «поищем».

которую он не раз испытывал под взглядом невидимой в заросли, притаившейся перед прыжком пумы... Сердце короткими сильными ударами молотом стучало в груди, за ушами давил звенящий напор крови, а все мускулы оледенели в судорожном напряжении...

Страшный удар по голове свалил украинца с ног... В быстро сгущавшемся мраке перед глазами мелькнула огромная волосатая туша и навалилась на грудь... Лавро потерял сознание...

V.

В стране великанов

Быстро бежит голубой прозрачный Буг, закручиваясь ямками мелких водоворотов. Налево у плотины хлопотливо шлепают вальки моющих белье баб, скрипит телега и звонко в неподвижном воздухе раздается высокий тенор, покрикавающий на волов:

— А..ття! А..ття! Дурный! Псс...со! Пссо!

Старик Прокоп лениво тянет сверкающий канат ветхого парома, а на пароме сгрудилась белым пятном группа косарей... За Бугом, по склону крутого обрыва ласточкиными гнездами прилепились белые хатки Кушпыровки, лениво попыхивающие в прозрачное небо желтыми дымками из труб. Оттуда вкусно пахнет горячей паляницей и поджаренной копченой грудинкой...

Лавро открыл глаза. Он лежал на мягкой сочной траве, и первое, что бросилось ему в глаза, был ползущий на четвереньках совершенно голый смуглый ребенок, казавшийся несообразно огромного роста. Равнодушно, точно в полусне, следя за движениями ребенка, Лавро повел глазами вправо — и сразу очнулся. Невдалеке, присев на корточки, с аппетитом уплетали траву два гигантских темно-зеленых с проседью зверя. Короткие, согнутые в коленях задние ноги поддерживали массивный суживающийся к плечам кор-

пус. Передние лапы с обезьяньими пальцами, кончавшиеся длинными ногтями, были в постоянном движении: они то загребали охапку травы, то почесывали в разных местах огромное тело, то шевелились бесцельно в воздухе, делая преуморительные движения. Тяжелые челюсти, чавкая, быстро и непрерывно жевали под шевелившимся седоусым черным носом. Не меняя положения корпуса и не переставая жевать, зверь то и дело вертел головой, озираясь во все стороны равнодушным взглядом янтарно-желтых, блестящих, неподвижных как бусы глаз, и при этом густая короткая грива на затылке дыбилась, открывая розовые кончики маленьких ушей. Короткий голый обрубок черного глянцевого хвоста крючился и вилял из стороны в сторону от явного удовольствия, доставляемого зверю процессом пищеварения.

Оба гиганта производили впечатление самых миролюбивых тварей... Вот один сделал два-три грузных переваливающихся шага, приблизился к другому вплотную и потянулся к нему мордой, не переставая жевать и тяжело вздыхая от трудов праведных; другой, хрюкнув, отстранился корпусом и выставил вперед одну переднюю лапу: «Не подходи, мол, я страшно занят!»

Первый вильнул хвостом, недоуменно оглядываясь, почесал спину и вдруг, выкинув из огромной пасти длинный, липкий, оранжевого цвета язык, деловито стал облизывать свою черную ладонь. Эта сцена была так забавна, что Бригида расхохотался, но тупая ноющая боль сдавила затылок, луг со зверями и огромным младенцем закачался перед глазами, а в ушах зашумели тысячи оглушительных колес... Через минуту, придя в себя, Лавро ощупал голову: она была плотно обвязана мокрой повязкой из грубой ткани. Он попытался встать, но, чувствуя страшную боль в голове и звон в ушах, с величайшим трудом мог лишь приподняться на локте и медленно оглянулся.

Впереди, за широкой полосой цветущего сочного луга тянулась полоса леса, а за лесом туманным амфитеатром громоздились далекие скалы. Сзади, шагах в двадцати, в отвесной гранитной стене чернел вход в пещеру. Около пе-

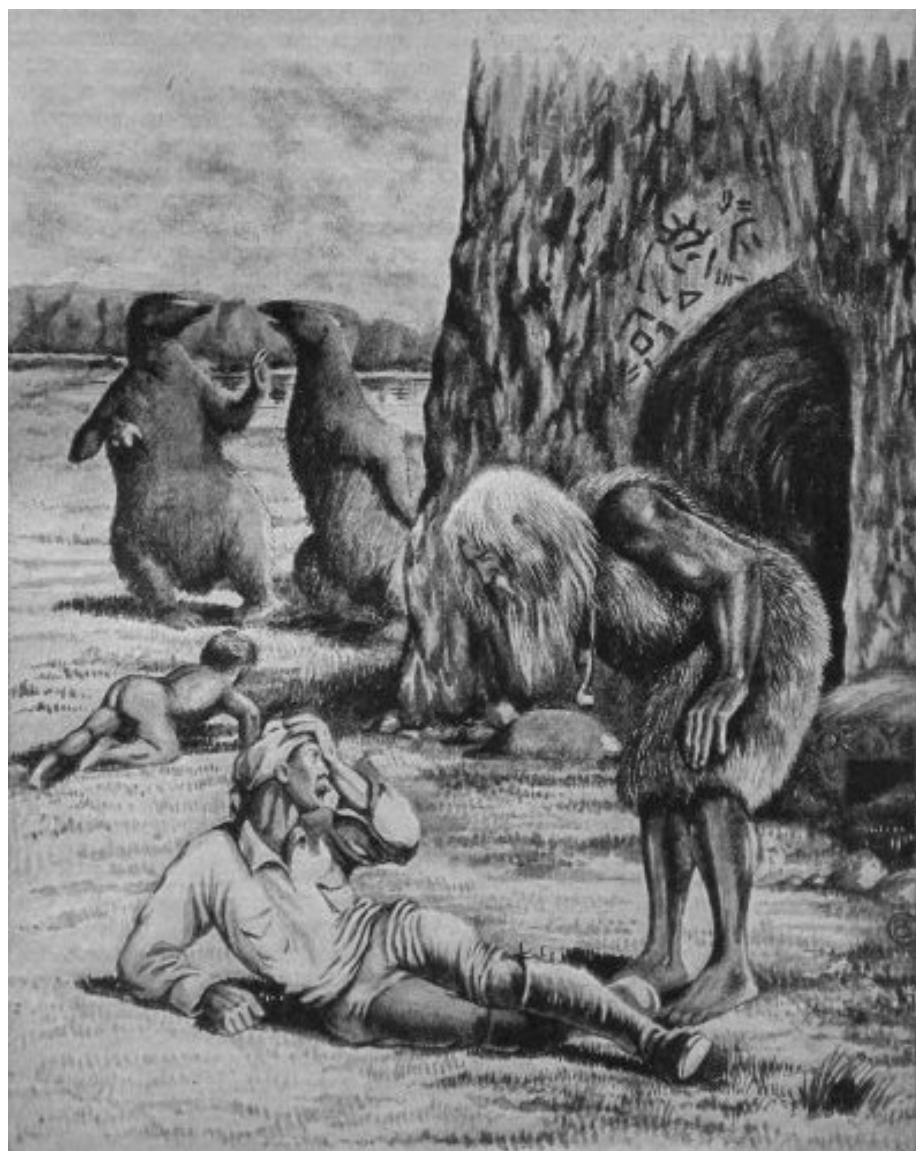
щеры, на длинной каменной скамье с высеченным странного рисунка орнаментом, сидел удивительный человек. Это был великан, даже в сидячем положении превышавший рост взрослого мужчины. Тело его, едва прикрытое темно-зеленой звериной шкурой, было коричнево-красного цвета. Жесткие седые волосы и борода окаймляли львиной гривой довольно привлекательное лицо с небольшими, живыми, близко к переносице сидящими глазами.

Старик строгал кусок дерева каким-то странным снаряжением — не то ножом, не то напильком, сделанным, как показалось Лавро, из латуни. Заметив, что охотник шевелится, старик поднялся. Да, это был настоящий великан — двух с лишним метров высоты — с прекрасной, сухой, мускулистой фигурой, несколько сгорбленной от старости, но еще гибкой и могучей. Подойдя к Бригиде, он наклонился над ним и не по росту тихим и странно тонким голосом спросил что-то на непонятном языке, в словах которого, очевидно, преобладали согласные буквы.

— No comprende*! — ответил Бригида на аргентинском наречии, затем, в свою очередь, задал старику несколько вопросов: где он, что с ним сделали, почему у него болит голова?.. Повторил вопросы на ломаном французском, английском и немецком языках, даже, подумав, заговорил по-украински, но убедился, что его не понимают.

Дружелюбное поведение великана ободрило Лавро. Он знаками объяснил, что ему хочется пить, что у него очень болит голова и лежать неудобно, а хочется сесть. Все это старик, очевидно, понял, так как, сходя в пещеру, принес большую глиняную чашку, украшенную теми же орнаментами, что и скамья перед пещерой. В чашке была ледяная вода и плавали неизвестные Лавро мягкие коренья приятного запаха, но горькие на вкус. Когда охотник напился, старик из той же чашки намочил обвязывавшую его голову ткань, затем осторожно и легко поднял его под мышки, отнес к пещере, посадил на скамью. Сам сел рядом и с видимым любопытством искоса стал разглядывать Лавро, в

* «Не понимаю».

особенности — его платье. Даже потрогал большим коричневым пальцем алапаргаты* и толстые ботинки конской кожи, в которые был обут охотник.

И Бригида рассматривал своего соседа. Внимание украинца привлек предмет странной формы — камень с продолбленным вверх ушком, висевший на шее старика на тростниковой бечевке. Когда Лавро протянул было руку к этому предмету, великан вдруг вскочил и, яростно замахнувшись огромным кулаком на испуганного охотника, быстро проговорил какую-то длинную фразу. Тотчас же успокоившись, он снова сел, но зажал в кулак висевший на шее камушек и, подняв вверх большой палец свободной руки с выражением торжественной важности, даже слегка зажмурившись, произнес одно слово:

— Аталдатл!

Ребенок, между тем, ползал за двумя пасшимися зверями и весело смеялся, когда неуклюжие твари при его приближении переваливались, издавая скрипучее хрюканье, и уходили в глубь луга. Сбоку, из-за поворота скалистой гранитной стены неся непрерывный шлепающий треск, принятый Лавро в полусознании за звук бабьих вальков на родном Буге. Боль в затылке постепенно уменьшалась, Лавро почувствовал голод и объяснил это знаками. Старик снова вошел в пещеру, вынес большую круглую лепешку («Совсем вроде нашей мамалыги!» — подумал Лавро) и огромный ломоть жареного мяса. Все это было пресно и, как ни объяснял Лавро, что «треба посолыты», — старик ничего не понял. Пришлось есть пресную тягучую лепешку и пресное, жирное, довольно грубое мясо с неприятным привкусом.

Поев и напившись воды, Бригида попробовал встать и сделать несколько шагов. Это, несмотря на головокружение и боль в затылке, удалось. Ему захотелось заглянуть в

* Алапаргаты — кожаные гамашы.

пещеру, по-видимому, служившую жилищем старику. Но великан повелительным жестом остановил его, объяснив знаками, что туда ходить не разрешается.

Тогда Лавро пошел по направлению к лугу. Старик последовал за ним на некотором расстоянии. Кроме виденных двух зверей, на этом лугу вдали паслось еще много таких же созданий. За выступом гранитной стены открывался вид на большое озеро. Вдоль озера тянулась широкая каменная набережная, окаймленная отвесной стеной гранитных утесов. В утесах темнели кое-где входы в такие же пещеры, какую занимал старик.

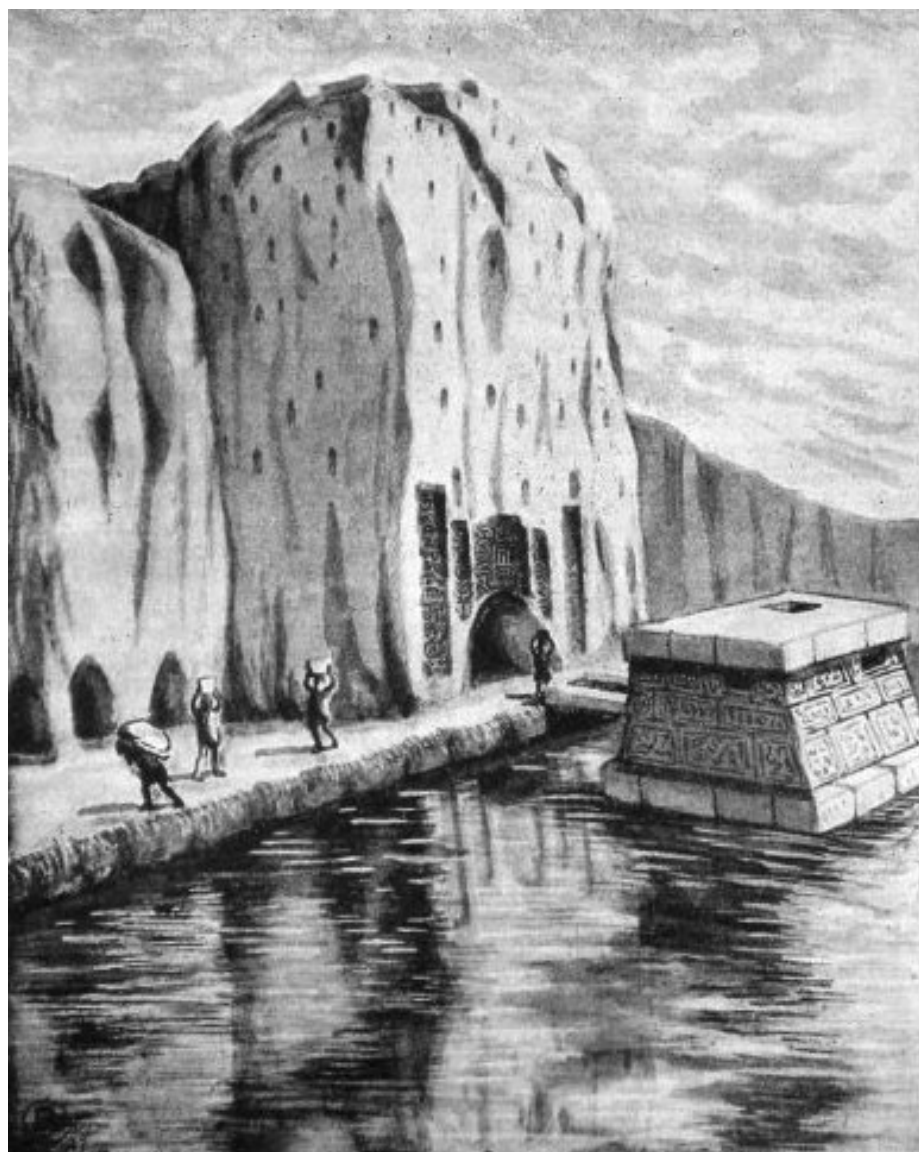
В полукилометре от места, где стоял Бригада, скалы выступали наподобие высокой башни, украшенной странными изваяниями и орнаментами, между которыми сквозило множество больших и малых отверстий, похожих на окна или, вернее, балконы, — все отверстия выходили на плоские выступы, вроде каменных платформ. Против этого природного гранитного небоскреба на озере виднелось неуклюжее сооружение, сложенное из грубых глыб камня, и от сооружения неслись через водную гладь те шлепающие звуки, на которые Бригада уже раньше обращал внимание.

Дальняя сторона озера терялась в туманной заросли, ограниченной теми же высокими скалами.

По набережной бегало и играло много огромных детей, очевидно, различного возраста. Мысленно прикинув расстояние, Лавро решил, что двое-трое таких малюток могли бы здорово поколотить его, сильного со стальными мускулами мужчину. Несколько взрослых великанов, очевидно, занятых работой, поспешно переходили от здания на озере к пещерам и обратно, переноса на плечах какие-то тяжелые предметы. Все они были одеты в такой же меховой костюм, как и старик.

— Гм! — проворчал Лавро. — Дитей богацько, та де ж бабы заховалыся?*

* По-украински — «детей много, но где же женщины попрятались?»

Он попытался объяснить свои недоумения старику, и притом столь выразительными приемами, что тот, наконец, догадался и, ткнув пальцем по направлению к гранитному небоскребу, произнес все то же слово:

— Аталдатл!

— Чудно! — подумал украинец. — Неужели все их жинки и дивчата живут в той башне? А кто же занимается хозяйством — шьет, обед варит?

Старик не позволил Лавро идти дальше по набережной, и тот понял, что он пленник, что старик приставлен к нему сторожем, что странный народ великанов, населяющий эту местность, считает почему-то его, Лавро Бригиду, «погатым». Иначе он не мог объяснить себе запрещение старика войти в его пещеру и даже приближаться к жилищам прочих соплеменников.

До вечера в положении Лавро не произошло никаких перемен. Пить и есть старик давал ему сколько угодно, относился к пленнику со своеобразным благодушием, но не разрешал далеко отходить от пещеры и почему-то воспротивился желанию Лавро снять повязку и промыть рану на затылке.

К вечеру воздух засвежел, от озера поднялся молочный туман.

Со стороны луга раздалось многоголосое скрипучее хрюканье, и земля задрожала от приближавшегося топота. В вечерних сумерках мимо пещеры потянулась вереница медленно, вперевалку выступавших зверей. Стадо было велико и проходило долго. За последними животными шел пастух-великан, вооруженный толстой, заостренной на конце дубиной, которой он колот мохнатые спины отставших гигантов. Те, хрюкая, почесывали уколотое место передними лапами и прибавляли шаг, но некоторые принимались артачиться: падали на четвереньки, брыкаясь задними ногами, или, широко разевая пасть, издавали частое стрекотание и, размахивая передними лапами, лезли грудью на пастуха. Тот, нисколько не смущаясь, без всякой пощады снова колот их в брюхо, в грудь, куда попало, либо

изо всей силы колотил увесистой дубинкой по голове, и мохнатые буяны быстро смирились.

Когда топот стада замер вдали, а в небе зажглись сияющие звезды, старик вынес из пещеры охапку сена, бросил ее на скамью, потом притащил тяжелую огромную шкуру зеленого зверя и знаками приказал пленнику лечь спать и укрыться шкурой.

Несмотря на необычайную обстановку и неприятный запах, распространяемый тяжелой звериной шкурой, Лавро почти мгновенно заснул.

VI.

Могила великанов

Лаврентию снилось, что он, лежа на шкуре зеленого зверя, летает по воздуху над озером. Солнце ярко светило в глаза странным колеблющимся светом, но вдруг приплыли черные тучи, подул сильный ветер, и шкура стала принимать вертикальное положение, резко поворачиваясь то в одну, то в другую сторону. Крепко вцепившись в зеленый мех, охотник каждое мгновение рисковал сорваться со страшной высоты в воду, то вниз головой, то, наоборот, вниз ногами, мысленно решая, что падать лучше вниз ногами... Потом ветер стих, шкура низко спустилась над мрачными шумящими волнами озера, стало очень холодно, и Бригида проснулся.

Ни зеленого луга с пасущимися зверями, ни пещеры, ни старика-великана — ничего из окружавшей вчера охотника картины...

Встревоженный Бригида, не обращая внимания на боль в затылке, вскочил и оглянулся: сзади была скалистая стена, иссеченная странными орнаментами, с полукруглым вверху отверстием двери посередине. Сама дверь, сколоченная из необтесанных толстых бревен, была заперта. Скалистые стены имели форму вогнутого полукруга и окайм-

ляли обширную площадку, или террасу. Впереди, за краем площадки, с того места, где стоял охотник, ничего, кроме неба, не было видно, а когда он шагнул вперед, неожиданно развернулся вид на необъятное пространство моря.

Недоумевая все больше и больше, Лавро осторожно подошел к самому краю площадки и, невольно вздрогнув, отшатнулся: на страшной глубине, внизу, среди черных точек прибрежных скал метался грозный седой прибой, доносясь до верха чуть внятным рокотом. Долго смотрел пленник в эту непрерывно двигавшуюся бездну, стараясь разгадать, для чего новым хозяевам-великанам понадобилось засадить его в эту воздушную тюрьму?

Он только смутно догадывался, что эта площадка является частью гранитного небоскреба, выходявшего, очевидно, передним фасадом на набережную и озеро, а задним фасадом, — так сказать, «черным ходом» — обращенного к морю.

Значит, эта водяная необъятная ширь — Великий океан! В этом не могло быть сомнений: злополучная речка, заведшая его в эти дебри, прорезала Патагонское плоскогорье в направлении с северо-запада на юго-восток.

Он проникся невольным уважением к тем титаническим усилиям, вероятно, многих поколений великанов, которые продолбили в скалах все эти муравьиные ходы и полукруглую огромную террасу над океаном.

— Вот так Аталдатл! — проговорил Лавро, вспомнив слово, которое старик-сторож связывал с этой частью города великанов.

— Аталдатл... — ответил откуда-то тихий голос, заставив Бригиду вздрогнуть от неожиданности. При беглом осмотре террасы ему показалось, что он здесь один. Однако он ошибся: на террасе были еще живые существа: в углублениях или нишах задней стены сидели два великана — взрослый и юноша, почти мальчик, показавшийся Лавро не в пример прочим великанам слабого сложения, с узкой грудью, худыми руками и ногами. Лица обоих поражали странным сходством — не черт, а выражения той мертвенной неподвижности, которую охотник много раз заме-

чал на лицах умирающих... Без сомнения, эти люди умирали, несмотря на то, что на их телах не было ран или других признаков смертельных повреждений...

Бригада робко приблизилась к сидевшим, пробовал заговорить с ними, даже потряс юношу за плечо — напрасно: великаны были немые и неподвижны, и только дыхание, колебавшее на груди меховую одежду, доказывало, что они еще живы.

Необъяснимый страх постепенно овладевал Лавро, запертым в этой воздушной тюрьме в обществе двух шевелившихся трупов... Как безумный кинулся украинец на массивную дверь и, до крови обдирая руки, силился сломать толстые бревна, кричал, бранился, но все было неумолимо тихо, и только из необъятной глубины глухо рокотали волны океана... Устав от неистовых движений, чувствуя тупую боль в голове, Бригада, наконец, свалился на каменный пол и впервые за много лет разрыдался, как ребенок.

Потом его охватило непонятное оцепенение...

Мимо него, по площадке, ровным, спокойным шагом шла женщина. Это была первая женщина-великан, которую он видел так близко. Ростом она была несколько ниже муж-

чин своего племени, но все-таки на голову выше Бригиды (среди обыкновенных людей считавшегося высоким мужчиной). Она была одета не в шкуру, а в какую-то рубашу из серой грубой ткани, стянутую в талии тростниковым кушаком, концы которого оканчивались плоскими металлическими бляхами. Длинные черные волосы, схваченные у затылка бечевкой, того же вида, как и пояс, спадали на плечи и спину. Она была безусловно красива, несмотря на свойственное ее племени близкое к переносице расположение продолговатых темных глаз.

В руках женщины дымилась глиняная чашка с каким-то питьем. Она направилась к двум сидевшим великанам и положила руку на косматую голову старшего. От этого прикосновения мертвое лицо великана исказилось судорожной гримасой.

Женщина поднесла к его запекшимся губам чашку. Несчастный жадно глотнул несколько раз, потом вздрагивавшей рукой снял с шеи и протянул женщине каменный амулет. Женщина надела его на шею и направилась к юноше.

Жутко было смотреть на его лицо: оно подергивалось в конвульсивных гримасах! Глаза, устремленные на приближавшуюся фигуру, все расширялись, отражая ужас, тоску, мольбу... Лаврентий отвернулся. Он слышал лишь лязг зубов о края чашки и понял, что юноша пил, а когда мимо проплыла тихой тенью женщина, он заметил на ее шее два амулета... Прежде чем Бригада опомнился и бросился вслед за ушедшей, дверь со стуком захлопнулась, — все опять смолкло.

Солнце торжественно тонуло в кровавом хаосе облаков, край площадки узкой раскаленной полоской выделялся на темно-лиловом фоне моря...

Бригада то смотрел на эту красивую черту-границу, то озирался на окутанный уже густой вуалью вечерней тени угол площадки, где скорее угадывались, чем виднелись две скорченные фигуры. На сердце было смутно-тревожно, голова кружилась от обрывков бесформенных догадок...

Вдруг одна из фигур отделилась от стены и пошла вперед. Это был взрослый великан. Он подвигался ритмическим, напряженным шагом лунатика с простертыми вперед руками, с закинутой назад головой... Чуть трогал ласковый ветерок его длинные волосы, и весь этот огромный лиловый силуэт, обрамленный багровым закатом, производил жуткое, потрясающее впечатление. Красная черта-граница медленно подползала к безостановочно двигавшимся ногам. Лавро приковался зачарованным взглядом к этим огромным голым ногам, на пальцах которых тускло поблескивали ногти... Ему показалось, что эти ноги и весь великан, как призрачная птица, взлетели вверх и бесследно растаяли в воздухе. Впереди быстро тускнела зловещая, красная черта...

Рядом с собой Лавро услышал надрывное дыхание загнанной лошади и, вздрогнув, оглянулся. Юноша-великан с низко опущенной головой, спотыкаясь, бежал к тускневшей черте, руки его беспорядочно болтались во все стороны. Лавро попытался догнать его, удержать, крикнуть, но не мог: странная слабость сковывала члены, а язык онемел.

Добежав до края, великан точно опомнился, конвульсивно прынул назад, покачнулся — и с жалким криком рухнул в бездну... А через минуту потемнела и угасла кровавая граница страшной могилы... Надвинулась ночь...

Лавро понял, что на глазах его только что совершалась по приказу неведомого деспота неслыханно-жестокая казнь... Казнь, где приговоренный к смерти сам казнил себя, вопреки воле, вопреки горячему протесту жаждавшего жизни здорового, сильного тела. И мысль, что над ним, Бригидой, совершится сегодня или завтра этот же бессмысленный приговор, пронизывала все существо охотника невыразимым ужасом.

VII.

Неожиданное спасение

Не спалось в эту ночь Бригиде. События последних дней поколебали даже его закаленные нервы многолетнего бродяги. Положение представлялось до того безнадежным, что не раз в голову приходила мысль ринуться вниз со скал по собственной воле, а не томиться, ожидая жестокого приказа неизвестного судилища.

Тоскливо бродил пленник по своей странной тюрьме, смотрел на равнодушно мигавшие звезды, думал о далеком любимом Подольском захолустье и о судьбе, так безжалостно исковеркавшей его жизнь мирного хлебороба, забросившей его в эту страну, где он должен носить несвойственную ему маску бродяги.

Бригида сел недалеко от края платформы, подпер голову кулаком и запел:

Стоит гора высокая,
А пид горою гай...

Сильный красивый голос украинца, отраженный гранитными скалами, широко лился в загадочную тьму бездны, отвечавшей грустному напеву далеким рокотом прибоя...

А молодость не вернется
Не вернется вона...

продолжал певец и, услышавши сзади чуть слышный шорох, быстро оглянулся. На террасе, прислонясь к стене, стояла женщина — вестница смерти, а в открытой двери неясно вырисовывалось еще несколько фигур. Женщина знаком приказала Лавро не двигаться с места и продолжать прерванное пение.

В уме хитрого украинца мигом созрел план воспользоваться неожиданным преимуществом, которое, очевидно,

доставляло ему пение. Он отрицательно покачал головой, указывая вниз на дно пропасти, и с грустным видом отвернулся, украдкой наблюдая за результатами маневра. Женщина приблизилась к открытой двери, отвесила почти-тельный поклон, быстро и горячо заговорила, очевидно, в чем-то убеждая лицо, находящееся внутри здания. Когда она кончила, наступила пауза, потом голос — тоже женский — ответил:

— Аффа харм...

Женщина вошла в дверь и, тотчас же вернувшись к охотнику, улыбаясь, протянула ему каменный амулет на тростниковой бечевке, знаками объясняя, чтобы он надел его на шею и был спокоен за свою участь. Сопоставив то, что у приговоренных к смерти великанов отбиралось это шейное украшение, а ему, наоборот, приказывали надеть этот предмет, что старик-великан относился к шейному камню с особой бережностью, Лавро понял, что ему даруется жизнь, и произнес в форме вопроса знакомое слово:

— Аталдатл?

— Аталдатл, аффа харм! — улыбаясь ответила женщина и закивала головой.

Лавро выразил, как умел, свою благодарность и продолжал пение, причем заметил, что большее впечатление на слушателей производят печальные песни: «Виют витры» и другие в этом роде.

VIII.

Законы Аталдатл

С этой ночи Бригида сделался полноправным гражданином страны великанов, причем впоследствии, когда научился понимать их язык, узнал, что он — первый из иностранцев, удостоившийся такой чести. Все его предшественники (а их было несколько), проникшие в это замкну-

тое царство, погибли по велению строгих, непоколебимых законов, которыми управлялась эта странная община.

В одной из зал гранитного дворца-храма — резиденции божественной Аталдатл — были собраны вещи, оставшиеся от казенных пришельцев: тут находились средневековые испанские шлемы, шпаги, кремневые громадные пистолеты, быть может, некогда украшавшие воинственных головорезов из предприимчивых отрядов Пизарро; были полустлевшие латинские молитвенники и грубые коричневые сутаны монахов-миссионеров. Последним по времени «экспонатом» своеобразного музея была лакированная круглая шляпа и принадлежности костюма английского моряка начала прошлого столетия, и тут же были сложены вещи самого Бригиды, впоследствии ему возвращенные.

Предание народа великанов гласило, что некогда «отец света» Ванифалиту, дал дочери своей — мудрой Аталдатл — определенное число каменных амулетов черного цвета для мужчин и красного — для женщин, приказав ей раздать эти амулеты детям своим, населявшим страну. «Лишних» сыновей и дочерей владыка света брал к себе, причем жить в стране Аталдатл имели преимущественное право только безукоризненно развитые, физически сильные или приносившие пользу, способные люди. Поэтому при недостатке «каменных паспортов» Ванифалиту, при посредстве Аталдатл, всегда призывал к себе всех старых, болезненных, получивших увечья на работе, или, наконец, так или иначе провинившихся против законов великанов. Единственным исключением в этом подборе был отец царствовавшей верховной жрицы, который имел право жить в стране или до своей естественной смерти, или до смерти дочери.

Должность Аталдатл была пожизненна: каждая верховная жрица назначала при жизни преемницу, которая впоследствии должна была заменить умершую, приняв ее имя — Аталдатл — и все ее права. Эта вторая жрица, так сказать, престолонаследница, была единственным звеном, соединявшим Аталдатл с народом. Через нее народу сообщались все веления великого «отца света», через нее же отбирались каменные амулеты у приговоренных к смерти и

через нее же они раздавались юношам и девушкам, достигшим брачного возраста и признанным на ежегодном «смотре» достойными стать гражданами страны великанов.

Гигантские звери — единственное домашнее животное народа — охранялись как дар владыки, с особой тщательностью. Кроме мяса, служившего питанием для всего племени, они доставляли мех, из которого изготавливались одеяния для мужчин-великанов, ковры, устилавшие каменный пол пещер, постельные принадлежности (одеяла, подушки). Необыкновенно прочная шкура зверей находила широкое применение в первобытной технике великанов: из нее выделывались ремни, дверные петли и другие предметы домашнего обихода, а вытапливаемый из туши и костей жир употреблялся для освещения внутренних помещений дворца Аталдатл. «Мужские пещеры», равно как и служебные помещения храма, освещались в случае надобности факелами из смолистого хвойного дерева.

Самовольно убивший зверя или нанесший ему тот или иной вред, немедленно призывался на суд «отца», то есть на закате солнца бросался со скал в море. Так умер на глазах Бригиды пастух стада, по недосмотру которого одно из гигантских животных, случайно открыв тайную дорогу из страны великанов, пробралось (на глазах пастуха) через скалы и совершило известную читателю прогулку вдоль патагонской речки, побудив своим появлением Лавро пуститься в рискованное приключение, кончившееся его пленом у великанов.

Каждый день, утром и вечером, при выходе из гранитного храма-дворца, вторая жрица, в присутствии пастуха, пересчитывала зверей, и только по ее приказу ежедневно для питания племени убивалось несколько животных. Кроме мяса зверей, едой великанам служил хлеб, изготавливаемый из кукурузы, плантации которой тщательно возделывались на огромном участке земли, защищенном каменной оградой от случайного вторжения прожорливого стада гигантов.

Великаны-мужчины выполняли все работы в стране. Они трудились в кукурузных полях, запасали сено для зимнего кормления стада, рубили лес, распиливали на части стволы деревьев, сваленных стадом, перетаскивали гигантские бревна к пещерам; они же работали в строении, расположенном напротив каменного храма, — фабрике, где для потребностей всего племени изготовлялась мука и прочая пища. Все женщины племени жили в каменном дворце-храме, нижний этаж которого состоял из логовищ-конюшен для зверей и складов топлива и сена, служившего зверям пищей в зимнее время.

Каждый год, после сбора урожая, при наступлении холодной погоды, когда стадо переставало выходить из берлог, по велению все той же всемогущей Аталдатл, заключались браки — вернее, «назначались» брачные пары по выбору жрицы. «Назначенный» мужчина переселялся в храм, где ему и его временной жене отводилась особая квартира. С началом рабочей поры, мужья должны были покидать свои недолговечные «домашние очаги», а дети, явившиеся результатом этих браков, по миновании грудного возраста, который в стране исчислялся в три года, или оставались при матерях, если ребенок был девочка, или переходили на жительство в пещеру отца, если ребенок был мальчик. Кроме воспитания потомства, женщины занимались выделкой ткани, служившей им одеждой. Мужчины сами изготовляли себе платье из меха зверей.

Власть верховной жрицы была неограниченна; ее веления исполнялись беспрекословно, а неисполнение какого-либо приказа каралось судом «отца света». Каков этот суд, конечно, великаны не знали; им было лишь известно, что, перешагнув роковую черту на террасе смерти по определенному ритуалу, каждый призванный на суд попадает во власть загадочного Ванифалиту и никогда обратно не возвращается.

Впоследствии Лавро узнал, как удалось ему избавиться от путешествия на суд владыки: когда обнаружилось исчезновение зверя, в погоню за ним был послан старик — отец Аталдатл, так как только он, сама Аталдатл и ее преемница

были посвящены в тайну безопасного выхода из страны. Старику не удалось настигнуть зверя, и тот благополучно отправился в свою дальнюю прогулку, закончившуюся встречей с Лавро и бегством зверя в обратном направлении.

Старик решил выждать возвращения зверя, — он знал, что, не найдя себе достаточно пищи, гигант недолго побродит в чужом мире. Так и случилось: зверь вернулся через несколько дней и так ослабел, что не смог преодолеть крутого подъема на тайную тропинку, сорвался в озеро под водопадом и погиб. Неожиданное появление Бригиды помогло старику с честью выйти из затруднительного положения. Он оглушил невиданного, странно одетого карлика и принес его с собой, сообщив дочери все подробности приключения.

Аталдатл велела объявить народу, что вместо провинившегося зверя «великий отец» прислал к ней странного карлика, который должен возвестить ей волю Ванифалиту относительно пастуха стада. Жрице нужно было время, чтобы обдумать судьбу несчастного пастуха: уничтожить его, узнавшего, хотя и невольно, тайну выхода из страны, предписывало благоразумие и закон, но было трудно сразу найти ему заместителя, так как звери требовали особых приемов. К тому же разгар рабочей поры не позволял взять в пастухи кого-либо из мужчин, без ущерба для общей пользы.

Закон повелевал также уничтожить и нового пришельца, — однако неожиданные таланты «карлика» дали мыслям жрицы новое направление. Горячее заступничество за пленника молодой Фарунх, преемницы и помощницы Аталдатл, решило участь Бригиды.

Народу была сообщена воля «владыки света»: прежний пастух призывается в Страну Отца, а вновь присланный карлик назначается по повелению Ванифалиту хранителем стада; посему даются ему все права гражданина страны великанов, и подобает относиться к нему с должным уважением, как к слуге «отца света».

Такова была страна, где Лавро приходилось начинать новую жизнь...

IX.

Новые обязанности

Когда новая покровительница Бригиды — жрица Фарунх объяснила ему пастушеские обязанности, украинец был в большом смущении, он боялся не справиться с несколькими сотнями гигантских зверей, из которых каждый мог убить его «легким» ударом лапы. Очевидно, понимая его тревогу, Фарунх дала ему нужные указания: объяснила жестами, даже целыми немymi сценами, как нужно обращаться со стадом в разных случаях, как надо колоть дубинкой упрямящихся гигантов или колотить их по голове толстым ее концом. К зверям надо подходить всегда смело, решительно, впрочем избегая попасть им под ноги, не тревожить их во время сна и во время первой вой еды, когда они голодны; никогда не бить вожака стада, старого громадного самца, так как, несмотря на присущую этим зверям доброту, вожак может быть очень опасен, если его разозлить, например, не позволив вести стадо туда, куда он захочет.

В заключение Фарунх дала Бригиде горшок с мазью, к запаху которой звери привыкли, и велела охотнику намазать этой мазью тело, а затем заменить свое платье одеждой великана, что было довольно затруднительно, так как «костюмы» мужчин племени были все велики для Лавро. Только костюм подростка, сшитый из шкурки молодого животного, оказался впору. Когда переодевание было закончено, Фарунх объявила, что первое время будет сопровождать нового пастуха, помогая ему постигнуть «тонкости обращения» со зверями, и указала при выходе из каменного храма нишу, стоя в которой надо ожидать появления зверей из берлог.

Вооруженные тяжелыми копьями-дубинами из крепкой пальмы, Фарунх и Бригида взобрались в нишу и стали ждать. Ждать пришлось недолго. Как только выходное отверстие храма побледнело в первых лучах зари, из берлог, откуда распространялось удручающее зловоние, послышалось друж-

ное многоголосое хрюканье и стрекотание; потом раздался топот тяжелых шагов — и гигантскими меховыми шарами в полумраке стали выкатываться звери, следуя за важно выступавшим впереди вожак. Когда вышли последние животные, Фарунх прыгнула вниз и пошла за стадом, Бригида последовал за ней.

Вожак во главе своей неуклюжей армии с быстротой, трудно вязавшейся с громадными размерами тварей, устремился вдоль набережной, миновал изгиб скалы и повернул к лесу. Пройдя район, где деревья были частью поломаны, частью смяты, — очевидно, место пастбища в предшествовавшие дни, — вожак первый накинудся на толстое высокое дерево. Гигант обхватил его передними лапами и, упираясь грузными задними ногами и хвостом в землю, стал гнуть к себе роскошную крону. Однако, дерево было крепко и плохо поддавалось. Голод, близость еды и сопротивление дерева приводили зверя в ярость. По временам, разевая пасть, он выпускал короткое гневное стрекотание и так тряс дерево, что ломались огромные листья и дождем сыпались куски коры. От этих титанических раскачиваний у подножья дерева образовались огромные бугры. Наконец, с оглушительным треском лопнули корни, и дерево стало валиться. Гигант отскочил в сторону с удивительной легкостью и, когда завтрак рухнул, с жадностью набросился на сочную крону. Тем временем остальные звери атаковали другие деревья.

Фарунх объяснила, что, когда взрослые звери наедятся, надо выгнать стадо из зарослей, нельзя позволять молодежи зря баловаться и ломать молодые деревья, ибо леса становится все меньше, что сильно тревожит правительницу.

Трудно было Бригиде в первый раз справиться со стадом. Лавро запыхался, даже подумывал присесть отдохнуть где-нибудь в холодке, но, взглянув, как ровно и спокойно дышит Фарунх, как бодро выступает вслед за стадом — устыдился. Не доходя до полосы лугов, вожак присел на корточки, затем грузно повалился на бок и растянулся, лениво вылизывая брюхо, очевидно, готовясь спать. Стадо пос-

ледовало его примеру, причем некоторые звери, покрывавшая, стали кататься по земле, выгоняя из густой шубы паразитов и древесных клещей, а другие, подойдя к озеру, пили, плеща длинными оранжевыми языками и очень забавно чихая, когда брызги попадали им в ноздри.

Бригида и Фарунх присели в тени деревьев, на опушке заросли. Жрица пояснила знаками, что теперь стадо проспит до второй половины дня и, таким образом, пастух может отдохнуть довольно продолжительное время. Она попросила украинца снова спеть что-нибудь, и, пока он пел, внимательно следила за его ртом, горлом и дыханием. Нескольким раз Фарунх пыталась сама запеть, но это ей не удалось: из горла ее выходило лишь весьма неприятное хрипение. При очевидном наличии сильного и приятного тембра голоса, жрица совершенно не имела понятия о том, как придавать звукам, выходящим из гортани, форму отдельных нот, слагающихся в мелодию.

Лавро с величайшим старанием принялся обучать свою покровительницу пению, но из первого урока толку не вышло — быть может, потому, что сам учитель не уяснял себе механизма пения, а пел бессознательно, как поют птицы.

Покончив с уроком пения, Лавро не без успеха стал обучаться языку великанов: он указывал жрице разные предметы вокруг себя, прикасался к глазам, носу и пр., производил жевательное движение, изображавшее понятие «есть», «пить», «глотать», затем вопросительно взглядывал на Фарунх, а та называла нужное слово, причем часто ее ответы приводили Лавро в веселое настроение. Так, например, узнав, что «по-великански» нос называется «баубл», Бригида расхохотался до слез, повалившись навзничь на траву и, к немалому изумлению собеседницы, снова и снова принимался хохотать, повторяя:

— А и що ж то за умора... Який же ж це у биса «бубл»!

Фарунх, в конце концов, с беспокойством схватила себя за нос, чем вызвала у охотника новый взрыв хохота.

Вообще в этом странном языке было много слов с окончаниями на слоги «овл», «катл», даже «ритл» и «митл»...

Веселый урок кончился тем, что Лавро стал учить жрицу по-своему, по-украински, но и тут дело не обошлось без курьезов, так как Фарунх не могла повторить многих слов и вообще все слова украинские коверкала на свой «бублый» лад, так что из «журьтяться» (грустить) у нее получилось какое-то нелепое слово. Так или иначе, но время до полудня пролетело весело и незаметно. В полдень пастух и жрица пообедали лепешками, а затем вздремнули, проснувшись вместе со стадом, уходившим под предводительством вожака к лугам «на ужин».

Вечером первого дня пастушества, Лавро так устал от беготни за стадом и от таскания увесистой дубины-копья, изрядно понамаявшей ему плечи, что еле добрался до каменной комнаты в храме и заснул так крепко, что на другой день Фарунх пришлось довольно энергично будить его.

Х.

Загадка озера

Неделя за неделей, месяц за месяцем жил Бригада в стране великанов и, несмотря на то, что с ним все обращались почтительно, что жилось ему в общем легко и беззаботно, все не мог привыкнуть к новой обстановке.

Когда однажды Фарунх объявила ему, что по воле великой Аталдатл в ближайшее «свадебное время» ему, Бригиде, предстоит честь стать мужем Фарунх, это известие не только не обрадовало, но встревожило украинца. Не мог он при всем желании смотреть на окружающее серьезно. Великаны, звери, даже сильно нравившаяся ему «невеста» Фарунх — все представлялось Лавро сном, мечтой, а мысль как-нибудь удрать из этого диковинного царства в тот мир, где мятется тревожная, трудная, но понятная, обыденная жизнь людей-карликов, — не оставляла охотника ни на минуту. Из разговоров с жрицей он узнал о существовании тайной тропинки, соединявшей эту замкнутую со всех сторон стра-

ну-тюрьму с остальным «обыкновенным» миром. Но где она, эта заветная тропинка?

Фарунх тщательно обходила этот вопрос, уверяя, что не смеет открыть тайну Бригиде, так как боится навлечь на себя гнев «отца света», который призовет ее неумолимо на суд, несмотря на то, что она, Фарунх, второе лицо в государстве великанов. А в чем заключался этот суд — жрица отлично знала, как знала «неофициальную» версию появления в стране великанов Бригиды и вообще все закулисные стороны управления деспотии «божественной» Аталдатл.

Не помогли делу даже соблазнительные рассказы охотника о том, как интересно живут его собратья-карлики, как ездят они по морю на гигантских кораблях, а по земле — на лошадях, поездах, автомобилях, по воздуху на аэропланах и под водой на субмаринах; как одеваются, как строят гигантские дома из железа и камня, какие красивые наряды носят женщины, и как все эти люди-карлики восхищались бы красотой Фарунх, если бы она согласилась покинуть с Лавро эту скучную, мрачную, грубую страну.

Фарунх очень внимательно выслушивала интересные рассказы, но от совместного бегства тоже категорически отказалась. Ее пугал этот неведомый мир людей-карликов. Она не могла представить себе жизнь вне привычных для себя условий.

Пришлось Бригиде искать тайную тропинку самостоятельно.

Он уже давно освоился с управлением стадом. В те дни, когда Фарунх, теперь сопровождавшая его исключительно для собственного развлечения, была занята в храме, он мог на свободе заниматься исследованиями, тем более, что однообразные привычки зверей этому не препятствовали. Украинец попросту предоставлял вожаку управление стадом, а сам забирался далеко в заросли полутропического леса или переносил наблюдения на озеро, особенно привлекавшее его внимание, как очевидный источник той речки, которая в свое время завела его в эту страну.

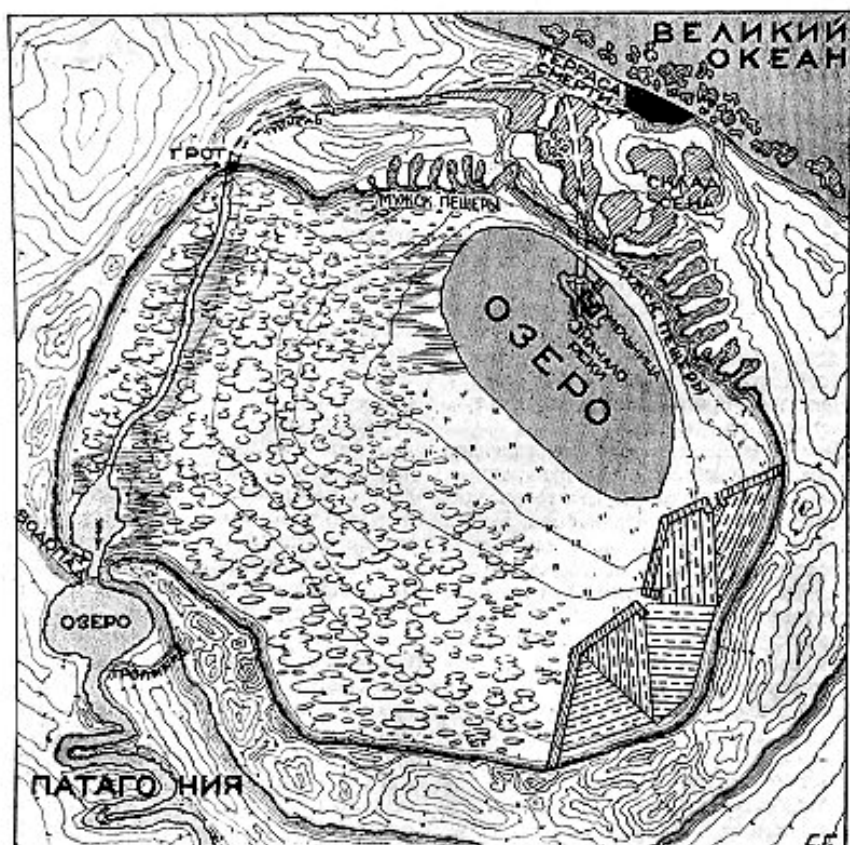

Схема-проект "Страны Воликамон", с горизонтальным разрезом через пещеры и пунктирным обозначением тоннеля, через который протекает река. Женские поселения находятся во дворце (на плане не видно). Непроходимый лес показан, как на планах обозначают обыкновенный лес. Остальные условные знаки взяты такие, как на употребляются обычно при съемке планов.

В озере существовало какое-то течение и притом довольно сильное, судя по скорости, с какой плыли брошенные в воду ветки, устремлявшиеся к городу великанов. Ввиду того, что ветки, даже большие, трудно было наблюдать на далеком расстоянии, Бригида однажды с великим трудом подкатил и бросил в воду большое дерево, вывернутое с корнем одним из зверей. Дерево медленно поплыло к середине озера, по направлению к гигантским стенам дворца Аталдатл. Несколько часов наблюдал охотник за импровизированным огромным поплавком, пока он не исчез в тени фасада водяной фабрики, стоявшей напротив храма на озере, недалеко от набережной, и соединявшейся с ней каменным мостом.

Вечером Лавро проходил за стадом мимо фабрики. Он увидел на набережной мокрое вытащенное из воды дерево, а Фарунх упрекнула его в том, что он, очевидно, плохо смотрел за молодыми зверями, которые, играя, сбросили его в озеро, едва не испортив механизм фабрики. Пользуясь благоприятным предложением, Лавро попросил разрешения осмотреть устройство фабрики, а Фарунх обещала исполнить его просьбу в первый же день, когда на фабрике не будет работы.

На следующий день, в часы, когда стадо отдыхало, жрица повела Бригиду в каменное здание на озере. Оно состояло из двух отделений: одно, побольше, было занято гигантскими, конической формы, жерновами, перемалывавшими кукурузные зерна в муку, из которой тут же в громадном очаге пеклись лепешки; другое отделение, поменьше, заключало двигатель, представлявший обыкновенное мельничное колесо, лопатки которого днем и ночью, без устали шлепаясь по воде, производили те звуки, которые привлекли внимание охотника еще в первый день его появления в стране великанов.

Вода падала на колесо через широкий пролом в стене — стены здания были, очевидно, возведены на подводной скале, продолбленной водой. По ту сторону мельничного вала вода с шумом крутилась в водовороте и уходила куда-

то вниз. Вероятно, это было начало подземного ручья или потока, но так как скалы, куда устремлялись воды озера, являлись продолжением набережной и дворца-храма, то, следовательно, вода из озера вытекает не в патагонскую речку, а куда-то в направлении к Великому океану и, таким образом, все догадки Бригиды опрокидывались. Надо было искать тайную тропинку где-то в другом месте. Но где?

XI.

Бунт зверей

Однажды ночью Лавро был разбужен чудовищным гамом и ревом, несшимся из нижних этажей храма со стороны звериных берлог. Спустившись вниз, он увидел Фарунх и еще нескольких женщин, толпившихся с зажженными факелами над центральным вестибюлем. Отсюда явственно слышалось многоголосое скрипучее стрекотание и хрюканье, сопение, визг детенышей и топот: стадо было чем-то взволновано или раздражено, но до утра ничего нельзя было узнать, так как никто не решился бы войти в берлоги ночью, да еще при таком смятении.

Возня и шум, то ослабевая, то нарастая, продолжались в берлоге всю ночь, а на рассвете, когда наступило время выхода стада на пастбище, не раздалось обычного призыва вожака, и звери из пещер не вышли. Фарунх догадалась, что вожак ночью околел — это и было причиной волнения гигантов. Необходимо было насильно выгнать зверей из берлог, так как, находясь там, они не сумеют наметить себе нового предводителя. Фарунх приказала принести несколько больших факелов и, сделав Бригиде знак следовать за ней, скользнула по боковому коридору куда-то вниз.

Чем дальше, тем все круче спускался ход; повеяло холодной сыростью, и послышалось журчание воды. Минув несколько поворотов, они вышли в обширную пещеру, по дну которой с шумом неся широкий поток, вырываясь

из-под скалистой стены и уходя вглубь под арку широкого подземного коридора. Один берег потока, расширяясь, образовывал площадку, и в глубине этой площадки Бригида увидел груды наваленных друг на друга огромных деревьев. Фарунх направилась к этой баррикаде и попросила Лавро помочь ей разобрать ее. Рискуя быть придавленными поминутно грозившей обрушиться грудой мощных стволов они, после долгих усилий, разобрали верхушку баррикады, которая, как оказалось, закрывала арку прохода.

Из получившегося отверстия их обдало теплом и отвратительным зловонием берлог, а издали послышался рев взволнованного стада, и Лавро понял, что они вошли в звериные пещеры со стороны, противоположной входу. Фарунх зажгла принесенные факелы, часть взяла сама, часть передала Бригиде и с криком, размахивая пылавшими смолистыми ветками, побежала вперед. Лавро последовал за ней, ежеминутно спотыкаясь и скользя в жидкой зловонной грязи, покрывавшей дно берлоги. Впереди смутной громадой колыхался живой мохнатый комок столпившегося стада. Фарунх, а за ней Лавро налетели на эту живую стену с протянутыми вперед охапками факелов. Передние ряды зве-

рей дрогнули и, напирая на задние, попятились. Через несколько мгновений стадо со страшным шумом и ревом, колыхаясь, повалило к далекому выходному отверстию берлог.

Вожак, вытянув громадное тело, лежал мертвый на своем месте у входа в пещеры.

Когда звери были выгнаны и нестройно, в беспорядке, повалили к лесу, несколько крупнейших и сильнейших сам-

Карта „Страны Великанов“. Частые и плавные горизонталы указывают на сильно пересеченный характер местности с внешней стороны кратера. Частая штриховка обозначает условно лес.

цов, яростно расталкивая и давя остальных, протиснулись вперед и пошли во главе стада, тесно прижимаясь друг к другу, стараясь занять первое место, которое оспаривали прочие претенденты. Обычно добродушные и флегматичные, звери были сильно возбуждены, особенно самки с детенышами; то и дело на ходу возникали драки, шлепали увесистые затрещины, слышался визг, и вообще вся эта толпа куда-то торопилась, «перерутиваясь» и толкаясь, как пассажиры бесплацкартного поезда, стремящиеся поскорей занять места в вагонах.

Достигнув опушки леса, головная группа самцов вдруг с ревом сплелась в один чудовищный мохнатый ком и замесалась перед взволнованно стрекотавшим стадом.

Страшно было смотреть на сплетшиеся в борьбе за первенство гигантские торсы. Через мгновение огромная пло-

щадь поляны была изрыта и взбуерачена, словно ураган-ным артиллерийским обстрелом; в воздухе мелькали громадные комья дерна, клочья окровавленного меха, и сквозь рев дравшихся временами слышался жуткий хруст могучих костяков. Наконец, над бесформенным комком стала на-стойчиво вылезать одна гигантская голова с бессмысленно выпученными глазами-бусами. Напрягая богатырские мыш-цы, зверь постепенно освободился от ослабевших соперни-ков и, наградив их двумя-тремя прощальными увесистыми шлепками, весь окровавленный, мокрый и взъерошенный, но с величайшей важностью, прихрамывая, поплелся впе-ред, а стадо шумно потянулось за ним, топча оставшихся на месте раненых или задушенных насмерть участников потасовки. В продолжение всего дня новый вожак то и де-ло сражался с другими крупными самцами, закрепляя свой незыблемый авторитет главы и хозяина убедительнейши-ми оплеухами.

ХII.

Разгаданная загадка

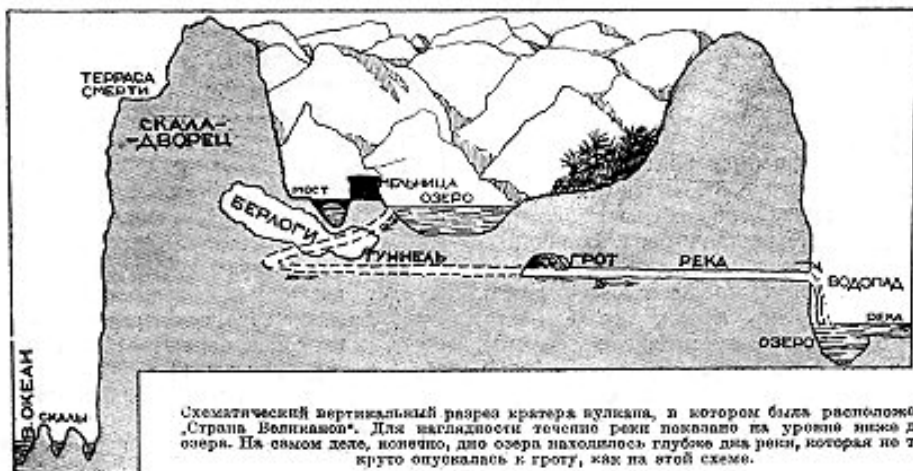
Хотя наблюдение за битвой зверей очень развлекало Бри-гиду, однако мысль о подземной реке и втором входе в бер-логи не давала украинцу покоя. Ему казалось, что суще-ствует какая-то связь между фабрикой на озере, где вода исчезала вдруг в толще скал, и тем широким потоком, ко-торый, выходя из-под скалы позади звериных берлог, не-сется по дну пещеры под арку подземного коридора. Мало того, если предположить, что тем входом в берлоги, каким воспользовались сегодня ночью Фарунх и Лавро, в свое вре-мя воспользовался зверь-путешественник, то становится ясно, откуда начинается патагонская речка и откуда, сле-довательно, надо исходить в поисках тропинки, ведущей к спасению.

Как только наступила ночь и все в храме-дворце смолкло, Бригада тихонько прокрался к тому коридору, по которому провела его ночью Фарунх, и, миновав несколько поворотов, рискнул раздуть спрятанный из предосторожности под меховым плащом тлеющий факел.

Он быстро достиг пещеры и потока и увидел, что сваленные им и Фарунх ночью пни снова подперты бревнами. «Это, верно, работа старика!» — догадался Лавро и пошел вдоль бурлящего потока.

Коридор, по которому неслась вода, был широк и имел просторные берега. Это лишний раз убедило украинца, что зверь ушел именно этой дорогой. В эту ночь Лавро не уходил далеко, опасаясь, что погаснет его единственный факел и что, быть может, Фарунх, Аталдатл или старик вздумают проверить, не догадался ли пленник о значении случайно открытой ему дороги.

Выждав несколько дней и убедившись, что его ни в чем не подозревают, Лавро постепенно перетащил в пещеру запас факелов и несколько ночей подряд тщательно исследовал течение подземной реки, все расширяя свои экскурсии. Однако как далеко ни пробирался он вдоль коридора, ему не удавалось достигнуть конца, то есть того места, где река выходила из-под скал. Постепенно он обдумал план, дававший ему возможность сэкономить драгоценное время. Ночных часов было, очевидно, недостаточно, чтобы пройти до конца подземного туннеля, — и Лавро решил воспользоваться течением реки. Выбрав несколько бревен, он связал их вместе и, подтащив импровизированный плот к воде, отважно пустился в путь, направляя ход своего корабля длинной жердью. Через несколько часов плавания, в конце туннеля стало намечаться туманно-светлое пятно, и вскоре украинец достиг того места, где туннель переходил в обширный, высокий, озаренный голубым лунным сиянием грот. Дальше поток расширялся и протекал в живописных, поросших лесом, берегах, направляясь к туманным громадам скал.

Загадка была разгадана: очевидно, эта река, где-то впереди, через расщелину скал, образуя водопад, свергалась в горное ущелье, по которому несколько месяцев назад Лавро преследовал зеленого гиганта, а если гигант прошел по этим берегам, — значит, есть путь, доступный для человека, путь, по которому можно бежать из царства Аталдатл.

Охотник пустил судно по течению и поторопился возвратиться, так как до момента пробуждения стада надо было пройти, даже пробежать несколько километров туннеля.

XIII.

Бегство

Бригада решил бежать в один из первых дней зимней спячки зверей, когда его исчезновение может быть обнаружено великанами не раньше полуденного — обеденного часа. С величайшими предосторожностями он перетаскивал на берег потока запас провизии и оружие, недавно по его

просьбе возвращенное ему при содействии Фарунх; затем, в течение нескольких ночей соорудил довольно прочный плот с рулем, сделанным из длинного ствола молодого дерева.

Становилось, между тем, все заметнее приближение холодного времени; полевые работы великанов спешно заканчивались; набивались сеном и дровами огромные склады в нижнем этаже; фабрика на озере работала днем и ночью, а стадо стало выходить на пастбище все позднее, причем самки с детенышами совсем перестали покидать логова. Наконец, наступил день, когда звери совсем не вышли из пещеры. По приказу Фарунх толпа великанов натаскала груды сена в ближайшую ко входу часть звериных берлог. Жрица сообщила Лавро, что он теперь свободен от присмотра за стадом, и что через три дня наступит свадебное торжество. Коварный Лавро постарался встретить известие с радостным видом, но тут же решил, несмотря на некоторые укоры совести, бежать этой же ночью, и поэтому сказал Фарунх, что ближайшие три дня посвятит отдыху от сильно утомивших его пастушеских обязанностей и просит не будить его рано.

В сильном волнении украинец дожидался вечера, когда стихнет шум внутри дворца и можно будет начать осуществление опасной экспедиции... «Только бы, — думал он, — добраться до винтовки и плота, а там легко убежать даже в случае погони, так как по берегу невозможно догнать мчащийся плот».

Наконец наступила желанная минута. С тревожно бьющимся сердцем охотник прокрался к подземной гавани, сбросил меховой костюм, взяв на память только «вот этот самый», сшитый им собственноручно пояс, оделся в обычное платье, захватил оружие и провизию и — мигом столкнулся в воду плот, направив его на середину потока, где течение было особенно сильно. Пук факелов на носу плота освещал его путь по извилистому туннелю, стены которого в красном свете огня искрились миллионами рубинов. Но вот, обогнув несколько торчавших из-под воды скал в устье туннеля, плот стремительно выплыл в обширный грот, а

из грота — на середину многоводной реки, протекавшей в лесистых крутых берегах.

Бригида решил проплыть по реке еще немного, чтобы увеличить расстояние между собой и возможными преследователями. Очень долго отдаваться воле течения было опасно, так как впереди уже довольно отчетливо вырисовывался горный кряж, где река свергалась вниз. Направив плот ближе к берегу, охотник стал высматривать, где бы причалить. Он все время держался левого берега: по его соображениям зверь, убежав из берлог, вероятно, шел именно по этому берегу, потому что вряд ли рискнул бы переплыть поток. И действительно, в одном месте на берегу валялось вывернутое с корнем дерево с пожелтевшей кроной, а дальше уныло торчало несколько обглоданных кустов: очевидно, недавно здесь закусывал зеленый гигант.

Пристать к берегу не удавалось. Плот сносило течением к середине, и Бригида с величайшим трудом удерживал его вблизи берега. Несшийся между тем навстречу, нарастая, гул падавшей воды являлся грозным предупреждением. Отчаявшись пристать, Лавро изо всех сил налег на длинную рулевую жердь и направил судно так, чтобы оно несло под свешивавшимися над водой ветвями деревьев. Издали наметил ветку и, когда плот проносился под ней, повис над бурлящей водой, а затем осторожно добрался до берега, изрядно поранив руки.

Дальнейший путь охотника тянулся вдоль реки и намечался деревьями, обломанными зверем, и попадавшимися в топких местах его следами и следами старика-великана.

Во второй половине дня, утомленный длинным, безостановочным переходом, Бригида, наконец, достиг горного барьера, через который река, проложив себе узкую щель, яростно вырывалась на свободу из мрачной страны гигантов.

Охотник оглянулся — и не мог удержаться от радостного восклицания. Влево по крутому горному склону вилась неширокая дорога, несомненно проложенная человеческими руками. Бригида, после короткого отдыха, стал быстро взбираться по горному склону и, обогнув огромную скалу, уви-

дел под собой и бушевавший водопад и в фиолетовых сумерках вдали ущелье патагонской речки.

Тропинка зигзагами спускалась к скале, нависшей над устьем ущелья, к тому месту, где когда-то стоял Лавро, впервые увидавший перед собой kloчущий водопад. Опасная экспедиция его близилась к концу, как вдруг сверху слышался крик. Лавро вздрогнул и оглянулся — над ним, высоко на повороте горной тропинки стояла Фарунх.

Несколько мгновений ее гордая, величественная фигура, четко выделяясь на фоне темневшего неба, сохраняла неподвижность бронзовой статуи. Потом, протянув руки к охотнику, Фарунх стала звать его. Бригада отрицательно покачал головой и, указывая по направлению к ущелью, знаками стал предлагать жрице присоединиться к нему.

Неожиданно девушка наклонилась и, когда снова выпрямилась, в руках у нее был зажат большой камень. Она ступила несколько шагов вперед и замахнулась, а Лавро инстинктивно зажмурился. Когда, через минуту, он взглянул вверх, Фарунх быстрым твердым шагом взбиралась вверх по крутой тропинке и, ни разу не оглянувшись, исчезла за скалой...

...Через месяц Бригада работал в качестве «эскаладоре»* в большом степном ранчо и, как странный сон, вспоминал свою жизнь в стране великанов. В самом деле, трудно было себе представить в сравнительно близком расстоянии от прозаических построек обширного промышленного владения «бараньего короля», этого важного торговца Альваро ди Каруна, — другое, сказочное царство Аталдатл с людьми-великанами, с гигантскими невиданными зверями, гранитным храмом-лабиринтом.

Фарунх... Что стало с ней? Неужто, по таинственному приказу свыше, она тоже отправилась на суд в «страну отца света»?.. И часто перед мысленным взором украинца возникала одна и та же волнующая картина... Мрачная терра-

* Эскаладоре — стригальщик овец. Весенний сезон (апрель южного полушария Земли соответствует нашему октябрю) такие «овечьи парикмахеры» странствуют по всей Патагонии

са дворца Аталдатл, окутанная вечерними тенями... Впереди сверкает кроваво-красная черта, отделяющая жизнь от смерти... И к этой черте обычным решительным, спокойным шагом идет молодая жрица, вопреки жестоким законам своего народа пощадившая жизнь пленника...

Неистово зазвонивший колокольчик возвещал о закрытии заведения Дель-Варто. Было уже совсем светло, и к гавани с грохотом тянулись вереницы грузовых авто, нагруженных серыми мешками с красными трафаретами фирменных марок и клейм...

Генри Де Вер Стэкпул
ИЗ ГЛУБИНЫ ГЛУБИН

I.

Выход в Японское море

Произошло повреждение на линии Владивосток — Нагасаки.

Кабель Владивостока-Нагасаки пролегает в шести тысячах футах от бухты Петра Великого и на глубине десяти тысяч футов проходит около 42-ой параллели северной широты, южнее ее.

Японское море, к югу от 42° северной широты, имеет форму громадного блюда в триста миль ширины и четыреста миль длины, простираясь от северной части Матсу-Шима до той широты, на которой находится самая южная бухта всей сибирской территории — залив Поссьета.

И вот, пароход франко-датской телеграфной компании «Президент Гирлинг», зайдя для ремонта в Гонконг, получил там известие об этом повреждении и, одновременно, приказ произвести починку кабеля.

«Президент Гирлинг» имел турбинный двигатель и был последним словом техники, начиная с заслонок и переборок и кончая грапнелем*, — бреймовским патентованным грапнелем с клещами из цельной стали, изобретатель ко-

* Своеобразная «кошка» для нащупывания и захвата извлекаемого подводного кабеля (Здесь и далее редакц. примеч. из оригинальной журн. публ.).

торого был главным кабельным инженером на том же самом «Президенте Гирлинге».

Известие пришло на борт судна в 11 часов утра, и капитан Грондааль получил его в тот момент, когда выходил на палубу из рубки кают-компаний. Он сейчас же отправился отыскивать главного корабельного инженера Брейма, занятого в это время работой на носу.

Перед капитанским мостиком помещалась электрическая станция, а за нею подъемный аппарат, состоявший из громадного барабана, вокруг которого вился намотанный на него канат. Рядом стояла машина, вращавшая этот барабан. Окрашенные в красный цвет буи так и горели под ярким солнцем, заливавшим палубу, устланную канатами от них; их разбирали, чтобы обнаружить перетертые места, и огромный плечистый Брейм стоял тут же, наблюдая за работой. Капитан Грондааль подошел к нему, держа в руках только что полученную от главной конторы компании каблограмму.

— К вечеру надо будет выйти в море, — сказал он. — Хорошо еще, что все нужное снабжение у нас на борту.

Брейм взял у него каблограмму и медленно прочитал ее. Там указывалось, что место повреждения не было выяснено электриками-специалистами в Нагасаки, иначе сказать, повреждение надо было искать... на протяжении всей длины кабеля! Но все же были и кое-какие указания, позволявшие начать поиски не с самого берега.

— Это, вероятно, немножко севернее места наибольшей глубины, — сказал Брейм. — Скверное, покрытое кораллами дно.

— Да, там или около того места, — согласился с ним Грондааль. — У вас все готово?

— Да, да, — ответил Брейм. — У меня все готово.

Оба они были люди, не тратившие лишних слов. Грондааль через минуту уже отправился в помещение электрической станции, чтобы предупредить электриков, а Брейм пошел говорить со старшим по кабельной команде — Стеффансоном.

Беловолосый гигант-ирландец Стеффансон был опытным моряком, с пятидесятилетним стажем по ловле трески и по кабельной службе, и до своего поступления в франко-датскую компанию он работал в копенгагенской компании Ларссен. Некогда он плывал шкипером в ирландской рыболовной флотилии и провел сезон на консервных заводах на Аляске. О нем даже можно было сказать, что он, собственно, всегда был рыболовом, потому что работа по исправлению повреждений в кабелях по существу на три четверти является специальной работой кабельного мастера, а на девять десятых это то же, что и работа рыболова.

Как Стеффансон был правой рукой Брейма, так и у него самого была правая рука — датчанин Андерсен, на котором лежал главный надзор по управлению подъемным аппаратом.

Эти трое людей составляли как бы одно собирательное целое, и каждый из них представлял собой, так сказать, часть единого трехсильного механизма. Когда приходилось поднимать поврежденный кабель и начинали работать барабан и подъемный аппарат, то Брейм становился у бимсов*, Стеффансон у барабана, а Андерсен, положив руку на верхнюю часть машины, следил за общим ходом работы аппарата; исполняя ту же роль, что играют клеточки нервных узлов, контролирующие наши сложнейшие мускульные движения. И достаточно бывало одного знака, одного слова Брейма, а порою даже одного помысла его — как это уже мгновенно воспринималось его помощниками, и перевоплощалось в ту или иную тонну энергии.

В их власти были не только румпель и подъемный аппарат, но и турбинные двигатели главной машины: стоит Стеффансону сказать только слово стоящему на мостике Грондаалу, и судно сейчас же будет сдвинуто назад или пущено вперед, повернуто влево или вправо; а стоит только Андерсену кивнуть головой, как тотчас же придет в движе-

* Бимсы — деревянные или железные балки, соединяющие борты корабля.

ние барабан и станет разматывать или наматывать накрученный на нем канат. А как поймают кабель, так заведут с ним целую игру, ни дать, ни взять — рыболов с попавшим на крючок лососем.

Брызжащий здоровьем Брейм носил в крови наклонность к спорту, унаследовав ее от своих предков англичан. Не раз он мысленно сравнивал барабан подъемного аппарата с катушкой спиннинга (рыболовного удилица). Да, в сущности, это было одно и то же, потому что в основу как того, так и другого был заложен один и тот же принцип. Как леску удочки вы можете распустить или закрутить, сматывая и наматывая ее на катушку, так и машина, управляемая Андерсеном, производила ту же самую работу, но была только лучшим патентованным усилителем ее. Ведь, вся разница состояла только в размерах: с одной стороны — крюк, представляющий огромную тяжесть, а с другой стороны — крючок в несколько гранов весом; с одной стороны — сплетенный из проволоки канат, выдерживающий сопротивление в двадцать тонн, с другой стороны — веревочка в двадцать ниток.

По правде говоря, рыболовный спорт отрывал Брейма от его настоящей работы по кабельной специальности и, конечно, тянула его на эту работу только его страсть к спорту. Однажды он выловил акулу на рыболовную удочку, а еще как-то раз в течение целого часа и пятнадцати минут он забавлялся со скумбрией в семь с половиной пудов*, прежде чем посадить ее на острогу. Но попросите его сказать вам откровенно, какой спорт ему больше нравится, ловить акул или ловить кабели, и он вам ответит, что — ловить кабели.

Около пяти часов пополудни все до одного матросы были уже на судне, и, когда заходившее солнце стало опускаться над китайским берегом, раскинув вокруг себя точно наб-

* Мы знаем черноморскую скумбрию — небольшую рыбу из семейства макрелевых. В Тихом океане водится рыба тунец, из этого же семейства, достигающая 7-8 пудов веса.

раннюю из цветных стекол панораму, «Президент Гирлинг» начал поднимать якорные канаты.

Обратившись кормой к золотисто-розовому сиянию запада, он снялся с якоря.

II.

Ловля подводного кабеля

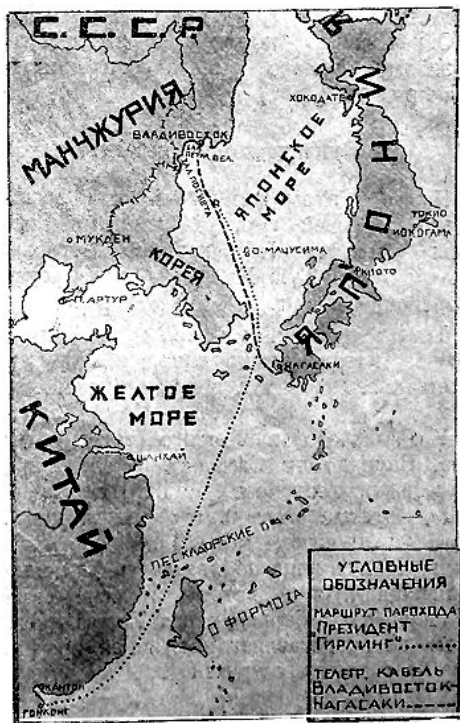
Плывя в этом жемчужном и розовом свете вечерней зари, «Президент Гирлинг» прошел Пескадорские острова, потом достиг Тунг-Хай-Си и вошел через Корейский пролив в Японское море.

Теперь перед ним лежал прямой путь вперед, навстречу противному ветру, и предстояла борьба с неприветливым морем.

У Японского моря много своих фокусов. Начиная от Сахалина и до самых Курильских островов, от него добра не жди, — отсюда идет почти всякая непогода на Японском море. Громадная равнина Манчжурии посылает сюда целые полчища бурь и ветров, и даже сама Япония, этот барьер перед Тихим океаном, не представляет настоящей преграды на пути этих ураганов.

Грондааль хорошо знал это море, знал, чего можно ждать от него, и потому непогода не могла застать его здесь врасплох. В бурной воде работа над кабелем невозможна, и «Президенту Гирлингу» не раз случалось задерживаться здесь на целые недели, не приступая к работе из-за ненастья на море. Капитан не падал духом и теперь, предрекая, что вся эта непогода не более, как последние остатки уже заканчивающегося периода бурь.

И Грондааль оказался прав. На рассвете, когда они достигли цели своего плавания, Японское море лежало гладкое, словно поверхность огромного сапфира, и такое спокойное, каким бывает только в мертвый штиль.

Рейс «Президента Гирлинга». Кружком показано место повреждения кабеля, несколько севернее района наибольшей глубины его залегания.

Перед самым восходом солнца судно остановилось. Брейм стоял у решетчатых люков и следил за работой кельвиновского аппарата для измерения глубины моря: с катушки трехмильного провода спускали лот. Тут же находился Стеффансон, готовясь сделать отметки о глубине.

Раздался шум машины, пущенной в ход, чтобы выбросить лот. Лот показал глубину в одну милю с четвертью и явные признаки того, что дно было каменистым.

Тут взялся за дело Брейм и начал установку первой отметки буюм. Буй был закинут при помощи грибовидного якоря с канатом, длиною свыше мили с четвертью. Потом судно отошло в сторону и, пройдя милю к востоку, выкинуло второй буй. Оба буя были снабжены лампочками на случай, если бы работу не удалось окончить до наступле-

ния темноты. Кабель должен был находиться на дне морском, где-нибудь между этими двумя буюми.

Стоя на носу, у бимсов, Брейм отдавал оттуда нужные распоряжения, пока с якорного каната спускали в море грапнель — весь сплошь из стали, бреймовский, патентованный, никогда не отпускающий пойманный кабель грапнель. Канат, выдерживавший напряжение в двадцать тонн, разматываясь с барабана, проходил через динамометр, так что можно было в любой момент видеть степень его напряжения. С корабля он свешивался через особое колесо на бимсах, между брашпиль-бимсами*, установленное в том же месте, где обыкновенно приходится бугшприт.

Когда грапнель достиг глубины, громыхающий барабан, наконец, прекратил свое вращение. Брейм поднял руку, в машинном отделении зазвенел сигнал, и «Президент Гиблинг» медленно, совсем неслышным ходом стал продвигаться назад, по направлению к первому отметному бую.

Грапнель, тащась по морскому дну в поисках за кабелем, задевал на своем пути решительно за все, — и за скалы, и за коралловые рифы, — и все одолеваемые им на ходу препятствия отмечались на громадном циферблате динамометра подпрыгиванием стрелки. В спокойном состоянии стрелка имела постоянное указание на двух тоннах напряжения: это была тяжесть каната, взвешенного в морской воде.

Было восемь часов утра. Грондааль вместе с электриками и со старшим офицером судна спустился завтракать, оставив Брейма одного на его посту около бимсов, на носу, и поручив третьему офицеру вахту на мостике.

Кают-компания была уютная, просторная, красиво обставленная комната с длинным, человек на двадцать, столом посредине. В это утро, вся купаясь в ярких лучах солнца, она казалась особенно красивой, а Грондааль был осо-

* Брашпиль-бимсы поддерживают брашпиль, горизонтальный ворот на носу судна, приводимый в действие обычно паром. Брашпиль служит для вытаскивания якоря, грапнеля и т. п.

бенно хорошо настроен. Ведь это же он напроорочил хорошую погоду, и сияющий день доставлял ему необычайное удовольствие.

За едой разговаривали о море.

— Я вот уже двадцать лет, как работаю в этом деле, — говорил старший офицер Джонсон, — а еще никогда не видал, чтобы за грапнель зацепился хоть какой-нибудь из затонувших обломков кораблекрушений. Возьмите количество кораблекрушений за один год, помножьте это число на двадцать, и вы получите представление о том, что полегло на дне моря за последние двадцать лет. Ведь это дно, можно сказать, вымощено обломками кораблей. Так уж, казалось бы, должны же они нацепляться на грапнель. А на самом деле, что получается? А? Что вы скажете?

Хардмут, второй специалист-электрик, человек с круглым, наивным лицом, с аккуратной белокурой бородкой, с открытыми, чистыми, как у ребенка, глазами, все время очень внимательно слушавший, вмешался, наконец, сам в разговор.

— Насчет обломков кораблекрушений я ничего не могу сказать, — заговорил он, — но вот несколько лет тому назад я сам видел, как грапнель вытянул нечто гораздо более странное, чем обломок кораблекрушения: он вытащил колесо.

— Рулевое? — спросил Грондааль.

— Нет, колесо от экипажа, бронзовое колесо...

— А позвольте полюбопытствовать, где это оно было вытасчено?

— На Красном море.

Хардмут был не только вторым электриком на судне, но и корабельным вралем. А в этот день, несколько позднее, ему представился случай поистине убедиться, что действительность порою бывает куда фантастичнее, чем какая угодно выдумка.

III.

Таинственная добыча

Нагасакский конец кабеля к двум часам пополудни был уже пойман и поднят. А ровно без десяти три начали охотиться за владивостокским концом.

Погода, действительно, переменилась. Барометр держался устойчиво, температура поднялась, а от равнин Манчжурии шла влажная, жаркая полоса и легкой дымкой растилалась по всему Японскому морю. Линия горизонта совсем потерялась вдаль за дымкой влажной полосы, а солнце, слегка умерив свое сияние, смягчило и остроту своей знойности; ветер же совсем затих, точно его никогда и не бывало.

Брейм, скинув пальто, смотрел за работой, стоя на своем обычном посту. И, хотя дело шло великолепно, он все-таки все время был не в духе из-за жары и, кроме того, он испытывал напряженное состояние человека, гонящегося за призом большого кубка. Если только ему удастся поймать и выловить на борт владивостокский конец кабеля, положим, хоть к пяти часам, то, значит, вся работа закончится в один день, а это уж будет поистине неслыханно славным делом.

Грапнель был спущен в море, и наполовину уже было закончено первое испытание дна, когда указатель на динамометре, определявший до того напряжение в две тонны с четвертью, вдруг одним махом перескочил на восемь тонн, продержался так с секунду и опять, сразу же, упал до шести...

Затем стрелка прыгнула на десять тонн, через пять секунд взвилась до пятнадцати, потом упала до семи, снова поднялась, показала двенадцать и снизилась до пяти.

Стоявший у барабана Стеффансон, человек вообще малоразговорчивый, как только увидал все эти скачки динамометра, сейчас же окликнул Брейма и спросил его, что это могло бы значить.

Если бы был пойман кабель, то на динамометре это отразилось бы медленным, но устойчивым подъемом показателя напряжения. Если бы грапель попал на скалу или на подводные растения, то стрелка могла бы, действительно, сделать скачок, но, как только грапель освободился бы, она сейчас же упала бы до своей нормальной высоты.

Могло бы, конечно, случиться и так, что грапель, тащась по морскому дну, встретил бы последовательно на своем пути несколько препятствий и одно за другим преодолел бы их, но тогда стрелка, в конце концов, все-таки водворилась бы на линии нормального напряжения, а не скакала бы подряд, то на шесть тонн, то на семь, то на пять.

— В чем тут дело? — спрашивал Стеффансон.

Брейм ничего не ответил ему. Он сначала остановил двигатель, потом на несколько оборотов снова пустил его в ход.

Он наклонился и приложил ухо к канату. По звуку в канате он всегда мог распознать, на что наткнулся грапель, — на скалу или на кабель. Но то, что он услышал сейчас, было для него совершенно новым: заглушенные, отрывистые звуки, словно биение какого-то гигантского сердца, слышное издалека.

Этот канат был точно стетоскоп*, передающий смутный намек на биение сердца самого мира.

Брейм выпрямился.

— Рыба! — крикнул он Стеффансону. — Мы напали на рыбу. Вот увидите...

— Рыба? — переспросил Стеффансон. — Что же это за рыба длиною больше мили?

Но Брейм, по-видимому, не расслышал вопроса.

— Сколько еще каната у нас на барабане? — крикнул он.

— Не больше полумили, — был ответ.

— Скажите Джонсону, — чтобы он подкатил еще две мили каната и чтобы скрепил его с этим! — крикнул Брейм. — Андерсен, станьте-ка у машины. Стеффансон, следите хорошенько, чтобы барабан вертелся ровно. Чтобы никаких зацепок не было.

Едва успел он это договорить, как закинутый в море канат вдруг подался вперед и, став под острым углом к воде, взбурлил вокруг себя кольцо расходящихся волн. Гигантская ли рыба или что-то другое, словом, то, что было там, внизу, теперь ринулось куда-то вперед.

— Разматывайте понемногу! — крикнул Андерсену Брейм, и, едва только слышались звуки гроыхающего пустого барабана, как он буквально в два прыжка очутился уже на палубе, перебежал ее, и взвился по лесенке на капитанский мостик.

Отсюда он мог следить сразу и за динамометром и за канатом впереди него. Здесь у него под рукой было управление главной машиной, и с этого места он легко мог давать Андерсену распоряжения о подъемном аппарате. На этом месте он был полным хозяином всего механизма, а в то же время у него, как у рыболова, были в руках и удилище и катушка лески. И, как ни сильны были в нем инстинкты спортсмена, однако, двигала им в это время вовсе не его охотничья страсть. Сейчас ему просто хотелось прежде всего спасти канат, так как он хорошо видел, что внизу

* Стетоскоп — докторская трубка для выслушивания больных.

совершается что-то далеко не шуточное и что канат может лопнуть, а ведь он знал, что полторы мили свитого из стальной проволоки каната стоят хороших денег.

Канат с барабана разматывался медленно, напряжение его измерялось всего пятнадцатью тоннами, а между тем, нагнувшись над бортом, можно было заметить, что с канатом делалось что-то странное. Ясно было, что кто-то вел судно на буксире, совершенно так же, как попадает иной раз на буксир баркас рыболовов, охотящихся за семгой, когда семга начинает вырываться, натягивает со всех сил леску и пригибает удилице. Только порывы чудовищной добычи, которая зацепилась на грапнеле, были, пропорционально ее величине, гораздо медленнее:

И чем бы ни было это существо, пойманное грапнелем, во всяком случае два факта были уже налицо: несомненно, что это было нечто очень громадное и нечто очень неповоротливое. И, как только Брейм уяснил себе оба эти факта, он почувствовал (как он описывал впоследствии), что у него «сердце повернулось на месте».

IV.

Борьба с неведомым врагом

Как раз в это время на капитанский мостик поднялся Грондааль. Происшествие еще не успело наделать шуму на пароходе. Никто еще ни о чем не знал, кроме самих участников кабельной работы. Ничего не подозревал и Грондааль, когда взбирался на мостик, и потому был очень удивлен, застав там Брейма. Он сразу же увидел, как страшно натянулся канат, закинутый в море, и некоторое время ему казалось, что они идут, но вслед за тем он понял, что это неверно: пароводный винт не работал, а барабан разматывал канат...

— Что такое? В чем дело? — спросил изумленный Грондааль.

— Мы идем на буксире, — ответил Брейм.

— Как на буксире? Что там такое на грапнеле?

— Там что-то живое, — отозвался Брейм. — Какой-то прапрадед всех китов, насколько я могу понять... Эй, Стеффансон! Призадержите-ка барабан! Дайте-ка посильнее напряжение!

Стеффансон повиновался, замедлил ход барабана, и указатель на динамометре спокойно поднялся сначала до восемнадцати тонн, потом до девятнадцати и до девятнадцати с половиной.

— Убавьте напряжение! — крикнул Брейм.

Барабан стал понемногу вращаться быстрее, и указатель опустился до семнадцати тонн.

— Так держать! — скомандовал Брейм.

— Ничего себе, черт возьми! — пробормотал Грондааль.

Брейм рукавом сорочки вытер себе потный лоб.

— Ну, а что же остается делать? — спросил он. — Надо либо тащить, либо рубить канат. А мыслимо ли обрубать, раз мы весь канат выпустили?

— А, может быть, еще удастся и высвободить его, — заметил Грондааль. — Ведь если это был кит и если бы грапнель попал ему за челюсть, так ведь он начал бы кататься, как бревно, и весь запутался бы в канате. Эти его повадки я отлично знаю.

— Нет, это не кит, — сказал Брейм. — И чего я больше всего боюсь, так это какого-нибудь внезапного толчка. Вы же знаете эти проволочные канаты: стоит ему только удариться обо что-нибудь, он сейчас же отскочит и тут же весь в куски разлетится... Да вот, смотрите, пожалуйста. Видите, как он там зацепился за бимсы. Отойдите! Отойдите подальше от каната! Вы совсем здесь не у места! Встаньте вот сюда, за барабан!

Грондааль взглянул на компас.

— Мы теперь на Владивосток идем, — сказал он. — И таким ходом мы, пожалуй, к Рождеству доберемся туда. Холодное это место в такое время года. У вас меховое пальто есть?

Брейм рассердился.

— Ну что же? Прикажете топоры в ход пустить? Ну, рубите, — заворчал он. — Ведь вы же хозяин на судне.

— Нет, не я, — ответил ему Грондааль. — Пока идет кабельная работа, хозяином на судне является главный кабельный инженер. А потому делайте, как сами знаете.

— Ну, так я не брошу возиться с этой штукой. Вот видите: один конец каната там внизу, где мой грапнель захватил эту самую штуку, а другой конец его здесь, наверху, где стою я, сам Брейм. И я уже сумею проучить эту паршивую бестию... А то — рубить! Да я скорее руку себе дам отрубить...

Он весь так и горел, охваченный пылом работы. Но медленность, с которой шло дело, отношение Грондааля, жаркий день и, наконец, сознание, что хозяином положения сделалось то «нечто», что зацепилось там, внизу, — все это вместе выводило его из себя, и он то решал бросить все, разрубив канат, то заставлял себя так или иначе выдерживать характер и работать дальше. И вот снова уже раздавалась его громкая команда, и снова он звонко хлопал ладонью по поручням капитанского мостика... И вдруг динамометр внезапным скачком упал до двух тонн.

— Сорвалось! — воскликнул Грондааль.

Брейм крикнул Андерсену, чтобы сматывали канат. Машина дрогнула, барабан начал вращаться в обратную сторону. Напряжение каната сейчас же ослабло, и он стал сматываться. Однако, все это было лишь какой-нибудь момент, а затем стрелка динамометра снова прыгнула и остановилась на четырнадцати тоннах. А в это же время нос корабля медленно изменил свое направление, и игла компаса дала колебание.

— «Он», видите ли, переменял курс... Только и всего, — вставил свое замечание Грондааль. — Насколько кажется, «он» теперь идет на залив Поссьета... А, послушайте, не можете ли вы как-нибудь поторопить «его»?

Брейм не ответил. Он весь ушел в свои размышления. Высшей степенью сопротивления каната считалось двадцать тонн, но он знал, что на самом деле канат может выдерживать и большее напряжение. Самое же скверное, что

могло случиться, это — разрыв каната. И Брейм задумал прибегнуть к решительным мерам.

Перегнувшись через перила капитанского мостика, он отдал распоряжение всем отодвинуться назад и встать так, чтобы оставить между собой свободный проход. Само собой разумеется, что это распоряжение не относилось ни к Стеффансону, ни к Андерсену. Стеффансону он дал особый приказ употребить все силы, чтобы удержать на месте тыльную часть барабана.

Затем он велел прекратить разматывание каната. Напряжение сразу поднялось до девятнадцати тонн. Тогда он приказал Андерсену дать барабану два оборота назад. Стрелка динамометра подскочила на двадцать тонн. Какова была действительная сила напряжения, узнать было совершенно невозможно. Брейм полагал, двадцать пять. Он приказал дать барабану еще один оборот.

Вместо ожидавшегося звука выстрела от разрыва каната получилось следующее: на динамометре произошел новый скачок, стрелка сначала упала до нормального положения, а потом поднялась на две тонны.

Очевидно, произошло одно из двух — либо, натягивая канат, грапель сорвали с того, за что он зацепился, либо добыча сама поднялась в воде настолько высоко, что напряжение каната упало до двух тонн

— Тащите вверх! — заорал Брейм.

Барабан загромыхал, и ослабнувший канат метр за метром с шумом полез наверх.

— А ведь у вас сорвалось, — сказал Грондааль.

— Кажется, что так, — сказал Брейм упавшим голосом.

Он был прямо в отчаянии. Охотничьи инстинкты рыбака так и клокотали в нем. Из всех рыболовов мира судьба выбрала его, и ему одному отпустила этих инстинктов столько, что он мог бы поймать хоть самого левиафана*. И, кроме того, в его распоряжении вместо удилица было целое судно в полторы тысячи тонн, а вместо катушки с леской

* Легендарное морское чудовище.

— барабан с длиннейшим проволочным канатом, и вот все-таки его рыбка ушла.

Вдруг сердце у него екнуло.

Ослабнувший было канат внезапно с треском натянулся, и поверхность моря под ним вздымилась целым каскадом радужных брызг. Андерсен, не дожидаясь команды, быстро выключил машину, а Стеффансон, тоже по собственной инициативе, отпустил тормоз барабана. И канат, вместо того, чтобы лопнуть, ринулся вперед.

Брейм знал, что случилось там, внизу, под водой. Туда ушло около четырехсот метров каната. Это означало, что добыча там, внизу, сначала прыгнула на четырехста метров вверх, а теперь опять бросилась вглубь.

Несколько минут он предоставил канату опускаться, а затем, совершенно точно зажимающий леску рыболов, налег на ручку барабана. Канат не лопнул, он только вытянулся под острым углом к поверхности моря и вскружил волны вокруг себя. Ясно было, что добыча не сорвалась, а стремилась уйти и сделала уже около четырех узлов. Такое же расстояние прошло и судно, за вычетом лишь той доли его, что приходилась на длину очень медленно распускавшегося каната. По приказанию Брейма, барабан теперь вращался без контроля тормоза. Брейм работал, уже совершенно не сверяясь с динамометром. Он всецело полагался на свое чутье рыболова. И это было сплошь — вдохновение художника и азарт охотника.

Он затеял теперь настоящую игру с тем, что было поймано там, внизу, то подымая, то отпуская напряжение каната. А через час он уже решил про себя, что добыча должна быть не глубже полумили под поверхностью моря.

Но что, с одной стороны, положительно приводило его в недоумение и, с другой стороны, окрыляло его надеждой, — так это медленность в движениях, проявлявшаяся добычей, совершенно непропорциональная ее размерам. А об этих размерах ее не могло быть двух мнений. Если бы скорость ее движений была пропорциональна ее величине, то канат должен бы был непременно лопнуть.

Теперь уже все судно жадно следило за происходящим. Офицеры и электрики взобрались на капитанский мостик, а команда толпилась в проходах на палубе. Хардмут сбегал даже вниз за своей камерой, чтобы сфотографировать первый момент извлечения добычи.

Что касается самого Брейма, то он не обращал ровно никакого внимания на публику кругом себя. Ему было решительно безразлично, был ли на капитанском мостике кто-нибудь из тех, кого он знал и ценил, или никого не было, он всей душой и всеми помыслами ушел в эту борьбу с добычей и жил только этим.

Однако, по виду это, в сущности, мало походило на борьбу, не было ни возбуждения, ни суматохи, все ограничивалось только тем, что напряжение каната или медленно увеличивали, усиливая работу барабана, или же ослабляли, прекращая на время движение машины.

А с динамометром случилось что-то неладное. От непривычки ли к сильному напряжению или к такому неровному обхождению с ним, или от чего другого, но только он окончательно сдал, и стрелка его показывала на максимум даже тогда, когда канат был совсем ослаблен.

V.

Чудовище из глубины глубин

До заката оставалось всего каких-нибудь полчаса, когда Брейму удалось, наконец, выгнать свою добычу на расстояние четверти мили от поверхности воды. По крайней мере, он сам так думал.

Опущено было каната на одну милю длиной, а добыча, по его предположениям, находилась в трех четвертях мили от судна, считая это расстояние по поверхности моря.

При этом в своих вычислениях он принимал во внимание и глубину моря в данном месте, и весь тот канат, что не был натянут, и угол выпущенного каната с поверхно-

стью воды, или, другими словами, направление между точкой отхождения каната от носа судна и тем пунктом, где он входил в воду. Но если добыча и была, действительно, всего на четверть мили под уровнем моря, то и до заката ведь оставалось всего полчаса. Восхода же луны раньше наступления полной темноты ждать было нечего. А разве не будет жалеть весь мир, если великое «Невиданное» извергнется из моря под покровом тьмы! Да, кроме всего прочего, это могло быть даже и не совсем безопасным.

Хардмута это, волновало еще больше, чем самого Брейма. Он ждал со своей мерой наготове. Хардмут — страстный фотограф, а не только корабельный враль и насмешник, а это, всякий понимает, кое-что да значит.

Нижний край солнечного диска уже коснулся линии моря, когда великое событие свершилось. Прямо на востоке от судна и в одной миле расстояния от носовой части штир-борта вода вдруг всколыхнулась.

— Смотрите! — вскрикнул Брейм.

Над морем поднялся какой-то рог, какая-то темная колонна, заостренная вверху, живая, но, словно червь, безглазая. Он поднялся, упорно вздымаемый какой-то силой, поднялся и стоял, подобно рогу Иблиса *, возвышаясь колонной в тридцать метров высотой, с выпуклостью у основания, темный, точно весь из черного дерева, и с отливом солнца вокруг своих очертаний.

И, казалось, будто от самых глубин своих взволновалось море. И ярким светом сияли лучи солнца на этом чудовище, освещая того, для которого еще никогда они не светили.

Впечатление еще усиливалось благодаря необычайной, полной тишине, внезапно водворившейся на всем судне.

* Иблис — падший ангел магометанской мифологии.

Впоследствии, когда среди судовой команды начался обмен впечатлениями от этого момента, то оказалось, что у всех в тот миг была одна и та же леденящая сердце мысль: не столько дивили размеры чудовища, не столько поражало и самое появление его, сколько то, что оно было ж и в ы м.

Некоторым оно показалось в полумиллю высотой, другим оно представлялось в более правдоподобную величину, но не было ни одного, кто бы не был положительно сражен. тем, что оно ж и в о е. И сознание этого становилось особенно острым при воспоминании о его неповоротливости, о том, с какой спокойной неподвижностью оно появилось и как оно поднялось над водою.

Таковы были впечатления команды, а у самого Брейма прямо голова пошла кругом от хлынувших на ум соображений.

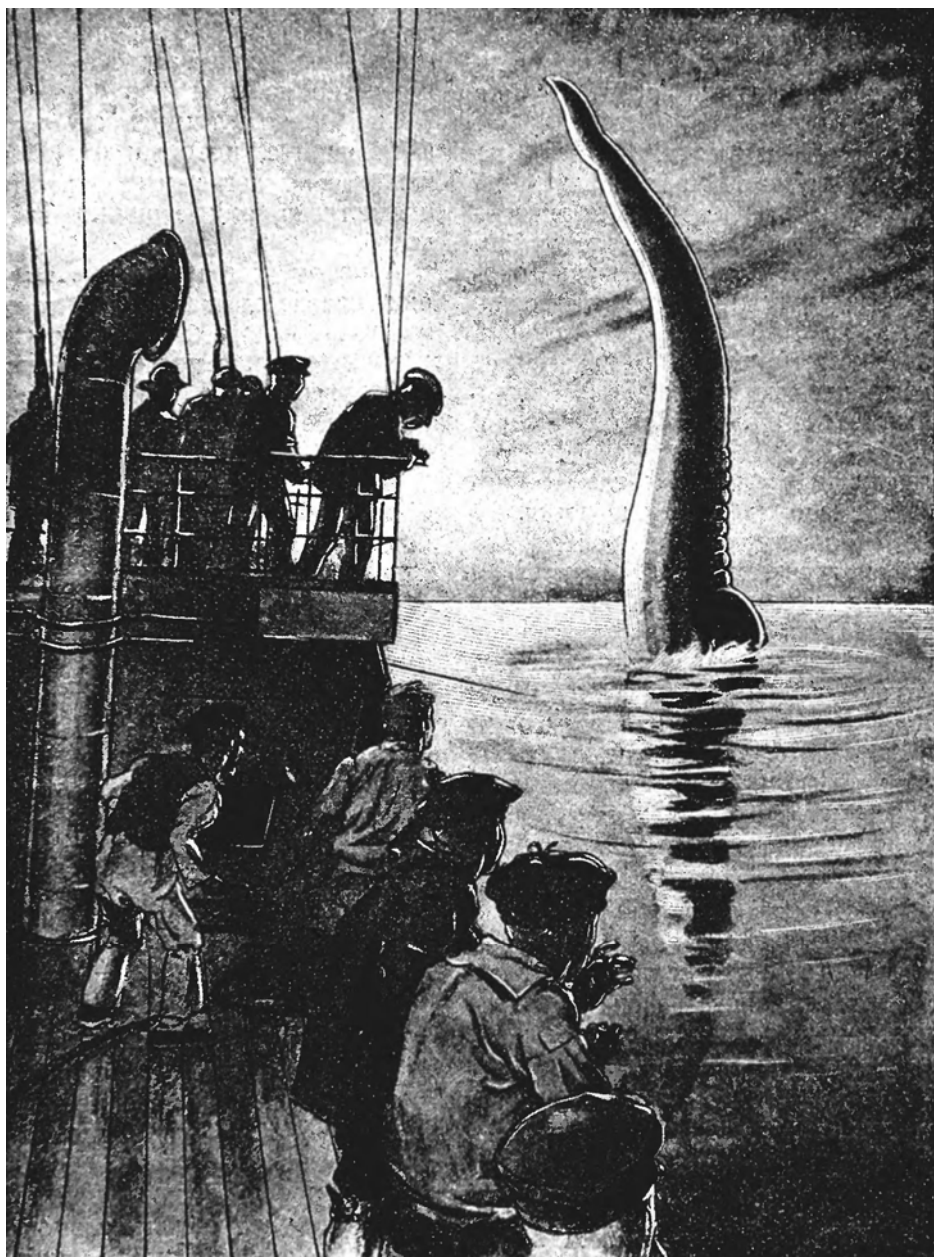
Ведь он же извлек из глубины глубин это чудовище; он знал, что оно принадлежало к миру, давно уже исчезнувшему с лица земли, и, если оно в тот момент, с биологической точки зрения, и было живо, то, с точки зрения исторической, оно все-таки не существовало теперь. А все эти неповоротливые, медленные движения, — разве они не были проявлением борьбы, и борьбы на жизнь и смерть!.. Давление, под которым это чудовище жило и приняло вид рога, было, как бы то ни было, одним из условий его существования, а вот теперь, когда это условие нарушено, оно должно умереть.

Да, верно, уж и умирает...

Тишину, царившую на капитанском мостике, прорезал какой-то слабый звук... Это Хардмут щелкнул затвором своей камеры. Фотограф первый из всех пришел в себя от оцепенения.

И при звуке этом, точно он был сигналом, живая колонна медленно нагнулась и затонула, как тихо погружаемый в воду меч.

Закат блеснул последними лучами на волнах беспокойного моря, и жаркий день угас. Окружающее чуть вырисовывалось в сменивших дневной свет туманных сумерках. И

какие-то звуки пронесли над морем: будто где-то, о какой-то далекий берег, ударилась волна... А потом несколько раз подряд слышалось что-то, похожее на бульканье гигантской бутyli, опускаемой в воду...

Но людям на борту «Президента Гирлинга» некогда было прислушиваться.

Брейм, стоя на мостике, орал во всю глотку. Канат совсем ослаб. Явно было, что добыча высвободилась с крюка даже еще до момента своего появления над водой. Барабан, смазывавший канат, заработал вовсю и своим громыханьем заглушал все другие звуки. Но чего он не мог заглушить, — это запахов, а они наполнили, собою весь стоячий безветренный воздух. Пахло илом и тиной, с примесью еще чего-то, напоминавшего запах грязи тропического берега.

Понадобилось больше получаса, чтобы смотать канат. Когда грапнель вытащили на борт, его подставили под свет дуговой лампы и подвергли тщательному обследованию. Но обнаружить на нем не удалось ничего, за исключением зацепившегося у основания одного из грапнельных крюков какого-то крошечного кусочка, похожего на лоскуток черной кожи... Да еще на конце самого каната оказались какие-то царапины.

И как раз в то время, когда Брейм производил этот осмотр, воздух потряс какой-то звук, похожий на раскат грома, а вдали, над морем, в полутьме блеснуло что-то белое, как будто полоса упавшей вниз белой пены.

Грондааль крикнул с мостика Брейму:

— Нам пора убираться отсюда!

Он дал звонок в машинное отделение, и судно закружилось на месте, словно испуганный зверь, а потом дрогнули винты, и оно, взяв новый курс, пошло полным ходом. Оно прошло уже милю расстояния, когда раскат повторился снова, но на этот раз был уже слабее.

Они прошли мимо фонарика, горевшего на буре, которым отметили местонахождение нагасакского конца кабеля, предоставив ему одиноко светить над водой.

А потом, когда они уже умили ход, они снова слышали звук того же грома вдали, — звук был совсем уж слабый, и раздался он в последний раз...

Поднялась луна, и под ее светом люди на палубе всю ночь напролет все прислушивались и все сторожили, но море расстилалось кругом, как ни в чем не бывало. И когда они на следующее утро подошли вплотную к месту происшествия, то не было заметно ничего особенного, только поверхность воды слегка подернулась зыбью под мягкой дымкой тумана, предвещавшего, что нарождающийся день будет тоже жарким.

В одиннадцать часов из темной комнаты, где происходило проявление необычайной пластинки, наконец, вышел Хардмут.

И, словно та пена, что вздымают за собой винты корабля, было бело лицо его.

Он присел на ящик спасательного буя, точно хотел перевести дыхание. Бывший невдалеке от него Брейм подбежал к нему, выхватил у него из рук пластинку и стал разглядывать ее на свет.

На ней был снимок уголка одного из копенгагенских садов. Бедный Хардмут, относясь с презрением ко всяким кодакам, употреблял только сверх-великолепную односнимочную камеру и второпях всадил в нее кассетку с уже использованной пластинкой.

Говорят, что с той поры Хардмут никогда не лгал, никогда не насмешничал, — по крайней мере, на борту «Президента Гирлинга».

Комментарии

Произведения, включенные в книгу, публикуются по оригинальным изданиям с исправлением очевидных опечаток; за некоторыми исключениями, сохранены особенности орфографии и пунктуации.

Ч. Робертс. На рассвете времен. Мир до человека

Отрывок из романа Ч. Робертса «In the Morning of Time» («На заре времен», «На рассвете времен», отд. англ. изд. 1919). Впервые на русском яз.: Природа и люди, 1912, № 35 с подзаг. «Научный рассказ».

Сэр Чарльз Г. Д. Робертс (1860-1943) – выдающийся канадский писатель и поэт. После окончания университета работал школьным директором, журналистом, с 1885 г. университетским преподавателем. В 1897-1905 гг. жил в Нью-Йорке, затем в Париже и Мюнхене и в 1912-1925 гг. в Лондоне. Во время Первой мировой войны служил в британской армии, дослужившись до капитанского звания. В 1925 г. вернулся в Канаду. Робертс оставил обширное литературное наследие, включая более десятка прославивших его книг о животных; он считается первым канадским писателем, завоевавшим всемирное признание, и основоположником канадской поэзии.

А. Романовский. Слоновий «дедушка»

Впервые: Всемирный следопыт, 1929, № 12.

С. 20. ...к *Табурицу* – Табурице (Таборище) – старинное село, часть современного Светловодска (Украина). Кости мамонта, обнаруженные здесь, можно видеть, в частности, в местном краеведческом музее. В целом находки останков мамонтов на территории современной Украины достаточно многочисленны.

С. 21. ...предшественник позднейшего мамонта – Т.е. так называемый «степной мамонт» или трогонтериевый слон (*Mammuthus trogontherii*), живший в Евразии в среднем плейстоцене. Являлся одним из крупнейших хоботных всех времен, достигал в плечах до 4.7 м и веса до 10 тонн, с бивнями, достигавшими 5 м.

Б. Сотник. Ха из стаи Хоу

Впервые: Мир приключений, 1928, № 2, за подписью Б. С. Сотник.

Ирвинг Крамп. Осажденные черепахами

Впервые на русском яз.: В мастерской природы, 1925, № 5, за подписью Ирвинч Кремп.

И. Крамп (Cump, 1887-1979) – американский писатель. В общей сложности четверть века редактировал бойскаутский журнал Boys' Life. Известен в основном серией рассказов и романов об отважном и изобретательном неандертальце Оге.

Н. Павлов. Птенцы

Впервые: Знание-сила, 1928, № 6.

Ряд деталей рассказа (инкубатор, особое освещение, ускоряющее рост птенцов, появление из яиц «чудовищ» и нападение их на «творца») со всей очевидностью выявляет его непосредственный источник – повесть М. А. Булгакова «Роковые яйца» (1924-1925), которая в свою очередь восходит к «Пище богов» Г. Уэллса (1904).

С. Красновский. Катастрофа пространства

Впервые: Мир приключений, 1928, № 9 с послесловием известного революционера и ученого Н. А Морозова (1854-1946) «“Многогомерности” и “кривизны” пространства».

С. 111. ...*Бальяи, Болиай* – Так в тексте. Я. Бойяи (Больяй, 1802-1860) – венгерский математик, один из основоположников неевклидовой геометрии. При жизни опубликовал лишь одну работу, но оставил тысячи страниц математических рукописей.

С. 112. ...*Нернста* – В. Г. Нернст (1864-1941) – немецкий химик, известный трудами в области физической химии. Лауреат Нобелевской премии 1920 г. за работы по термодинамике.

Морис Ренар. Пещера чудовищ

Впервые на русском яз.: Всемирный следопыт, 1926, № 8, с подзаг. «Фантастический рассказ». На русском яз. публ. также как «Каникулы господина Дюпона».

Морис Ренар (1875-1939) – виднейший французский фантаст первой половины XX в., автор многочисленных научно-фантастических, оккультных и неоготических произведений. В 1900-х гг. выступал также как теоретик НФ, которую называл «научно-чудесной» литературой. Первым ввел в НФ множество оригинальнейших идей, на десятилетия опередив других западных фантастов. Особую известность получили романы «Доктор Лерн, полубог» (1908), «Голубая опасность» (1911), фантастический детектив «Обезьяна» (1925), написанный в соавторстве с А. Жаном, и классическая, несколько раз экранизовавшаяся кн. «Руки Орлака» (1920).

С. 133 ...*атлантозавр* ...*бронтозавр* – Устаревшие названия апатозавра. В свое время считалось, что атлантозавр, бронтозавр и апатозавр являются различными видами.

Василий Афанасьев. Страна великанов

Впервые: Всемирный следопыт, 1927, № 10.

Как можно предположить, толчком к написанию этого произведения послужила работа над научно-популярным очерком «Ящеры-гиганты», опубликованным в том же журн. с рис. автора в 1926 г.

С. 167. ...*тирадоре* – От *tirador*, кожаный пояс гаучо (исп.).

Генри Де Вер Стэкпул. Из глубины глубин

Впервые на русском яз.: Всемирный следопыт, 1926, № 12, за подписью Де-Вер-Стэкпул, с подзаг. «Фантастический морской рассказ».

Генри Де Вер Стэкпул (De Vere Stacpoole, 1863-1951) – весьма плодовитый ирландский автор, писавший приключенческие романы, триллеры, детективы, фантастические и научно-фантастические произведения. Наибольший успех выпал на долю его неоднократно экранизированной кн. «Голубая лагуна» (1908). Более 40 лет Стэкпул прослужил судовым врачом и отлично знал природу и нравы туземцев на островах южной части Тихого океана, которые часто описывал в своих книгах. Последние три десятилетия жизни провел на о-ве Уайта.

Оглавление

<i>Ч. Робертс.</i> На рассвете времен	7
<i>А. Романовский.</i> Слоновий «дедушка»	18
<i>Б. Сотник.</i> Ха из стаи Хоу	42
<i>И. Крамп.</i> Осажденные черепахами	57
<i>Н. Павлов.</i> Птенцы	67
<i>С. Красновский.</i> Катастрофа пространства	80
<i>М. Ренар.</i> Пещера чудовищ	126
<i>В. Афанасьев.</i> Страна великанов	162
<i>Г. Де Вер Стэкпул.</i> Из глубины глубин	216
Комментарии	240

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.